

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология.
Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology.
Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

3
2022

There are 4 issues of printed version of the journal a year
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

5.7 Philosophy:

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social philosophy

5.10 Art Studies:

5.10.1 Theory and history of art

5.10.3 Film, television and other screen arts

5.4 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of culture

Goals of the journal

Representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включена: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7 Философия:

5.7.2 История философии

5.7.7 Социальная и политическая философия

5.10 Искусствоведение и культурология:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства)

5.4 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала

Представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала

Осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматических достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zveigintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executive editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тоценко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Зевинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кельнский университет, Кельн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Молчанов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Ратиц*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупшерталья, Вупшерталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, РГГУ

Content

Philosophy. History of Philosophy

<i>Viktor I. Molchanov</i> Skepticism and identity. Toward a phenomenology of a neutral meaning	10
<i>Mikhail A. Belousov</i> Phenomenological epoche: placidity or despair?	27
<i>Vladimir P. Vishnyakov</i> <i>Dasein</i> and ἦθος: do values exist?	40

Sociology: theoretical and empirical researches

<i>Anna V. Kuchenkova</i> Higher education as a moderator of the relationship between the employment instability and the employees' subjective well-being	58
<i>Galina V. Tartugasheva</i> About the leisure of Russian workers	69
<i>Anna V. Chirkova</i> Classification characteristics for differentiating young people according to health-saving behavior	82
<i>Svetlana Yu. Mitrofanova</i> Some formats of social interaction practices in childhood: Friendship, avoiding conflicts and teaching lies	93
<i>Elizaveta O. Nechaeva</i> The image of a nurse in Soviet and post-Soviet cinema	104

Art Studies

<i>Valentin D. Chernyi</i> Foreigners' perception of Russian artwork in the 16 th – 17 th centuries	112
<i>Andrei N. Fomenko</i> The heroes and nonentities, or Television versus sculpture: Yerbosyn Meldibekov's visual anthropology	125
<i>Elena E. Agratina</i> The emergence of art criticism in France in the second half of the 17 th and the first half of the 18 th century	146

Содержание

Философия. История философии

<i>Виктор И. Молчанов</i> Скептицизм и тождество. К феноменологии нейтрализации смысла	10
<i>Михаил А. Белоусов</i> Феноменологическое эпохе: безмятежность или отчаяние?	27
<i>Владимир П. Вишняков</i> <i>Dasein</i> и ἦθος: фактичны ли ценности?	40

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Анна В. Кученкова</i> Высшее образование как модератор взаимосвязи неустойчивости занятости и субъективного благополучия работников	58
<i>Галина В. Тартыгашева</i> О досуге российских работников	69
<i>Анна В. Чиркова</i> Классификационные признаки для дифференциации молодежи по здоровьесберегающему поведению	82
<i>Светлана Ю. Митрофанова</i> Социальные взаимодействия в детстве: дружба, уход от конфликтов и обучение лжи	93
<i>Елизавета О. Нечаева</i> Образ медицинской сестры в советском и постсоветском кинематографе	104

Искусствоведение

<i>Валентин Д. Черный</i> Восприятие иностранцами русского изобразительного искусства в XVI–XVII столетиях	112
<i>Андрей Н. Фоменко</i> Герои и ничтожества, или Телевидение против скульптуры: визуальная антропология Ербосына Мельдибекова	125
<i>Елена Е. Азратина</i> Истоки художественной критики во Франции второй половины XVII – первой половины XVIII вв.	146

Скептицизм и тождество. К феноменологии нейтрализации смысла

Виктор И. Молчанов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, victor.molchanov@gmail.com*

Аннотация. В статье обсуждается феноменологический метод Гуссерля в аспекте двойственного отношения к скептицизму – явной критики и неявного сближения с позицией скепсиса. Основной тезис статьи состоит в том, что скептицизм как преодоление сомнений и нейтрализация позитивного и негативного является основным методологическим ориентиром Гуссерля, а термин «эпохе» – обозначением позиции, которая объединяет теоретико-познавательный принцип равнозначности данностей по отношению к существованию или несуществованию предмета с попыткой представить отказ от вовлеченности в любой вид конкретного опыта как особый опыт.

Проводится различие между философским и общераспространенным пониманием скептицизма. Выявляется общая предпосылка скепсиса: полагать тождество в качестве опыта, а не искусственной процедуры. Анализируется способ введения и статус основных терминов Гуссерля – «значение» и «смысл» в контексте проекта «чистой логики». Показано, что источником терминов «интенция значения» и «осуществление значения» является сфера эмоций и чувств. Констатируется противоположность позиций Brentano и Гуссерля в вопросе аналогии между суждениями и сферой душевной жизни. Рассматривается гуссерлевская оценка роли субъективизма и скептицизма в преодолении естественной установки. Вопреки Гуссерлю, сближавшему вплоть до отождествления субъективизм и скептицизм, проводится существенное различие между ними. Подвергается критике обоснование различия значения и предмета с помощью допущения самоотждественности предмета с разными значениями. В этой связи подвергнуты критическому анализу известные гуссерлевские примеры с Наполеоном, трюфельниками и лошадьми, которые должны были служить подтверждением обоснованности указанного различия. Выделяются два ключевые момента феноменологического скептицизма: нейтральность значения, или смысла, по отношению к реальности предмета и нейтральность предмета по отношению к существованию или несуществованию.

Ключевые слова: скептицизм, субъективизм, феноменология, смысл, значение, тождество, нейтрализация, время, эпохе, Гуссерль

Для цитирования: Молчанов В.И. Скептицизм и тождество. К феноменологии нейтрализации смысла // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 10–26. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-10-26

Skepticism and Identity. Toward a phenomenology of a neutral meaning

Viktor I. Molchanov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia victor.molchanov@gmail.com*

Abstract. The article discusses Husserl's phenomenological method in the aspect of the ambivalent attitude to skepticism: explicit criticism and implicit convergence with the position of skepticism.

The main thesis of the article is that skepticism as overcoming doubts and neutralizing the positive and negative is Husserl's main methodological guideline, and the term "epoch" is a designation of a position that combines the theoretical-cognitive principle of the equivalence of givenness in relation to the existence or non-existence of an object with an attempt to present the refusal to engage in any kind of concrete experience as a distinctive experience. At the same time, a distinction is made between the philosophical and the common understanding of skepticism. The author reveals the general presupposition of skepticism: to assume identity as an experience rather than an artificial procedure.

He also analyzes the method of introduction and the status of Husserl's basic terms "meaning" and "sense" in the context of the "pure logic" project. It is shown that the source of the terms "meaning intention" and "fulfilment of meaning" is the sphere of emotions and feelings. Brentano's and Husserl's opposing positions concerning the analogy between judgments and emotions are stated. A consideration is given to Husserl's assessment of the role of subjectivism and skepticism in overcoming the natural attitude. Contrary to Husserl, who brought together subjectivism and skepticism to the point of identification, an essential difference is made between them. The article criticizes the way of Husserl's differentiation between the meaning and the object with the help of the assumption of the self-identity of the object with different meanings. In this regard, the well-known Husserl's examples with Napoleon, the triangle, and the horses which should have served as confirmation of the validity of this difference, are subjected to critical analysis. Two key points of phenomenological skepticism are highlighted: the neutrality of meaning, or sense, in relation to the reality of the object, and the neutrality of the object in relation to its existence or non-existence.

Keywords: skepticism, subjectivism, phenomenology, meaning, sense, identity, neutralization, time, epoch, Husserl

For citation: Molchanov, V.I. (2022), "Skepticism and Identity. Toward a phenomenology of neutral meaning", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 10-26, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-10-26

...недостаточность прежней науки.
Историческим показателем такого
положения дел является, так ска-
зать, бессмертие скептицизма.

Э. Гуссерль

Любая философия терпит крах,
это относится к ее понятию.

М. Хайдеггер

Я вдруг почувствовал, что мне все
равно было бы, существовал ли бы
мир или если б нигде ничего не
было.

Ф.М. Достоевский

Введение

Абсолютный скептицизм как абсолютный баланс между позитивным и негативным как в сфере суждений, так и в сфере эмоций есть нечто сверхчеловеческое; его невозможно реализовать в опыте, поскольку опыт предполагает не равновесие между ними, а различие. Однако нереализуемое в опыте может реализоваться в «метачеловеческой» методологии – в качестве принципа феноменологической редукции, или эпохе¹. Этот метод, который сначала объявляется теоретико-познавательным принципом, должен привести к безразличию в отношении реальности предметов, каковое должно служить обоснованием несводимости сознания (как в его элементах – переживаниях, так и в его смыслообразующей функции) к предметности в самом широком смысле. Здесь неявно, а у Гуссерля, возможно, вполне осознанно, возникает идеал античного мудреца, идеал атараксии, невозмутимости и безразличия к благам мира. Гуссерль выбирает в качестве основного другой термин античного скептицизма – «эпохе» («воздержание от суждений»), и этот выбор был обусловлен, видимо, тем, что, во-первых, в литературном плане слово «эпохе» получило значительно меньшее распространение, чем «атараксия», а во-вторых, «эпохе» указывает скорее на отказ от суждений, чем отказ от эмоций. Тем не менее Гуссерль придает эпохе эмоциональные и моральные характеристики:

¹ В ряде статей я рассмотрел внутреннюю историю термина «эпохе» в работах Гуссерля; наиболее подробно см. [Молчанов 2022]. В зарубежной литературе «эпохе» рассматривается в основном как принцип и метод. См., например, [Kern 1962]. В последние годы в отечественной литературе появился ряд статей, в которых эпохе сопоставляется с различными видами опыта: [Белоусов 2019; Савин 2013; Чернавин 2020; Ямпольская 2017].

осуществление эпохе требует мужества и честности. Не является ли при этом скептицизм в определенном его понимании основным ориентиром гуссерлевской феноменологии? Только ли термин заимствует Гуссерль у античных скептиков? Какова основная предпосылка такой методологии и скептицизма в любом его понимании? Насколько скептицизм соотносится с понятием тождества – одним из основных понятий гуссерлевской феноменологии и классического немецкого идеализма? Не приводит ли феноменологическая методология в поисках чистой логики и строгой науки к нейтрализации смысла и предмета относительно его существования или несуществования, т. е. к феноменологическому скептицизму? Не приравнивается ли тем самым нейтральность позиции к объективности?

Вопрос о переосмыслении эпохи и об оторванности науки от жизненного мира в «Кризисе европейских наук» не рассматривается в данной статье, но служит фоном данного исследования, как и более общий вопрос о своего рода «тождестве противоположностей»: с одной стороны, абсолютной научной философии, как и науки вообще, в качестве высшего достижения человеческого разума, с другой – абсолютного скепсиса и утраты интереса к объективности в жизненном мире.

Скептицизм и субъективизм

«Смысл» подобен «времени»: оба слова, иногда претендующие на статус терминов, обозначают нечто, с одной стороны, относительное и функциональное и в то же время всеобъемлющее и объективное, и в конечном итоге – нечто франкенштейнообразное: такого рода абстракции, претендующие на статус всеобщих и объективных характеристик, если и не уничтожают абстрагирующих, то сводят к минимуму их самостоятельное существование. С другой стороны, смысл и время полагают абсолютными и в то же время исчезающими, потерянными, «чисто субъективными», вновь обретенными для последующей потери. «Смысл» и «время» поддерживают друг друга: смысл всегда предполагает ожидание и продолжение, а ожидание и непрерывность – последнее прибежище времени, отказывающегося от редукции к пространству. Так можно было бы определить «объективную» и «субъективную» границы феноменологии Гуссерля, если, конечно, не проводить различия между терминами и словами естественного языка.

В феноменологии Гуссерля термины «значение» и «смысл», которые, в отличие от Фреге, он предлагает считать синонимами, а также «имманентное время», которое он отождествляет с глубинными слоями сознания, играют особую, конститутивную для самой феноменологии роль. Исходной проблемой становится для Гуссерля специфика теоретического знания, его независимость от психических процессов и грамматических структур. Теории состоят из значений, а связи зна-

чений радикально отличаются от связей вещей и психических связей познающего субъекта. Различие этих трех видов связей составляет исходный пункт и ядро гуссерлевской программы исследования теоретического мышления. Вопрос в том, можно ли экстраполировать это двойное различие, а лучше сказать – разделение, на нетеоретическое сознание? Выделение значений как идеальных единств и в качестве класса общих предметов лишают их признака реальности в отношении предметности, значениями которой они являются. Иными словами, значению как таковому безразлично, существует предмет или нет. В свою очередь, существование актов сознания, а их действительное, а не феноменальное существование – важнейший момент феноменологии, Гуссерль пытается доказать уже в «Логических исследованиях» через безразличие к существованию предмета.

«Смысл» относят не только к словам и их употреблению (и даже к именам), утверждениям, текстам и контекстам, но и к ситуациям, событиям настоящего и прошлого и даже к (человеческой) жизни в целом, хотя в *последнее время* словосочетание «смысл жизни» встречается все реже; видимо, или время, приравнивая к себе смысл, поглощает это свое подобие, или бытие отказывает себе в смысле и темпоральном модусе. Герменевтику уже не интересует, что хотел сказать автор текста, смерть которого засвидетельствовали современные сейсмографы культуры, но то, что говорит сам текст или сама фактичность жизни.

Что же говорит нам текст, в частности текст Гуссерля, о смысле, и присущ ли смысл самому тексту (контексту) и самой реальности? Не является ли смысл, как и время, своего рода метафорой, фигуральным выражением чего-то иного? Если время выражает совпадение и или несовпадение пространств и движений, то что выражает смысл? И является ли смысл, как и время, выражением? Каким образом вообще появляется «смысл»? Что может выражать смысл, кроме смысла? И что означает выражение – *Aus-druck*, *ex-pression*, в буквальном смысле – «выдавливание» (русское слово не передает этого оттенка смысла, разве что в выражении «выдавить из себя»)?

По Гуссерлю, источник смысла, или значения языкового выражения, – акты сознания, какие именно, нужно уточнить, но именно в актах сознания «таится смысл», вернее то, что станет смыслом при осуществлении, и тогда любая языковая фигура – это выражение чего-то неязыкового, получившего у Гуссерля имя одинокой душевной жизни. Сознание как смыслопридание создает свой мир из одиночества, из «ничего другого». Что это – неясная теологическая предпосылка или субъективизм, пусть даже впоследствии названный трансцендентальным?

Если в «Логических исследованиях» (в I томе, 1900 г.) наряду с психологизмом Гуссерль подвергает критике скептицизм и релятивизм, то в «Идеях I» (1913) именно термин скептицизма – «эпохе» – становится одним из основных обозначений феноменологического

метода. Таким образом, Гуссерль пытается преодолеть скептицизм и в то же время заимствует термин у античных скептиков. Такой выбор термина кажется странным на фоне упомянутой критической направленности, хотя в «Идеях I» речь о скептицизме идет не только в отрицательном ключе. Гуссерль упрекает естествознание в целом (не больше и не меньше) в том, что его величие было достигнуто потому, что оно, «недолго думая, отодвинуло в сторону буйно разросшийся античный скептицизм и отказалось от его преодоления»². Это смелая историческая фраза уравнивает античную натурфилософию и современное естествознание, а также выражает сожаление, что с самого начала для развития естествознания не был найден незыблемый фундамент: «Скептицизм остается выведенным из игры... только относительно эмпирической сферы, но не относительно сущностной сферы»³. Иначе говоря, скептицизм преодолевается в естествознании не на принципиальном уровне оснований, но лишь на эмпирическом уровне допущения реальности познаваемой предметности.

Через десять лет, в лекциях 1923/24 гг., озаглавленных «Первая философия», Гуссерль говорит о скептицизме еще более позитивно:

Даже за самыми древними скептическими аргументами, аргументами древних софистов, скрывалось содержание истины, которым философия никогда не могла овладеть. Уже в этих древнейших софизмах в высшей степени значимые философские мотивы стучались в дверь, но она им не открылась⁴.

Подчеркивая силу этой позиции, он говорит о бессмертии скептицизма и формулирует свои упреки в адрес науки и философии здесь более точно, чем в «Идеях I»:

Во всяком случае, эта продолжающаяся роскошная жизнь скепсиса, который в своей аргументации не щадит ни одну из отдельных наук, даже самую точную математику, свидетельствует о том, что послеплатоновская наука в действительности не достигла того, чего она должна была достичь как философия в соответствии со своей претензией – познания из абсолютного обоснования⁵.

Гуссерль сравнивает скептицизм с гидрой, у которой «вырастают все новые головы и даже срубленные вырастают снова»⁶.

---

² *Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Husserliana Bd. III/1. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. S. 53.*

³ *Ibid. S. 53–54.*

⁴ *Husserl E. Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Husserliana Bd. VII. Haag: Martinus Nijhoff, 1956. S. 58.*

⁵ *Ibid. S. 57.*

⁶ *Ibid.*

«Бессмертие» скепсиса, его буйный рост и т. п. – характеристики энергичные, но вряд ли адекватные, если речь идет о скепсисе в узком и историческом смысле. Скепсис – довольно редкое явление и довольно трудная, если вообще возможная позиция, если конечно, придерживаться ее не время от времени и не по поводу того или иного предмета. Гуссерль говорит о скепсисе и о необходимости его преодоления на уровне оснований. Но о скепсисе ли он говорит? Не становится ли скептицизм в точном понимании этого термина неявным методологическим ориентиром самого Гуссерля, начиная с введения «эпохе»? Все же термин «эпохе» не является случайным, он отсылает к действительному, а не мнимому скептицизму, не к отрицанию объективных оснований, как это имеет место в субъективизме, но к безразличию к ним. Как это сочетается с гуссерлевским стремлением обрести абсолютное обоснование философских и научных исследований?

О чем же идет речь у Гуссерля, когда идет речь о скептицизме? Ответ на этот вопрос не вызывает затруднений: по Гуссерлю, «сущность любого скептицизма – это субъективизм»⁷. К субъективистам и, соответственно, скептикам Гуссерль причисляет «великих софистов» Протагора и Горгия, анализируя их основные тезисы. Последуем кратко за Гуссерлем, чтобы убедиться, действительно ли здесь идет речь о скептицизме. Основной тезис Протагора Гуссерль формулирует так: «Для познающего все объективное изначально налично только потому, что он его переживает (erfährt)»⁸. Отсюда ясно, что существующее само по себе не дано познающему и не может быть познано. Горгия Гуссерль считает более радикальным и более интересным мыслителем, поскольку Горгий как бы специфицировал тезис Протагора (в изложении Гуссерля): «Все предметное вообще... может быть пережито субъектом познания только в меняющихся субъективных модусах явления»⁹. Очевидно, что эта мысль (принадлежит ли она Горгию или нет – другой вопрос) особенно близка Гуссерлю, который нашел для ее выражения в рамках собственного учения термин *Abschattung*. Еще одну важную мысль находит Гуссерль у Горгия, которую, как представляется, явно недооценивают те, кто принимает реалистически-материалистическую установку: если акт представления делает представимым что-либо «внешнее», трансцендентное этому акту, то это совершается в самом этом акте. Другими словами, если кто-то утверждает, что существуют предметы сами по себе, независимо от «нашего» сознания, то само это утверждение как акт сознания и его содержание, т. е. упомянутая независимость предметов, суть элементы сознания утверждающего. Или еще иначе; сознание того, что предметы независимы от сознания – это все же сознание. Как решается этот вопрос в

---

⁷ Ibid. S. 58.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. S. 59.

философии Нового времени и позднее, мы здесь не рассматриваем, однако бесспорно, что это один из аргументов против догматизма. Именно это подчеркивает Гуссерль:

Впервые наивная преданность мира становится проблематичной, а отсюда и он сам [становится проблематичным] относительно принципиальной возможности его познания и принципиального смысла его в-себе-бытия (*Ansichsein*)¹⁰.

Таким образом, субъективизм расшатывает догматизм обыденной установки, но препятствует нахождению абсолютных оснований. Дилемма между объективизмом, или догматизмом, и субъективизмом разрешается Гуссерлем, как известно, углублением субъективизма – последний должен быть преодолен радикальным, трансцендентальным субъективизмом, который предполагает изменение установки не только по отношению к «внешнему» миру, но и к миру внутреннему: элиминация всего эмпирически психического должно открыть сферу чистого сознания, чистой, трансцендентальной субъективности, устанавливающей смысл любой предметности не эмпирически субъективно, но интересубъективно и объективно. Именно так должен быть преодолен субъективизм и релятивизм. Но какими средствами пользуется Гуссерль для решения такой задачи?

Если все же различать скептическую аргументацию в широком, «субъективистском» смысле и цель собственно скепсиса – достичь равновесия между утверждением и отрицанием, если угодно, между Бытием и Ничто (и этот баланс склоняет к их отождествлению – только вопрос, кто именно «их» отождествляет, не скептик ли), то можно предположить, что скептицизм уже начал свою методологическую работу в «Логических исследованиях». «Скептик» в обыденном словоупотреблении – это человек, который в чем-то или во всем сомневается, а также кому-то или чему-то не верит (или же ни во что не верит – как экстремальная позиция); скептик как философ – это тот, кто преодолел сомнения не в пользу того или иного решения или поступка, но в «пользу» индифферентности, безразличия к вере или неверию во что бы то ни было.

Вряд ли возможна такая позиция у живущего-в-мире человека, но как экстремум или как регулятивная идея такая индифферентность возможна. Вопрос в том, возможно ли преодолеть субъективизм посредством такой индифферентности, возможно ли вообще что-то преодолеть благодаря безразличию? Дистанцированность и безразличие вряд ли совпадают. В известном афоризме Ницше неявно проводится различие между субъективизмом и скептицизмом:

---

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. § 481. М.: REFL-book, 1994. С. 224.

«Все субъективно» говорите вы: но это уже толкование»¹¹. Преодолеть субъективизм означает преодолеть интерпретации, принять реальность такой, как она есть (идеал сверхчеловека), читать текст как он есть, не перемежая толкованиями (идеал «сверхфилолога»). Эту мысль Ницше подхватывает Хайдеггер: «Цель истинного толкования должна состоять в том, чтобы достигнуть такого момента, когда оно само себя делает излишним, и текст вступает в свои неурезанные права»¹². Субъективизм «преодолен», или по крайней мере отодвинут в сторону, но не занимает ли его место скепсис – «по ту сторону добра и зла»?

Тождество и нейтрализация смысла

Две исходные идеи II тома «Логических исследований» – беспредпосылочность феноменологических исследований и различие-сочетание интенции значения и осуществления значения как основная характеристика внутреннего движения, телеологии сознания. Беспредпосылочность, по Гуссерлю, не абсолютна; следует избегать только таких предпосылок, которые не могут быть реализованы феноменологически, т. е. не пережиты, не даны в опыте, не могут быть описаны. Беспредпосылочность и опыт должны реализовываться во взаимодействии, «зигзагообразно» – как определял Гуссерль взаимодействие наивного опыта и рефлексии. Таким образом, является ли исследование беспредпосылочным или нет, можно сказать только после его окончания, когда анализ выявит наличие неявных предпосылок или докажет их отсутствие. Беспредпосылочность, в том общем виде, как его представил Гуссерль, вполне согласуется с общенаучным принципом и здравым смыслом – как отказ принимать что-либо на веру без доказательств, верифицировать (или фальсифицировать) и т. д., но в качестве философского принципа – это опять-таки регулятивная идея скепсиса, абсолютного отстранения, а не «остранения», абсолютного безразличия ко всему, что в широком смысле может быть названо традицией. Такого рода беспредпосылочность Гуссерль пытается реализовать в отношении главного действующего лица чистой логики – значения. «Само по себе» значение безразлично к своему осуществлению в знаке (или рисунке), в восприятии предмета, в воображении (здесь Гуссерль опять находит предшественника в лице Горгия: воспринимаемое и воображаемое существенно не отличаются). Сопрягающиеся термины «интенция значения» и «осуществление значения» Гуссерль без всяких предисловий и пояснений вводит во введении к второму тому «Логических исследований»¹³:

---

¹² Heidegger M. Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit (1809) GA. Bd. 42. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1988. S. 233.

¹³ В §36 I тома «Логических исследований» Гуссерль впервые соотносит интенцию и ее осуществление, но не выделяет эти слова в качестве терминов.

Объекты, на исследование которых нацелена чистая логика, даны прежде всего в грамматическом одеянии. Говоря точнее, они даны, так сказать, как некоторые вложения в конкретные психические переживания, которые в функции *интенции значения или осуществления значения...* принадлежат к известным языковым *выражениям* и образуют с ними *феноменологическое единство*¹⁴.

Отметим, что в первом издании речь шла просто о значении и его осуществлении, а во втором издании к «значению» прибавилась «интенция», и так возник уже второй составной термин – *Bedeutungsintention*.

Итак, чистая логика предполагает сквозь грамматические и психологические одежды разглядеть значения, или интенции значения (в дальнейшем Гуссерль называет их сигнитивными интенциями), однако происхождение самих терминов при этом остается неясным. Только в VI Исследовании Гуссерль приоткрывает «тайну» их происхождения – в основном из области эмоций и чувств, а также из области гипотез:

В отношении дальнейшей характеристики сознания осуществления следует отметить, что речь идет при этом о характере переживаний, который обыкновенно также играет важную роль в нашей душевной жизни. Нам нужно только вспомнить о контрасте между интенцией желания и исполнением желания, интенцией воли и ее осуществлением, или об исполнении надежд, оправданности опасений, разрешении сомнений, подтверждении предположений и т. п., чтобы сразу же стало ясно, что внутри по сути различных классов интенциональных переживаний выявляется одна и та же противоположность, которая выступает для нас в особом случае (*speziell*) как противоположность между интенцией значения и осуществлением значения¹⁵.

Здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, какова же эта «одна и та же противоположность»? Действительно ли противоположность интенции значения и осуществления значения является особым случаем этой неназванной противоположности, и можно ли вообще ее назвать? Должны ли объекты и отношения чистой логики представлять собой особый случай среди отношений надежд, волений, желаний и проч., т. е. особый случай душевной, т. е. эмоциональной жизни? Во-вторых, о каких различных классах интенциональных переживаний идет речь? Кроме двух последних все перечисленные относятся к классу феноменов душевной жизни, или эмоций и чувств. Из двух последних «разрешение сомнения» вряд ли можно отнести к структуре осуществления:

---

¹⁴ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. М.: Академический проект, 2011. С. 9.

¹⁵ Husserl E. Logische Untersuchungen. The Hague; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff, 1984. Bd. II. T. 2. Husserliana Bd. XIX (2). S. 572.

сомнение как раз исчезает при разрешении, причем для разрешения сомнения необходимо как раз решение, выбор, основание которого может и не быть непосредственно связано с колебаниями «мнений». Остается только «подтверждение предположений», которое можно было бы отнести к классу суждений – предположение высказывается в суждении, а затем подтверждается другими суждениями (других людей, текстами или суждениями на основе восприятия). Однако Гуссерль не исследует здесь структуру гипотез и их подтверждений; для него важен только переход от предположения к подтверждению, аналогичный переходу от опасений к их оправданности, или же, в позитивном модусе, от желания к его осуществлению. Все эти переходы могут быть выражены в суждениях, равно как и исполнение надежд, но ни опасения, ни надежды, ни желания – это не суждения, и основная структура суждений – противоположность истины и лжи – может быть отнесена к ним только по аналогии. Различие между Brentano и Гуссерлем здесь существенное. Brentano характеризует эмоции с помощью суждений; он проводит явную аналогию между эмоциями и суждениями, наделяя душевную жизнь противоположностью истины и лжи. Гуссерль, напротив, неявно характеризует суждения посредством аналогии с эмоциями, хотя и не в плане указанной противоположности, а в плане перехода от «замысла» к «осуществлению». То, что источник терминов «интенция значения» и «осуществление значения» – это сфера эмоций, подтверждает и термин «разочарование», который обозначает у Гуссерля противоположность осуществления: например, когда мы полагаем, что невидимая нами сторона предмета такого-то цвета, но затем оказывается, что она другого цвета, то нас должно, по Гуссерлю, постигнуть разочарование. Нельзя сказать, что Гуссерль здесь не опирается на опыт, но опять-таки этот опыт не относится к сфере суждений и объективного познания. В самом деле, можно разочароваться, увидев иной цвет сначала невидимой стороны предмета, но только тогда, когда мы желаем, и сильно желаем, видеть один цвет, а видим другой. Опять мы видим перенос из сферы душевной жизни в сферу чистой логики, а не перенос из сферы суждений в сферу душевной жизни.

В языковой парадигме, где употребление слов «значение» и «смысл» являются чем-то само собой разумеющимся, задача определить специфику значения, или смысла (если следовать Гуссерлю и полагать эти слова синонимами), парадоксальна с самого начала, ибо знак, образ, вещь, а также желания, воления, надежды и т. д. также обладают значением, и нет ничего, что не обладало бы значением в том или ином смысле (если оставаться в этой же парадигме). Вопрос о смысле смысла или о значении значения или о смысле значения или о значении смысла может здесь быть поставлен так: «смысл» и «значение» – это термины гуссерлевской философии, или же это слова, с помощью которых доктрина описывается извне? Иначе говоря, «смысл»

и «значение» – это внутренние элементы доктрины или же внешние ее характеристики?

О. Финк ставил вопрос об оперативных понятиях у Гуссерля, к которым он причислял, в частности, «феномен», «эпохе» и «конституирование», но не относил к ним «значение» и «смысл». Вопрос о различии внутренних и внешних терминов отличается от вопроса о различии тематических и «теневых» понятий уже потому, что в первом случае речь идет не о понятиях. «Понятие» может быть как внешним (тогда это слово, как правило, с достаточно неопределенным значением), так и внутренним термином. В большинстве случаев – это внешний термин, когда говорят о понятиях чего угодно и у кого угодно – пространства, сознания, времени (у Аристотеля, Канта, Гуссерля и др.) и т. д. Напротив, в «Науке логики» Гегеля «понятие» – это внутренний термин, термин, характеризующий основной элемент системы.

Поскольку цель Гуссерля состояла в выявлении сущностных основ теоретического знания, а основным элементов последнего является значение, то «значение» – это внутренний термин научной теории, но не теории познания, или феноменологии. Во всяком случае, место этого термина остается неопределенным, оно как бы между теоретическим знанием и чистой логикой, с одной стороны, и феноменологией как нейтральной наукой, одним из предметов которой является чистая логика и научная теория – с другой. Другим предметом нейтральной феноменологии является психология, и задача состояла в том, чтобы сделать оба основных элемента этих наук нейтральными по отношению к фактам психической жизни и предметности. Для конституирования непсихологической субъективности потребовалось имманентное время, а затем эпохе и редукция, пассивный синтез и интерсубъективность. Фактически этому посвящено все творчество Гуссерля после «Логических исследований». Что касается значений, то вопросы об их нейтральности по отношению к знакам, образам и любой предметности были решены уже в «Логических исследованиях».

Апофатический метод исследования предполагает проведение различий, и основное различие, которое в данном контексте проводит Гуссерль, – это различие между предметом и значением:

Необходимость различения значения (содержания) и предмета станет ясной, если мы благодаря сравнению убедимся на примерах, что различные выражения могут иметь одно и то же значение, но различные предметы, и наоборот, что они могут иметь различные значения, но один и тот же предмет. <...> Наиболее ясные примеры раздельности значения и предметной отнесенности предлагают нам имена. О предметной отнесенности здесь обычно говорят как о «назывании». Два имени могут означать различное, но называть то же самое. Так, например, *победитель при Иене – побежденный при Ватерлоо; равносторонний треугольник – равноугольный треугольник*. Выра-

женные в этих парах значения, очевидно, различны, хотя они подразумевают один и тот же предмет. Точно так же обстоит дело с именами, которые из-за своей неопределенности обладают некоторым «объемом». Выражения *равносторонний треугольник* и *равноугольный треугольник* имеют ту же самую предметную отнесенность, тот же самый объем возможного применения¹⁶.

Оба примера Гуссерля едва ли можно назвать убедительными. В первом случае мы имеем дело или с банальным утверждением, что оба указанных имени относятся к человеку с одним и тем же нареченным именем, или же со спорным утверждением, что победитель в 1805 г. и побежденный в 1815 г. (по прошествии десяти лет) – один и тот же человек. В этом случае придется уточнять, в каком смысле «один и тот же» – явно не в физическом и моральном смысле, а также в отношении экономической, политической и т. п. ситуаций. Даже «по должности» это не один и тот же человек, так как Наполеон в этот период отрекался от престола, разве что он носил одну и ту же треуголку, что, видимо, побудило Гуссерля выбрать второй пример с треугольником. Этот пример, в котором мнимое тождество демонстрирует нейтральный и исчезающий смысл, более интересен для нас.

Разумеется, у равностороннего треугольника все стороны равны, а у равноугольного равны все стороны, но при этом невозможно сначала идентифицировать какой-то треугольник, у которого *затем* можно было бы обнаружить две разные характеристики, или два разные его значения – равноугольность и равносторонность. Этот мнимый «один и тот же предмет» по сути аналог локковского «никакого» треугольника – ни остро-, ни прямо-, ни тупоугольного, абстрагирование которого сам Гуссерль считал ошибочным. Другой аргумент Гуссерля в пользу различия значения и предмета состоит в том, что значение может быть тождественным, а предметы, к которым оно отнесено, разными: имя «лошадь» может относиться к разным лошадям – «Буцефалу» или к какой-нибудь кляче. Однако значение имени, если вообще имя может иметь значение, может и не относиться к какой-либо реальной лошади: Росинант и Пегас – это тоже лошади. Для имени «лошадь» безразлично, существуют ли вообще какие-либо лошади и существовали ли они когда-либо.

Вопрос в том, каким образом при проведении различий может сохраняться предпосылка тождества? Очевидно, что предпосылка «одного и того же треугольника» не является феноменологически реализуемой. Что же ведет к неявному принятию предпосылки тождества, причем не только в данном случае, но в гуссерлевском мышлении и творчестве в целом? Эта предпосылка явно основывается у Гуссерля на понимании логических структур и математических объектов как самотождественных:

---

¹⁶ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. М.: Академический проект, 2011. С. 48–49.

Так же как числа – в идеальном смысле, который предполагает арифметика, – не возникают и не исчезают вместе с актом счета, и так же как поэтому бесконечный числовой ряд представляет собой объективно устойчивую, регулируемую идеальной закономерностью, строго определенную в своих границах совокупность общих предметов, которую никто не может увеличить или уменьшить, так же обстоит дело и с идеальными, чистыми логическими единствами, понятиями, положениями, истинами, короче, с логическими значениями. Они образуют идеально замкнутую совокупность общих предметов, для которых быть мыслимыми или выраженными – случайные обстоятельства¹⁷.

Однако перенос тождества с идеальных объектов на реальные Гуссерлем не обосновывается, и «тождественный самому себе» Наполеон предстает как квазиматематический объект.

На первый взгляд, тождество – это изначальный опыт, основания которого выявить невозможно. Но это не так. Во-первых, установление тождества между предметами любого рода – это не опыт, но искусственная процедура, а реальный опыт подтверждает как раз правоту Лейбница – тождество листьев, а также деревьев, плодов, отпечатков пальцев и т. д. установить невозможно. Также невозможно произвести тождественные, но только равные, «такие же» предметы, и это различие между тождеством и равенством отмечал Гуссерль. Во-вторых, основной опыт, на котором основаны «Логические исследования», – это опыт различий. Однако различия, или различия, можно проводить и понимать *различным* образом. С одной стороны, у гуссерлевских различий (в отличие от сравнений, с которыми часто смешивают различия) между различенными нет общего, т. е. тождественного основания – между значением и предметом нет чего-то общего тому и другому. С другой стороны, это скорее разделения, причем абсолютные, а не различия, разделения, не позволяющие различенным быть поочередно или вне очереди на переднем и заднем планах. Если два языковые выражения с разными значениями относятся к одному и тому же предмету, то возникает вопрос о существовании этого «самого предмета» без какого-либо значения. Однако предмет не может не иметь значения и предназначения, пусть даже это безделушка, не говоря уже о геометрических фигурах и лошадях. С «одним и тем же треугольником (и с Наполеоном) получается именно так – оба вне значений, или оба не имеют смысла. (Да простят мне почитатели ярких фигур!)

Следует отметить, что здесь спор не о словах – если назвать значение функцией предмета, то с «функциями» дело обстоит точно так же: вряд ли можно отделить предмет от его функций – не от каких-либо функций, но от функций вообще, т. е. иметь дело с предметом как

---

¹⁷ Там же. С. 95–96.

таковым. Естественный язык отделяет предмет от функций (различая предмет и значение Гуссерль следует парадигме естественного языка), выделяя предназначение предмета и единство основных его функций, которое получает определенное имя, берущее на себя роль идентификатора предмета. Однако предмет как феномен, предмет в его явленности – это не некий предмет без функций и предназначения, наделяемый затем многообразными функциями-значениями, но предмет как многообразие значений. Отсюда не следует, что предметы исчезли, и остались одни функции. Предмет выделяется (теоретически или практически) как единство основных функций, получившее определенное имя, но не существует изначально как таковой. Таким образом, не разделение предмета и значения (функции), но различие, которое предполагает смену переднего плана и фона, есть основа смыслообразования в позитивном или негативном, но не в нейтральном ключе.

Заключение

Смысл и значение, так же, как и время – вполне уважаемые и необходимые слова в обыденной и научной жизни, но в качестве философских терминов, по крайней мере в феноменологической философии, они не обрели оправданного статуса и вряд ли обретут его. В стремлении к «самим вещам» «значение» и «смысл» теряют как позитивный, так и негативный модус и приобретают нейтральный статус по отношению к существованию или несуществованию предметности и мира реальности, как бы ее ни понимать. В свою очередь, предмет полагается нейтральным в отношении его существования и несуществования. Такковы два основных момента феноменологического скептицизма – позиции, которая соединяет в себе теоретико-познавательный принцип равнозначности данностей как данностей с попыткой осуществления особого опыта отказа от вовлеченности в любой вид конкретного опыта. Поиски абсолютного основания «строгой науки» приводят к установке абсолютной «осмотрительности», к скептицизму как нейтрализации позитивного и негативного. Абсолютная обоснованность совпадает с абсолютным скептицизмом; она не может быть почерпнута из предметностей мира или из психической жизни, она предполагает постулат абсолютного тождества бытия и ничто, утверждения и отрицания. Самотождественность смысла и самотождественность предмета, т. е. их самодостаточность остается безразличной к своим модификациям и применениям. Как тождество, так и абсолютный скепсис не могут быть реализованы в опыте. Однако тождество скепсиса и тождества в качестве постулируемого абсолютного основания может трансформировать и деформировать опыт, полагая самодостаточное целое трансцендентальной субъективности абсолютно равнодушным по отношению к его конституируемым частям.

Благодарности

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00842 А «Формирование и трансформация концепций в феноменологической философии. История терминов и дискуссий».

Acknowledgements

The research was conducted with funding from RFBR, grant project 20-011-00842 A “Formation and Transformation of concepts in Phenomenological Philosophy. History of Terms and Discussions”.

Источники

- Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II. Ч. 1 / Пер. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 565 с.
- Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994. 350 с.
- Heidegger M.* Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit (1809) GA Bd. 42. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1988. 289 S.
- Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. 476 S.
- Husserl E.* Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Husserliana Bd. VII. Haag: Martinus Nijhoff, 1956. 450 S.
- Husserl E.* Logische Untersuchungen. Bd. II. T. 2. Husserliana Bd. XIX (2). The Hague; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff, 1984. 958 S.

Литература

- Белусов 2019 – *Белусов М.А.* Опыт мира как событие у Гуссерля и Хайдеггера // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. 5. М.: РГГУ, 2019. С. 11–56.
- Молчанов 2022 – *Молчанов В.И.* Предпосылки «эпохе» и нейтрализация опыта. Термины и проблемы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 146–157.
- Савин 2013 – *Савин А.Э.* О понятиях эпохе и редукции в «Идеях I» Эдмунда Гуссерля // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 2 (115). С. 19–32.
- Чернавин 2020 – *Чернавин Г.И.* «Редукция, если она есть»: феноменологическая фантастика Якова Друскина // Вестник Русской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 1. С. 73–82.
- Ямпольская 2017 – *Ямпольская А.В.* Феноменологическая редукция как прием // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 195–205.
- Kern 1962 – *Kern I.* Die drei Wege zur transzendental-phaenomenologischen Reduktion in der Philosophie Edmund Husserls (1962) // Tijdschrift voor Filosofie, Katholieke Universiteit-Leuven, 24ste Jaarg., Nr. 2 (JUNI 1962). P. 303–349.

References

- Belousov, M.A. (2019), "The experience of the world as an event in Husserl and Heidegger", *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii*, RGGU, Moscow, Russia, vol. 5, pp. 11-56.
- Chernavin, G.I. (2020), "'If there is such a thing as reduction': Jakob Druskin's phenomenology-fiction", *Vestnik Russkoi gumanitarnoi akademii*, vol. 21, no. 1, pp. 73-82.
- Kern, I. (1962), "Die drei Wege zur transzendental-phaenomenologischen Reduktion in der Philosophie Edmund Husserls (1962)", *Tijdschrift voor Filosofie*, Katholieke Universiteit-Leuven, 24ste Jaarg., no. 2 (Juni), pp. 303-349.
- Molchanov, V.I. (2022), "Presuppositions of the 'epoche' and the neutralization of experience. Terms and issues", *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 146-157.
- Savin, A.E. (2013), "The Notions 'Epoche' and 'Reduction' in Edmund Husserl's 'Ideas I'", *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, no. 2, pp. 19-32.
- Yampolskaya, A.V. (2017), "Phenomenological reduction as an artistic device", *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 195-205.

Информация об авторе

Виктор И. Молчанов, доктор философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; victor.molchanov@gmail.com

Information about the author

Viktor I. Molchanov, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; victor.molchanov@gmail.com

Феноменологическое эпохе: безмятежность или отчаяние?

Михаил А. Белоусов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, mishabelous@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о мирской мотивации и аффективном характере феноменологического эпохе. Предпринята попытка показать, что, несмотря на то, что эпохе у Гуссерля выступает методической операцией, призванной приостановить заинтересованность миром – как аффективную, так и, прежде всего, ту, которая заключается в наивной вере в независимое от сознания существование мира, – оно, как и скептическое эпохе, неразрывно связано со стремлением достичь определенного аффективного состояния, а именно состояния безмятежности, и мотивировано мирскими интересами, которые оно в то же время ретроактивно снимает. Благодаря этому эпохе становится опытом радикальной аффективной вовлеченности в мир как таковой. В первой части статьи демонстрируется, что в классическом описании процедуры эпохе, данном в § 31–32 I тома «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», Гуссерль мотивирует эпохе не теоретическими, а экзистенциально-практическими соображениями. Эпохе должно позволить тому, кто его практикует, достичь совершенной свободы по отношению к миру. Показано, что эта свобода есть не что иное, как феноменологически понятая безмятежность или атараксия. Во второй части статьи эксплицируется связь эпохе с естественным интересом к миру. Свобода не исчерпывает мотивацию эпохе, поскольку эпохе, по Гуссерлю, можно подвергнуть только то, что может быть модализировано – дано как сомнительное, несуществующее, возможное и т. п. Поэтому эпохе мотивируется также модализируемостью мира. Но модализируемость мира предполагает первоначальный интерес к существованию мира, который эпохе как раз должно вывести из игры. Благодаря эпохе этот интерес раскрывается как интерес, который невозможно реализовать. Таким образом, аффективный характер эпохе заключается не только в безмятежности, но и в отчаянии, представляющем собой отказ от надежды на реализацию мирских интересов и снимающем их задним числом. В противоположность естественному опыту эпохе как безмятежность и отчаяние есть подлинная аффективная вовлеченность в мир как мир.

Ключевые слова: эпохе, безмятежность, феноменология, мир, отчаяние, Гуссерль

Для цитирования: Белоусов М.А. Феноменологическое эпохе: безмятежность или отчаяние? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 27–39. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-27-39

Phenomenological epoche: placidity or despair?

Mikhail A. Belousov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia, mishabelous@gmail.com*

Abstract. The article deals with the question of the mundane motivation and affective character of phenomenological epoche. An attempt is made to show that, despite the fact that the epoche is interpreted by Husserl as a methodical operation, suspending engagement with the world – the affective engagement with the world as well as the one, constituted by the naïve belief in the existence of the world – the phenomenological epoche, like the skeptical one, is inextricably linked to the pursuance of the certain affective state, namely the state of placidity, and is motivated by the mundane interests, which it, at the same time, sublates retroactively. Thereby, the epoche turns out to be the radical affective engagement with the world as such. The first section of the article shows that in the classical description of the epoche in § 31–32 of *Ideas I* the reasons Husserl's gives for the epoche are not the theoretical, but the existential-practical ones. The epoche should enable those who practice it achieve total freedom towards the world. The author demonstrates that the freedom is nothing but the placidity in the phenomenological sense or the ataraxy. The second section explicates the way the epoche is tied to the natural engagement with the world. The epoche motivation cannot be reduced to the freedom, since the epoche, according to Husserl, can be performed only in relation to something that can undergo modalization, that is, to be given as that which is dubious, nonexistent, possible etc. Thus, the epoche is also motivated by the fact, that the world can undergo modalization. But the modalization presupposes the initial engagement with the word the epoche just suspends. Through the epoche the engagement is disclosed as the one which cannot be realized. Therefore, the affective nature of the epoche consists not only in the placidity, but also in the despair, which is forgoing the hope of realizing the mundane interests and sublates them in hindsight. In contrast to the natural experience the epoche as placidity and despair is true affective engagement with the world as world.

Keywords: epoche, placidity, phenomenology, world, despair, Husserl

For citation: Belousov, M.A. (2022), "Phenomenological epoche: placidity or despair?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 27-39, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-27-39

Введение

Трагические события последних месяцев ставят под вопрос возможность невовлеченности как основополагающего философского опыта или, быть может, показывают его невозможность. Вопрос о возможности и невозможности невовлеченности неизбежно влечет за собой вопрос о возможности и невозможности феноменологии, поскольку ее исходным пунктом является гуссерлевский метод эпохе, призванный учредить установку «незаинтересованного наблюдателя»

по отношению к миру [Ямпольская 2018, с. 24]¹. В античном скептицизме, из которого Гуссерль заимствовал термин, описывающий ключевой компонент феноменологического метода [Мельников 2010, с. 332–333], «эпохе» имело, прежде всего, *этический* и в этом смысле экзистенциально-практический, а не теоретический смысл: оно давало скептику надежду на безмятежность перед лицом многочисленных бед и радостей мира². Оно было, таким образом, модусом аффективной вовлеченности в мир, тогда как у основателя феноменологии эпохе, на первый взгляд, полностью выходит из подчинения мотивам, принадлежащим жизни в мире, и превращается в чисто теоретический метод овладения истиной. Это впечатление, однако, может быть обманчивым.

В статье предпринимается попытка исследовать вопрос о мирской мотивации эпохе и его аффективной природе. Интересующий меня вопрос можно сформулировать так: может ли роль эпохе в классической феноменологии быть уподоблена роли губки в рассказываемой Секстом Эмпириком легенде о живописце Апеллесе, раскрывающей суть скептического воздержания? Апеллес, рисуя лошадь и пожелав изобразить на картине пенью лошади, потерпел такую неудачу, что отказался от этих попыток и бросил в картину губку, которой обыкновенно снимал с кисти краски; и губка, коснувшись лошади, воспроизвела на картине подобие пены³. Если да, то проявляется ли в этом «бросании губки» отчаяние или апатия перед лицом неразрешимой проблемы и может ли его результатом внезапно оказаться безмятежность, скептическая или стоическая атараксия? Рассматривая эти вопросы, я попытаюсь показать, что эпохе является философским методом, который превосходит собственные мирские мотивы *задним числом*, и, сохраняя их в себе в снятом виде, становится опытом радикальной аффективной вовлеченности в мир как таковой.

Ниже я буду понимать под аффектом и аффективностью настроение в духе хайдеггеровского *Stimmung*, в котором обнаруживается вовлеченность, но не как заинтересованность в том или ином предмете или его существовании, а как захваченность миром *как таковым*⁴. Аффект в этом смысле есть способ, которым являет себя мир в целом, модус данности мира как мира. Это позволит провести параллель между аффектом и установкой и, быть может, даже раскрыть ее аффективную структуру, так как установка также есть способ данности мира как

---

¹ Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Haag: Martinus Nijhoff, 1976 (Hua VI). S. 160.

² Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1976. С. 209.

³ Там же. С. 213.

⁴ Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. S. 134.

такового. В способе явленности мира заключается исходная мотивация сознания – то, что приводит его в движение, – ведь феноменологически понятное сознание есть прорыв к миру и ничто более.

Эпохе, свобода и безмятежность

В классическом описании процедуры эпохе, данном в 31–32 параграфах «Идей I», бросается в глаза одно примечательное обстоятельство: Гуссерль мотивирует эпохе не теоретическими соображениями, а ссылкой на «совершенную свободу» (*volle Freiheit*) в воздержании от суждения, которое мы можем практиковать по отношению к любому тезису (полаганию существования чего-либо, неважно, явному или неявному) и любой его модификации (отрицанию, сомнению и т. п.)⁵. Эта свобода не есть свобода позиции, а, напротив, свобода *от позиции* по отношению к исходному тезису, так как она «*противостоит любым мыслительным позициям*, которые требуют своей координации с тезисом и никак не совмещаются с ним в единстве того, что “в то же самое время”, – противостоит вообще любым позициям, занимаемым в собственном смысле слова»⁶. Она, таким образом, не есть свобода отрицания тезиса, сомнения в нем, принятия его за нечто гипотетическое – иначе говоря, не есть свобода *модализации* тезиса, поскольку, с одной стороны, любая модализация требует координации с исходным тезисом и вытекает из него (существование – исходная модальность, тогда как несуществование, сомнительность, гипотетичность и т. д. – ее модификации), с другой же стороны, несовместима с ним (мы не можем быть одновременно быть убежденными в истинности тезиса и сомневаться в нем, отрицать его, etc.)⁷. Освободиться от тезиса – значит освободиться от самой ситуации или проблемы, навязанной тезисом, снять сам интерес к ней (как обстоит дело с существованием того, что полагается тезисом?) – именно поэтому, как ни парадоксально, эпохе *совместимо с тезисом, подвергающимся эпохе*, т. е. «*совмещается с непоколебленной или даже непоколебимой – ибо очевидной – убежденностью в истине*»⁸.

Если, однако, эпохе в формально-универсальном смысле свободного воздержания от суждения можно практиковать по отношению ко *всем возможным тезисам*, почему оно соотносится с тезисом *в единственном числе*? Есть ли тезис, который представляет собой особую

⁵ *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1 Halbband. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976 (Hua III/1). S. 65.

⁶ *Ibid.* S. 63.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* S. 64.

угрозу «моей совершенной свободе», или, точнее, всегда уже лишил меня свободы?

Согласно Гуссерлю, во всем, что я, живя естественной жизнью, актуально полагаю, *всегда уже* анонимно, без моего участия, *предполагается* то, что образует саму ситуацию естественной жизни. Смысл феноменологически понятой «жизни» уже у Гуссерля, т. е. до Хайдеггера, выражается не столько посредством картезианского *cogito* (хотя у Гуссерля, в отличие от Хайдеггера, это один из основных терминов), сколько формулой «я емь в *мире*». Если выразить это на квазихайдеггерианский манер, можно сказать, что как живущий естественной жизнью я «заброшен» в то, что Гуссерль называет «генеральным тезисом естественной установки», – мир как действительность всегда есть⁹. Но для Гуссерля именно слепота этой заброшенности делает невозможной подлинную свободу. Полагание мира как существующего и есть, следовательно, тот тезис, который, будучи *всегда уже* принят *автоматически*, т. е. так, что я, собственно, *никогда его не принимал* (для каждого момента сознательной жизни он есть то, что «всегда уже» принято и мотивирует эту жизнь как прошлое, которое никогда не было настоящим), определяет ситуацию моей свободы как таковую и тем самым оказывается анонимным мотивом, который движет мной, хотя я никогда не приводил его в движение. Иначе говоря, скрытый, нетематический тезис о существовании мира есть автоматически занятая позиция как позиция, которая «всегда уже» *заняла меня* без моего участия, и тем самым основа несвободы [Ришир 2015, с. 316; Савин 2013, с. 24].

Таким образом, эпохе возвращает мне всегда уже утраченную «совершенную свободу», поскольку оно выключает, но не модализирует *тезис мира* и, как следствие, все возможные позиции, которые его предполагают (любые скрытые или явные тезисы, касающиеся существования или несуществования вещей, живых существ, сознания как части мира и т. д.). Благодаря приостановке автоматического функционирования генерального тезиса или, другими словами, благодаря приостановке слепого осуществления того, что можно было бы назвать «мировой волей» во мне, волящей утверждение мира как существующего (Декарт, к которому Гуссерль возводит в «Идеях I» феноменологическое эпохе, вслед за поздней схоластикой трактует утверждение/принятие и отрицание/непринятие как волевой акт – в данном случае, однако, волевой акт исходит не от меня, а как бы от самого мира, совершающего или всегда уже совершившего его за меня [Савин 2013, с. 22]), я, как кажется, обретаю такую радикальную свободу, которую даже Сартр считал невозможной: свободу от выбора в ситуации, на которую я, казалось бы, обречен. Эта свобода есть свобода от слепой *вовлеченности* в мирскую ситуацию, которая принципиально недоступна естественному человеку, полностью захваченному

⁹ Ibid. S. 61.

миром, ведь он не подозревает о существовании *границ* мирской ситуации, и, соответственно, о том, что он находится в плену у мира и что за пределами ситуации мира есть пространство свободы [Чернавин 2021, с. 96]. Благодаря эпохе мне уже не нужно участвовать в споре позиций, координирующихся с тезисом (ты за существование мира или против него, вещь существует или не существует, сомнительна или несомненна), и выбирать какую-либо из них: мирская ситуация в целом выведена из игры, она меня не мотивирует, и я, со своей стороны, не играю в ней какой-либо роли постольку, поскольку являюсь феноменологом, практикующим эпохе. Тем самым эпохе выводит из игры не просто какой-то ответ на вопрос о существовании мира, пусть даже этим ответом, всегда уже данным на вопрос, который никогда не ставился, будет сам тезис о существовании мира: из игры выводится *сам вопрос* о бытии или небытии мира и вещей мира во всех возможных модальностях. Другими словами, феноменолога, совершившего эпохе, *не интересует, есть ли мир или нет*¹⁰.

В отличие от эпохе сомнение, даже картезианское, – акт заинтересованный, так как сущность сомнения состоит в вопросе о том, *существует ли мир или нет*, вопросе, ответ на который сомневающийся как раз ищет (даже если и не находит) и который эпохе и выводит из игры. Поэтому сомнение остается актом, мотивированным миром и мирскими интересами. В сомнении, в противоположность эпохе, действие мирских мотивов вовсе не приостанавливается, эти мотивы лишь раздваиваются на противоборствующие группы, которые тянут сомневающегося, словно канат, в противоположные стороны, хотя ни одна группа не может одержать победу в этом противостоянии. Из-за этого сомневающийся пребывает в *смятении*. Эпохе как атараксия, приостанавливающая действие мирских мотивов, есть, следовательно, воздержание от сомнения (противоборствующие мотивы попросту не приводят меня в движение, и я, тем самым, вовсе не колеблюсь в отношении существования мира в эпохе)¹¹; если попытаться прояснить фундаментальное различие между эпохе и сомнением при помощи аналогии с весами, то можно сказать, что равновесие весов в сомнении есть равновесие, достигаемое благодаря гилям равного веса (этими гилями будут мирские мотивы), тогда как равновесие эпохе есть исходное равновесие, т. е. свободное равновесие весов без гиль мирских интересов.

Ответ на вопрос, поставленный мной выше, как будто становится очевиден: эпохе – не губка, брошенная в картину, не сомнение и не отчаяние, а безмятежность или непринужденное спокойствие перед лицом мира [Хельд 2008, с. 199], невозмутимое молчание в ответ на его оклик [Чернавин 2021, с. 129–130]. Посредством эпохе я привожу себя в такое аффективное состояние, в котором мир меня не аффицирует.

---

¹⁰ Hua VI. S. 178.

¹¹ Hua III/1. S. 64–65.

Ни несчастье неосуществленности, ни счастье осуществленности мирских интересов, а лишь покой и воля, достигаемые только там, где несчастье и счастье перестают быть моими мотивами, образуют экзистенциально-практический смысл феноменологического эпохе.

Сомнение и отчаяние

Но является ли свобода достаточным мотивом эпохе? По Гуссерлю, цель эпохе заключается в очерчивании области суждений, которые не могут быть подвергнуты эпохе, хотя в дальнейшем выясняется, что эта область вовсе не предшествует эпохе:

Будь оно (эпохе. – М. Б.) столь всеохватным, каким оно может быть вообще, не осталось бы ни одной области для немодифицированных суждений, не говоря уж о науке, поскольку ведь любой тезис и, соответственно, любое суждение может быть с полной свободой модифицировано и любая предметность, доступная суждению, поставлена в скобки. А наша цель – это ведь как раз открытие нового домена науки, и притом именно такого, который должен быть получен *с помощью этого метода введения в скобки*, но тогда уже определенным образом ограничиваемого¹².

Уже приведенная цитата показывает, что свобода не является для Гуссерля единственным мотивом выключения «генерального тезиса», поскольку ссылка на свободу еще не позволяет деформализовать процедуру «воздержания от суждения», т. е. *отличить* суждения, которые можно подвергнуть эпохе, от тех, которые подвергнуть эпохе нельзя, – с полной свободой можно подвергнуть эпохе *любые суждения*. То, что единственным содержательным мотивом эпохе не может быть и анонимный, соответственно, слепой и несвободный характер тезиса о существовании пространственно-временного мира, становится ясно тогда, когда выясняется, что эпохе необходимо расширить за пределы естественной установки (наивной веры в существование мира) и распространить его на нефеноменологические эйдетические дисциплины (логику, математику и т. п.) и соответствующие им установки, которые, в отличие от естественной и несмотря на свою полную совместимость с ней, не предполагают существования «реального мира» и природных вещей и нуждаются в свободном принятии¹³.

Отсюда вытекает необходимость исследовать различные тезисы с некоторой иной точки зрения, выходящей за пределы «моей совершенной свободы», для того чтобы ограничить эпохе. Это исследование приводит к результатам, на первый взгляд, совершенно не согласующимся с тем, что было изложено ранее.

---

¹² Ibid. S. 65.

¹³ Ibid. S. 125–130.

Гуссерлевским ответом на вопрос о том, мотивируя эпохе содержательно, ограничивает его, т. е. полагает его горизонт, является *модализируемость* тезиса. Снятие тезиса (*Aufhebung der Thesis*), составляющее сущность эпохе, первоначально вычленяется Гуссерлем как момент попытки сомнения (*Zweifelsversuch*)¹⁴. Модализируемость тезиса определяется модализируемостью *опыта*, понятого в широком смысле наглядной данности. Иначе говоря, эпохе можно подвергнуть лишь тезис, полагающий существование чего-то, что может в дальнейшем течении опыта разоблачить себя как видимость, как нечто сомнительное и т. п., между тем как немодализируемый тезис по содержательным основаниям эпохе подвергнут быть не может, несмотря на то, что эпохе вовсе не есть модализация [Савин 2013, с. 26–27].

Модализируемость опыта связана с теорией горизонта. Смысл любого актуального опыта определяется отсылками к возможному опыту, которые делают опыт открытым (чисто актуальный опыт в настоящем без потенциальностей в буквальном смысле невозможен, он всегда предполагает неопределенную открытость будущего и предшествующую смысловую историю) и закрытым одновременно (сущностно связанные с действительным опытом предвосхищения будущего являются определенными, и, следовательно, *ограниченными*, а не пустыми логическими возможностями)¹⁵. Например, актуальное восприятие фасада дома определяется отсылками к потенциальному восприятию его задней стороны, боковых сторон и т. п., при этом полное осуществление соответствующих возможностей принципиально невозможно, так как опыт мира, как и опыт вещи, необходимо является бесконечным [Tengelyi 2014, s. 537]. Поэтому в любой момент возможно вторжение восприятия, не согласующегося с предвосхищениями и обрушивающего смысл опыта, другими словами, превращающего существование в видимость. Скажем, я начинаю обходить дом и обнаруживаю, что у него нет «внутреннего», что это всего лишь декорация, или в связанное сновидение вторгается совершенно новое, не вписывающееся в его контекст восприятие в момент пробуждения, и горизонтные связи восприятия рвутся и перестраиваются. Мысленный эксперимент, описанный в § 49 «Идей I», демонстрирует возможность распространения модализации на мир в целом, когда уже не просто нарушается горизонтное единство опыта вещи или даже совокупности вещей, но из-за постоянного появления восприятий, не вписывающихся в рамки горизонта, распадается связь *мирового* горизонта и сам мир полагается как несуществующий¹⁶. В этом опыте, как показывает Гуссерль, иллюзорным становится и сознание в обычном смысле (как психика, как нечто ментальное), поскольку по своей сущности такое сознание

---

¹⁴ Ibid. S. 62–63.

¹⁵ Ibid. S. 91–92.

¹⁶ Ibid. S. 103.

принадлежит живым существам в природе, т. е. в мире: если их нет, нет и их психики¹⁷. Напротив, *чистое* сознание, сознание не как психика, не как часть мира, сохранится в этой катастрофе как существующее: его тезис – то, что оно есть, – и есть искомый тезис, который нельзя подвергнуть эпохе¹⁸. С другой стороны, так как это сознание *есть* сознание чего-то, мир со всем, что в нем так или иначе «есть», *в качестве смыслового коррелята* (но не части) сознания существует столь же несомненно, что и само чистое сознание. Таким образом, эпохе приводит не к изолированному сознанию, а к сущностной корреляции сознания и мира, все к тому же необходимому факту «я емь в мире», в котором мир совершенно ничего не утратил, но все же радикально изменил способ присутствия, поскольку из действительности, существующей в себе для наивного сознания, он без остатка превратился в смысловой горизонт опыта: «Мир – это имеющий значимость смысл, и ничего больше»¹⁹.

Но если я апеллирую к модализируемости мира для содержательного обоснования эпохе, я ввожу в действие именно те мотивы, которые эпохе должно перевести в состояние бездействия. Модализируемость есть *мирской мотив* эпохе, ибо предполагает *интерес* к бытию мира. Следовательно, модализируемость мира как мотив эпохе обнажает сущностную укорененность эпохе в вовлеченности в мирскую ситуацию.

Однако здесь выясняется, что естественный интерес к миру невозможно реализовать, причем не в силу ограниченности познания, а потому, что это исключается сущностью самого мира: мир ни есть, ни не есть, так как он *есть* горизонт, открытость которого невозможно устранить: «Мир находится, причем сущностным образом, во взвешенном состоянии между бытием и видимостью»²⁰. Иначе говоря, бытие мира и состоит в том, чтобы быть подвешенным между бытием и небытием, тогда как и бытие, и небытие мира в обыденном смысле подразумевают нечто невозможное – полное осуществление или полное «разочарование» предвосхищений, принадлежащих горизонту.

Это превращает эпохе в то сомнение (*Zweifel*), более подлинной формой которого, как сказано в «Феноменологии духа», является отчаяние (*Verzweiflung*): сомнение в этом смысле есть не расшатывание обыденной истины, за которым следует ее восстановление, а то, что за-

---

¹⁷ Ibid. S. 118–119.

¹⁸ Ibid. S. 98.

¹⁹ Husserl E. Die Lebenswelt. Auslegungen der vorgegebenen Welt und ihrer Konstitution. Texte aus dem Nachlass (1916–1937). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2008 (Hua XXXIX). S. 725.

²⁰ Husserl E. Zur phänomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachlass. 1926–1935. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 2002 (Hua XXXIV). S. 140.

ставляет нас полностью отчаиваться в так называемых естественных представлениях, или, в данном случае, в так называемой естественной установке²¹. Отчаяние означает здесь опыт невозможности реализации естественного интереса к миру, который я питаю, или отказ от надежды на реализацию этого интереса (пусть даже через сомнение).

Но тут мы внезапно сталкиваемся с «эффектом губки». Именно в тот момент, когда я приостанавливаю действие естественной надежды, без которой невозможно само эпохе, я вдруг обнаруживаю, что обрел то, к чему ранее тщетно стремился, ведь мир и есть горизонт (смысловое образование), и ничто более. Эпохе есть вопрос, касающийся не *истинности* тезиса «мир есть», а того, что этот тезис *значит* (поэтому эпохе, в отличие от сомнения, и совместимо с тезисом). Но оно показывает, что истинность тезиса и есть его смысл – на вопрос о бытии мира не нужно отвечать, ведь это бытие и *есть вопрос*, и нужно *позволить* ему *оставаться вопросом*, вырвав его из тотальной сокрытости беспроблемностью естественного опыта. Благодаря эпохе, следовательно, мир не исчез, а как раз стал для меня горизонтом, т. е. тем, чем он всегда уже был (поскольку естественная установка и есть установка, для которой мир является горизонтом) и в то же время никогда еще не был, так как естественная установка есть установка, в которой мир не может *являться как горизонт*. В самом деле, *сущность* естественной установки состоит в том, что она полностью скрыта от себя *как установка* [Савин 2013, с. 21], ибо, оставаясь естественной, она не может даже подозревать о том, что у нее есть *граница* (горизонт), вне которой вообще есть что-либо иное (в этом смысле мир для естественной установки безграничен, так как для естественного сознания вне мира ничего нет). Иначе говоря, поскольку мир *является* горизонтом, он *не может являться как горизонт*, и в силу того, что феноменология снимает различие между явлением и бытием, не может *быть* горизонтом – действительно становясь горизонтом (являясь как горизонт благодаря феноменологическому эпохе), он перестает им быть. Естественный человек, тем самым, живет в горизонте, но не в горизонте *как горизонте*, соответственно, живет в мире, но не живет в мире *как таковом*. Из-за этого он выпадает из мирской ситуации, так как *сущность* ситуации заключается в ее *границах* и в том, что она *есть обращенный ко мне вопрос*, вопрос, который в естественной установке, конституирующей естественность мира, не может быть вопросом. Естественная установка поэтому не была отброшена в результате эпохе, но, напротив, *стала установкой*: ее горизонт в своем явлении превратился в самого себя и перестал быть тем, что, как нечто сущностно от меня скрытое, определяет все мои надежды и стремления.

Это превращение есть аффективный опыт и потому подразумевает вовлеченность в мир, но не просто естественную, а такую, которая

---

²¹ Hegel. G.W.F. Phänomenologie des Geistes. Stuttgart: Reclam, 1987. S. 69.

является вовлеченностью в *вопрос* о мире или в мир как *вопрос*. Иначе говоря, феноменологическое отчаяние есть опыт *неразрешимого вопроса*, указывающего не на недостаток знания, но на то, что сама суть дела, т. е. сам мир, *есть вопрос*. Отчаяние перед лицом неразрешимого вопроса ведет к *удивлению*. Удивление – истинно философский эффект, ибо он есть интерес к самому вопросу, другими словами, вовлеченность в *вопрос как вопрос*. Именно от удивительного бежит и скрывается, скрывая его самого, естественная вовлеченность.

Впрочем, здесь возникает то, что можно было бы назвать феноменологическим парадоксом ситуации. Для феноменолога мирская ситуация – принципиально открытый вопрос и потому не вопрос (на этот вопрос не нужно отвечать, ведь сама вещь – вопрос), тогда как для естественного опыта мирская ситуация не есть вопрос (сама собой разумеется) и именно поэтому – вопрос (как субъект естественного опыта, я не могу не отвечать на нее, хотя этот ответ есть лишь готовый ответ на вопрос, о существовании которого я не подозреваю). Так эпохе задним числом снимает свои собственные мотивы (модализируемость опыта) и оказывается радикальной формой аффективной вовлеченности в мир: эпохе – не вовлеченности в мир, а вовлеченность в мир *как мир*. Мир становится миром и потому он, как мир, снят, т. е. сохранен в качестве преодоленного. Скептическое воздержание, картезианское сомнение, гегелевское снятие соединяются в единый исторический и даже трагический хор, порождая странный эффект и эффект эпохе: безмятежность, ведущую к отчаянию и отчаяние, ведущее к безмятежности.

Благодарности

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00842 А «Формирование и трансформация концепций в феноменологической философии. История терминов и дискуссий».

Acknowledgements

The research was conducted with funding from RFBR, grant project 20-011-00842 A “Formation and Transformation of Concepts in Phenomenological Philosophy. History of Terms and Discussions”.

Источники

Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1976. С. 205–380.

Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes. Stuttgart: Reclam, 1987. 599 S.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. 445 S.

- Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Haag: Martinus Nijhoff, 1976 (Hua VI). 559 S.
- Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1 Halbband. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976 (Hua III/1). 538 S.
- Husserl E.* Die Lebenswelt. Auslegungen der vorgegebenen Welt und ihrer Konstitution. Texte aus dem Nachlass (1916–1937). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2008 (Hua XXXIX). 1032 S.
- Husserl E.* Zur phänomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachlass. 1926–1935. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 2002 (Hua XXXIV). 660 S.

Литература

- Мельников 2010 – *Мельников С.А.* Античные истоки термина «ἐποχή» // Ежегодник по феноменологической философии. Т. 2. 2009/2010. М.: РГГУ, 2010. С. 332–348.
- Ришир 2015 – *Ришир М.* Комментарий к «Феноменологии эстетического сознания» // Ежегодник по феноменологической философии. Т. 4. М.: РГГУ, 2015. С. 316–331.
- Савин 2013 – *Савин А.Э.* О понятиях эпохе и редукции в «Идеях I» Эдмунда Гуссерля // Известия Уральского федерального университета. 2013. № 2. С. 19–32.
- Хельд 2008 – *Хельд К.* Хайдеггер и принцип феноменологии // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. Т. 1. М.: РГГУ, 2008. С. 190–220.
- Чернавин 2021 – *Чернавин Г.И.* Философия тролля: феномен платных ботов. М.: РИПОЛ классик, 2021. 368 с.
- Ямпольская 2018 – *Ямпольская А.В.* Искусство феноменологии. М.: РИПОЛ классик, 2018. 342 с.
- Tengelyi 2014 – *Tengelyi L.* Welt und Unendlichkeit. Zum Problem phänomenologischer Metaphysik. Freiburg/München: Verlag Karl Alber, 2014. 604 S.

References

- Chernavin, G.I. (2021), *Filosofiya trollya: fenomen platnykh botov* [Philosophy of the troll. The phenomenon of paid bots], RIPOL klassik, Moscow, Russia.
- Khel'd, K. (2008), "Heidegger and the principle of Phenomenology", *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii* [Annual for phenomenological philosophy], iss. I, RGGU, Moscow, Russia, pp. 190–220.
- Mel'nikov, S.A. (2010), "The antique origins of the term «ἐποχή»", *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii* [Annual for phenomenological philosophy], iss. II, RGGU, Moscow, Russia, pp. 332–348.
- Richir, M. (2015), "A commentary on "The phenomenology of aesthetic consciousness"", *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii* [Annual for phenomenological philosophy], iss. IV, RGGU, Moscow, Russia, pp. 316–331.

- Savin, A.E. (2013), "On the concepts of epoche and reduction in Edmund Husserl's 'Ideas I'", *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Ural Federal University Journal], iss. 2, Izdatelstvo Uralskogo Universiteta, Ekaterinburg, Russia, pp. 19-32.
- Tengelyi, L. (2014), *Welt und Unendlichkeit. Zum Problem phänomenologischer Metaphysik*, Verlag Karl Alber, Freiburg, München.
- Yampolskaya, A.V. (2018), *Iskusstvo fenomenologii* [The art of phenomenology], RIPOL klassik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил А. Белоусов, кандидат философских наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82; mishabelous@gmail.com

Information about the author

Mikhail A. Belousov, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119571; mishabelous@gmail.com

Dasein и ἦθος: фактичны ли ценности?

Владимир П. Вишняков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, vishnyakov.v.p@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается деконструкция М. Хайдеггером метафизических предпосылок моральной философии Нового времени. Его интерпретация Аристотеля (соединенная с анализом раннего христианства) позволяет предложить оригинальную версию онтологии, объединенную с этикой. В такой оптике «Бытие и Время», как и «Никомахова этика», представляет собой этический трактат: он также основан на понимании человеческого этоса (от греч. ἦθος, «нрав, характер, душевный склад, гнездо») и раскрывает характеристики жизни, структурированной «должным». В эпоху Просвещения в сфере практической философии произошла смена парадигмы, связанная с переходом от этики (т. е. этоса как формы жизни с ее практическими и нормативными измерениями) к моральным концепциям, основанным на индивидуализме и различиях между фактами и ценностями. Раскол между онтологией и учениями о морали сделал невозможным любое обоснование или оправдание этики. В отличие от модернистских теорий морали, пытающихся выразить беспристрастные и свободные от ценностей принципы индивидуального поведения, философ исследовал условия возможности изменения образа жизни. Понимание этики Хайдеггером можно истолковать в аристотелевском контексте, в котором жизнь в социуме (т. е. бытие в «совместном мире») определяет онтологические условия, делающие возможным этическое действие. Философ раскрывает существование *Dasein* в контексте некоего перфекционистского понимания: в нем обнаруживаются два модуса, один из которых очевидно более ценен (или совершенен), чем другой, – по крайней мере, благодаря более широкой перспективе и глубокому самопониманию. Исполнение «этики» означает раскрытие индивидуализирующего способа раскрытия мира, что подразумевает чуткость к зову Бытия и готовность посреди мира трансформировать свою конечность, чтобы стать «подлинным» членом исторического сообщества. В онтологической структуре *Dasein* такой способ бытия исполняется в особых раскрывающих «настроениях» (*πάθη*), несводимых ни к эмпирической чувственности, ни к когнитивным функциям. Фактическая реализация этических ценностей выражается в решимости, стойкой приверженности выбранному историческому наследию, чуткости ко всем аспектам актуальной ситуации. Эти характеристики раскрывающих «настроений» образуют список метакультурных добродетелей, являющихся основанием для взаимопонимания и диалога между представителями различных «этосов» фрагментированного социума.

Ключевые слова: Хайдеггер, Аристотель, герменевтика фактичности, фактичная жизнь, этика, моральная философия

Для цитирования: Вишняков В.П. *Dasein* и ἦθος: фактичны ли ценности? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 40–57. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-40-57

Dasein and ἦθος: do values exist?

Vladimir P. Vishnyakov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, vishnyakov.v.p@gmail.com*

Abstract. The article considers M. Heidegger's deconstruction of the metaphysical foundations for the moral philosophy of modern times. Heidegger's interpretation of Aristotle (together with an analysis of early Christianity) offers an original version of ontology combined with ethics. In such optics, Being and Time, like Nicomachean Ethics, is an ethical treatise: it is also based on an understanding of human ethos (from the Greek ἦθος, "temper, character, nest") and reveals the characteristics of life structured by "proper". During the Age of Enlightenment (17th–19th centuries), a paradigm shift occurred in the field of practical philosophy, associated with the transition from ethics (that is, ethos as a form of life with its practical and normative dimensions) to moral concepts based on individualism and the distinction between facts and values. The split between ontology and the teachings of morality made impossible any rational substantiation or justification of ethics. Unlike modernist theories of morality, which attempt to express impartial and value-free principles of individual behavior, Heidegger explores the conditions for the possibility of changing lifestyles. His understanding of ethics can be interpreted in an Aristotelian context, in which life in society (that is, being in a "shared world") determines the ontological conditions that make ethical action possible. The philosopher reveals the existence of Dasein in the context of a certain perfectionist understanding: two modes are found in it, one of which is obviously more valuable (or perfect) than the other – at least due to a wider perspective and deep self-understanding. The fulfillment of "ethics" means revealing an individualizing ("owned") way of disclosing the world, what implies sensitivity to the call of Being and a readiness in the midst of the world to transform one's finiteness in order to become a "genuine" member of the historical community. In the ontological structure of *Dasein*, such way of being is fulfilled in special revealing "moods" (πάθη), which are not reducible either to empirical sensibility or to cognitive functions.

The factual enactment of ethical values is expressed in resoluteness, steadfast adherence to the chosen historical heritage, sensitivity to all aspects of the existential situation. These characteristics of revealing "moods" form a list of metacultural virtues that are the basis for mutual understanding and dialogue between representatives of various "ethoses" of a fragmented society.

Keywords: M. Heidegger, Aristotle, hermeneutics of facticity, factual life, ethics, moral philosophy

For citation: Vishnyakov, V.P. (2022), "*Dasein* and ἦθος: do values exist?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 40-57, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-40-57

Многие исследователи философии М. Хайдеггера разделяют убеждение, что мышление немецкого философа находится вне сферы этических проблем, вопросов добродетели и т. п. Более того, считается, что отсутствие проекта позитивной этики является явным и значительным недостатком его наследия. Упрек двоякий: с одной стороны,

экзистенциальная аналитика и тема подлинности упускают из вида морально значимые обязательства индивида перед людьми. С другой стороны, условия возможности подлинного существования оказываются маргинальными и изолируют *Dasein* от социума, игнорируя уже существующие нормативные измерения морали и политики.

Действительно ли М. Хайдеггер ничего не говорит об этике или морали, и его философия (в частности, в период до «поворота», случившегося после публикации «Бытия и времени») не предлагает никаких универсальных этических «добродетелей» и тем самым бесполезна для нас? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо увидеть, как М. Хайдеггер проводит «деструкцию этики», тесно связанную с его деструкцией западноевропейской метафизики (онтотеологии), – в лекциях и работах, предшествующих написанию «Бытия и времени» (в рукописи *Natorp Bericht* 1922 г., курсе «Основные понятия философии Аристотеля» и публичных лекциях «О понятии времени» 1924 г., курсе «Пролегомены к истории понятия времени» 1925 г. и др.), а также в самом трактате.

Два модуля Dasein

Одним из итогов выполненного М. Хайдеггером до «поворота» синтеза феноменологии, философии жизни, христианского богословия, интерпретации Аристотеля и т. п. (что получило названия фундаментальной онтологии, герменевтической интуиции, герменевтики фактичности, экзистенциальной аналитики) стала экспликация бытия *Dasein* в контексте некоего перфекционистского понимания. В нем (т. е. в отношении к возможностям своего существования) обнаруживаются два модуля «бытия-в», один из которых («подлинный» или «собственный», *eigentlich*) очевидно более ценен (или совершенен), чем другой («неподлинный», *uneigentlich*), – по крайней мере благодаря более широкой перспективе и глубокому самопониманию. Основной чертой «неподлинной» жизни является своего рода отпадение или отчуждение от себя, «что обнаруживает *распад* “бытия-в”, равнение на “людей” и исчезновение в них»¹. Другими словами, «неподлинная» жизнь – это жизнь, которая не проживается самой собой.

Можно выделить несколько тесно связанных между собой характеристик, в которых Хайдеггер описывает модуль «неподлинности». Прежде всего, рассматривая «заботу» о «хлебе насущном» как основной смысл существования *Dasein*, он указывает, что «неподлинная жизнь» принуждает, «втягивает» (1) присутствие в определенный образ существования, где оно запутывается и теряет себя. «Тяга» мотивируется стремлением к безопасности, «облегчению» (2), успокоению.

---

¹ Хайдеггер М. Понятие времени. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 58.

Следуя по пути наименьшего сопротивления, *Dasein* утрачивает фокус, «рассеивается» (3) в «подручных» обстоятельствах и ситуативных «бросках» к комфорту и безопасности. Вместо того чтобы заботиться о понимании своей жизни, *Dasein* оказывается захваченным «мирскими амбициями» (4) – «беспокойством» о том, как оно выглядит в глазах других. В стремлении управлять обстоятельствами и людьми *Dasein* легко утрачивает меру, переходя любые границы в своих манипуляциях. В итоге фактичная жизнь приходит к почти полному отказу от ответственности за себя. *Dasein* скрывается (5) в анонимной публичности, «блокирует» и «маскирует» себя в способах мышления и действия, предлагаемых «людьми». Одновременно это создает условия для самопонимания и осознания уникальности собственного существования.

В подлинном модусе или «экзистенции» (один из терминов М. Хайдеггера начала 1920-х гг.) жизнь делается «прозрачной» для себя. Она может «пробудиться» и вступить в борьбу с «падением», изменить «стиль» своего существования на («окольном») пути к выбранному «духовному направлению» или общественному призванию. Поэтому еще одним именем подлинности является «бодрствование», отсылающее к метафорам апостола Павла и делающее акцент на самопонимании *Dasein* (осознании «тяготы» жизни и отстранении от разрушительного «падения»). В трактате «Бытие и время» М. Хайдеггер указывает на новые аспекты «подлинности». Это прежде всего «совесть», молчаливый «зов» которой прерывает погруженность *Dasein* в повседневные «толки» «людей» и, действуя как «удар», приказывает вступить в бой с «неподлинностью». Ответом на «зов» становится «решимость», использующая возможности из сети отношений с «людьми», и «возобновления призвания» и «выбор героя» из своей культурной традиции, когда *Dasein* освобождает и актуализирует также фактичные элементы своего культурного «наследия», в полноте образующие его (единственную) «судьбу». В трактате «Бытие и время» М. Хайдеггер впервые систематически исследует возможность сообщества, образуемого «подлинными» индивидуумами – в феномене «поколения», в понимании которого философ следует В. Дильтею. В «поколении» устанавливаются отношения «современности», формируемые общим наследием и значимыми историческими событиями. Фактичный контекст определяет доступные возможности, круг задач, проблем и конфликтов для «поколения» в целом. Чтобы быть «подлинным» со своим «поколением», человеку необходимо объединить некоторые общие задачи с личной приверженностью и свободным принятием образа «подлинности» других. В этом случае *Dasein* становится для «других» их «совестью», практикуя «освобождающее заступничество», не имеющее ничего общего с принуждением и навязыванием решений.

Возможно ли связать выявленные экзистенциальной аналитикой модусы *Dasein* с этической проблематикой? Является ли описываемая

ими реальность нейтральной или она указывает на хорошо знакомый всем повседневный опыт, «заряженный» широким спектром переживаний? Для ответа на такие вопросы необходимо понять, как интерпретация Хайдеггера соотносится с историей этики.

Смена парадигм в истории этики

Чтобы представить краткую сводку истории этики, для начала отличим ее от морали. Различие можно обнаружить даже в этимологии: как указывает Б. Уильямс [Williams 1993, p. 6], латинский термин (*moralis*) больше связан с социальными ожиданиями, а греческий (*ἠθικός*) – с чувством индивидуального характера. Другими словами, этика относится к развитию самости, достижению благой и достойной жизни, а мораль – с правами и обязанностями, обосновывающими то, как следует поступать. История западноевропейской мысли включает трансформацию и смену парадигмы, когда в XVII–XIX вв. на смену этике, основанной на понимании природы человека, пришли моральные концепции, зафиксировавшие разрыв между учением о бытии и учением о нравственной жизни. В результате смысл того, «как поступать правильно» и «как быть хорошим человеком», оказался разным.

Согласно А. Макинтайру, до XVII в. в этической философии доминировала трехчастная схема, восходящая к Аристотелю: в ее рамках «существует фундаментальное противопоставление человека-как-он-есть и человека-каким-он-мог-бы-быть-если-бы-он-понимал-свою-существенную-природу», и этика как «наука, которая помогает людям, и как они совершают переход от первого состояния во второе» [Макинтайр 2022, с. 78–79]. В перспективе аристотелевской «биологической метафизики» любая форма жизни (движущее себя сущее) может исполниться, «расцвести», связав в единое целое различные аспекты своего существования. Смысл бытия конкретного сущего улавливается в движении от его истока до завершения. Целью человеческого существования является достойная самодостаточная жизнь, – для этого требуется воспитывать добродетели и поступать согласно разуму. Дело, труд или работа (*ἔργον*) человека заключается в том, чтобы формировать себя внутри общего (то есть разделяемого с другими людьми) мира. При этом, согласно Аристотелю, молодые люди должны стать продуктивными членами полиса и социализироваться прежде, чем они смогут изучать этику и развивать добродетели, участвуя в добродетельных действиях.

В продуктивном способе бытия (*ποίησις*) человек создает отдельное от себя сущее, и благо такой деятельности подчинено качеству создаваемого предмета. Продуктивная деятельность основывается на мотивирующем ее самосозидании (*πρᾶξις*, «то-ради-чего»): например, врач умело производит состояние здоровья у пациента, одновременно фор-

мируя свою собственную гражданскую идентичность. В движении к благой и самодостаточной жизни человек вначале приобретает благие привычки (ἠθισμοί) и постепенно учится выбирать середину (μεσότης), избегая недостатка и излишка, в практической мудрости (φρόνησις, от φρήν, сердце). В таком подвижном (κίνησις), направленном на мир самоопределении и само-конституировании устраняется разрыв между фактической и благой жизнью (εὐδαιμονία). Люди не рождаются мудрецами, но могут стать ими, вырастая из «многих» (πόλοι, «людей», Man в терминологии Хайдеггера). Согласно Аристотелю, мы узнаем, как должно жить, из факта осмысленного существования, направленного к благу, – причем в этом движении дружба и любовь образуют важную сферу опыта для формирования добродетелей.

С установлением христианского мира этика трансформируется в рамках христианской телеологии. Благо основывается на повелении суверенного Бога, а целью (τέλος) человеческой жизни становится единение с Богом через искупительную жертву Христа, что «исправляет» весь предшествующий греховный опыт. Человек понимается как религиозный атом (индивидуум), наделенный волей и верой, – именно на них направлена христианская этика. Блаженная жизнь (*beata vita*) как цель христианской жизни достигается на пути аскетизма, при этом намерение и цель оказываются важнее, чем добродетели и достойная жизнь.

Интериоризация этики и морали в средние века способствовала утверждению механицизма и различению фактов от ценностей. В первой половине XVII в. новая метафизика и теория познания «отменили» телеологию в описании природы. Бэкон, Галилей и Декарт были согласны в том, что прежнюю телеологическую натурфилософию надо отбросить, заменив механической причинностью. В написанной на языке математики книге природы (Галилей) объективные факты являются ценностно нейтральными. Разум не может постичь подлинные цели человека, он только рассчитывает и выбирает средства для производства вещей, – и поэтому мораль становится оценочным суждением, предцируемым бытию. В результате религия, эстетика и мораль оказываются творениями людей, а архетипы «благой жизни» превращаются в простые средства. Такая сглаженная картина мира без целей, ценностей, красоты и смысла передается эпохе Просвещения.

Таким образом, в трехчастной этической схеме исчез один из взаимообусловленных элементов («человек-каким-он-мог-бы-быть-если-бы-он-понимал-свою-существенную-природу»). Хотя в XVIII в. в философии Просвещения предпринимаются попытки соединить онтологию и этику и оправдать мораль (связать существующее по природе с морально должным), все они оказываются несостоятельными. Моральные философы унаследовали противоречивые фрагменты ранее согласованной системы: с исчезновением «истинных целей» отношение остальных двух элементов оказалось проблематичным (смысл

этики именно и заключался в переходе от нынешнего состояния к истинным целям). И «они не смогли распознать невозможного и донкихотского характера своей задачи» [Макинтайр 2022, с. 82].

Например, согласно Юму (воспитанному в духе кальвинизма), мотивация (причина) моральных суждений находится в человеческих страстях. Нормы морали связаны с приемлемыми и полезными социальными традициями. При этом полезность является отношениями идей, а не фактов. Поэтому никакого «должно» нельзя вывести из того, что фактично «есть» в мире, у человека нет возможности воспринять благо само по себе. Линия различения фактов и ценностей продолжается в философии Канта. В мире природы действует причинность, законы которой не сообщают нам, как должно жить, – мораль является характеристикой мира разумной свободы. Ценности («должное») нельзя вывести из эмпирических фактов, моральный закон обнаруживает невидимое «я», способное разумно подчиняться универсальным обязательствам. Добрая воля выражается в гипотетических императивах, являющихся средствами для достижения ситуативных целей. Моральное действие должно основываться на категорическом императиве, побуждающем нас подчиниться самодостаточному разуму, т. е. на свободе или природе рациональной свободы воли. Однако если полностью отбрасывается содержание мотивации, рациональная свобода выглядит пустой и бессмысленной. Более того, сами моральные суждения изменяют свое значение: они рассматриваются как императивы, которые не могут быть истинными или ложными. Поэтому моральная философия не получает доступа и не схватывает целостный контекст фактической жизни. Для ответа на главный вопрос, почему мы должны действовать морально, ей приходится исходить из ниоткуда (и из «никогда»), искать беспристрастную основу. Это приводит к пониманию человека как замкнутого центра воли и опыта, взаимодействие которого с другими опирается на решения и суждения. К различению фактов и ценностей добавляется «онтологический индивидуализм»: за более чем двести лет политические, социальные и религиозные перемены привели к формированию языка «независимого я».

Далее, философия постсовременности унаследовала различение ценностей и фактов («должно» и «есть») и поставила своей целью сделать людей эффективными деятелями в достижении желаемых ценностей. Однако установка, согласно которой действующий индивидуум должен выбирать ценности, сама является ценностным утверждением [Guignon et al. 1999, p. 265]. Главной реальностью становятся экономические «монады» (агенты), связанные ситуативными соглашениями в чрезвычайно фрагментированном постмодернистском социуме, – при этом унаследованный от Просвещения идеал абсолютной свободы вступает в противоречие с универсальными обязательствами (и обществом).

То, что когда-то вызывало приверженность, – боги, герои, Богочеловек, действия великих государственных деятелей, слова великих мыслителей – утратили авторитет. Люди чувствуют себя изолированными и отчужденными. Они чувствуют, что их жизнь не имеет смысла, потому что общественный мир не содержит ориентиров [Dreyfus 2006, p. 347–348].

Раскол между бытием и этикой привел к разрушению того, что Токвиль назвал «привычками сердца», и отношения между людьми стали рассматриваться как договорные и коммерческие. Постсовременная мораль сфокусировалась на узкой сфере реальности, на стыке моральной свободы и биологической данности. Говоря иначе, «как это ни парадоксально, люди рассматриваются как радикально корыстные и обязанные уважать и продвигать свободу других людей» [Guignon et al. 1999, p. 49].

Есть ли у Хайдеггера своя этика?

Хайдеггер деконструирует основания моральной философии и предлагает путь, ведущий обратно к единству онтологии и этики. Он показывает, какими должны быть люди, чтобы иметь этику, а также и то, что мешает им быть этичными. Как мы увидим дальше, это отчетливо выраженный анти-индивидуалистический проект, который подразумевает отказ от обращения с людьми как атомарными и само-инкапсулированными организмами, движущимися по заданному курсу. Причем язык «независимого я» замещается языком «долга, вины и ответственности».

Немецкий мыслитель обращается к практической философии Аристотеля, феноменологически интерпретируя ее с позиций богословия Лютера. Хайдеггер указывает, что различие фактов и ценностей происходит из метафизики произведенного сущего.

В курсе лекций по «Феноменологической интерпретации Аристотеля» 1921–1922 гг.² Хайдеггер обсуждает вопросы: почему стало возможным разрабатывать абсолютную систему морали, оставаясь при этом плохим человеком? Как может философия игнорировать отношения, возникающие в нашей фактичности? Если никакое оправдание этики после Просвещения невозможно, то почему мы остаемся «невозмутимыми в своей защите абсолютной этики»³?

Привычный способ описания мира, установившийся благодаря Просвещению, предусматривает восприятие морально нейтральных (объективных) вещей в пространстве, к которым подобно маркерам добавляются ценностные характеристики. Однако при таком подходе

---

² Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles. Einführung in die phänomenologische Forschung. Hrsg. von W. Bröcker und K. Bröcker-Oltmanns. (GA 61) Frankfurt am Main, 1985. S. 164.

³ Ibid.

скрываются и затемняются способы, заранее схватывающие и конституирующие наше понимание. Иначе говоря, упрощенное различие между фактами и ценностями скрывает этические принципы. Например, мы уже откуда-то знаем, что держать данное обещание («честное слово») хорошо, и руководствуясь таким пред-пониманием оцениваем факты, появляющиеся в мире. Обращение с фактами и ценностями как с наличными атрибутами «не может придавать значения существу, если само бытие не имеет значения и меры» [Sluga 2001, p. 222]. То же самое можно утверждать и про вещи как отсылки в открытой сети мировых отношений: добротность, полезность являются для нас их собственными свойствами: «Пока есть *Dasein*, эта вещь есть перчатка» [Polt 1999, p. 57]. Все является продуктом социальных интерпретаций, кроме самой структуры интерпретации.

Наше поведение всегда окрашено эмоциями. Например⁴, при выборе подарка для друга целью (τέλος) действия является радость, которую мы хотим ему доставить. Начинаем рассуждать, что лучше всего подойдет, вспоминая о конкретном человеке, и решаем, что это книга, – значит, надо идти в магазин. Такой ход событий оказывается возможным потому, что у нас всегда есть более-менее смутное представление о бытии-в-мире (*in-der-Welt- Sein*) о том, что значит быть влюбленным, щедрым, быть другом, слугой Господа и т. д. «Бытие-в-мире» не предполагает разделения на субъект и объект, это сама фактичная жизнь, – согласно Хайдеггеру, предлог *in* «идет от корня *innan-*, селиться, пребывать, обитать»⁵. Мы уже встроены в общество, пойманы в различные ситуации, участвуем в специальных социальных практиках и т. п., – все это вместе образует фон, фактичность (состоящую из того, что произошло раньше) из которого формируется *вторая природа*. Мы понимаем себя через вещи, о которых заботимся, и через ситуации, в которых мы уже находим себя в мире (*Befindlichkeit*) заброшенными (*geworfen*), – что соотносится с аристотелевским термином «расположение» (διάθεσις). Усвоение Хайдеггером аристотелевского понятия διάθεσις подчеркивает «тесную связь между «обладанием» и «бытием-в» [Kisiel 1993, p. 293], показывая способы, которыми наше до-онтологическое понимание должного воплощено в нашем до-рефлексивном понимании-как, вовлеченном в практический мир (и конституируемом им). «Бытие-в-мире» написано через дефис, чтобы подчеркнуть, что это не свойство, но унитарный феномен, так что «заброшенность» и «расположенность» равно-изначальны и равно-действительны в любом опыте и понимании того, что значит быть человеком (взяты вместе, они составляют то, что Хайдеггер называет «фактичностью» *Dasein – Faktizität*).

---

⁴ Heidegger M. Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie. Hrsg. von Mark Michal-ski (GA 18), Frankfurt am Main 2002. S. 59.

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 54.

Из такого понимания для моральной философии можно вывести несколько следствий. Прежде всего, описание исходных отношений подвижной и конечной самости (*Dasein*) и бытия не допускает разделения на субъект и объект, на факты и ценности. Экзистенциальная аналитика соединяет этику и онтологию и отбрасывает взгляд, видящий *Dasein* субъектом, выпрыгивающим во внешний мир, – так что в фактической жизни нельзя отделить теоретические категории от практических. Далее, поскольку все формы познания фундированы в экзистенциальных возможностях самости (и производны от них), отбрасывается разделение на оценочные и описательные суждения. Мораль интересна нам потому, что она имеет значение, – т. е. следует из этики. Тем самым Хайдеггер отказывается от концепции замкнутой моральной сферы (вследствие «онтологического индивидуализма» ограниченной исключительно обязательствами перед другими), поскольку она всегда основана на интерпретации повседневной жизни. Все формы познания, открытия, суждения, восприятия, ощущения и т. д. являются производными и предполагают «некоторое предшествующее понимание экзистенциальных возможностей *Dasein*» [Hatab 2000, p. 22].

Попытаемся показать, как повседневное совместное бытие оказывается уже наполненным пониманием единства жизни (ἦθος), которое предшествует морали, ориентированной на других. Ключевыми концептами в хайдеггеровской интерпретации фактической жизни, в которой он опирается на этику Аристотеля, являются κίνησις и λόγος. *Dasein*, как «брошенная в мир возможность», проецирует себя в будущее и с помощью речи (на языке, полученном от «людей») извлекает и проявляет благоприятные вещи (уже собранные в λόγος). Жизнь среди «людей» протекает в общем языке, рядом с единомышленниками, в связи с традицией, историей, идеалами.

Мы не просто молча схватываем вещи, а затем вкладываем в них слова; язык – это средство, с помощью которого мы распознаем добро и размышляем о нем [Sandel 2009, p. 196].

В λόγος сформулировано, как мы живем и кто мы есть, λόγοι действуют всегда. Онтология Хайдеггера анти-индивидуалистична, поскольку принадлежность к традиции является условием возможности самой индивидуальности.

Целое наших обязательств и отношений с миром – это сущее в интенциональном движении (κίνησις) к цели (τέλος), данное во временном горизонте как переход от возможности к действительности. Эту телеологию Хайдеггер заимствует у Аристотеля: когда существование дает движению необходимое время, и *Dasein* отражает это в своем представлении, этот скачок раскрывается единственно возможным образом: либо он должен произойти, либо он уже был [van Buren 1994, p. 224]. Хайдеггер объясняет, что для Аристотеля бытие в «изначаль-

ном смысле» есть «законченное бытие», то есть κίνησις, который «пришел к своему концу» (ἔσχατον) и, таким образом, является законченным делом (ἐνέργεια) и субстанциальным присутствием (οὐσία). Такое человеческое бытие темпорализуется в чистой действительности σοφία как безмятежного, пребывающего в отдохновении (συχλή), чисто перцептивного ожидания подле ἀρχή того, что всегда есть. Хайдеггер деконструирует в лютеранском духе (или «квази-лютеранском», – т. е. использующим основные концепции *theologia crucis* М. Лютера в аналитике *Dasein*), разоблачает и демифологизирует этот визуально-эстетический квинтэссенциализм [van Buren 1994, p. 224]. Удел человека, его заботы об изменчивом существе фокусируются вокруг главной нужды «в поте лица... добывать хлеб свой» (Быт. 3:19), – а не в созерцании высшего и неизменного начала. Примечательно, что такой сдвиг интерпретации, по-видимому, отражает изменение взглядов самого Хайдеггера: в первой диссертации 1913 г. («Учение о суждении в психологизме») он называет (неизменный) логический смысл способом бытия *Dasein*, а в двадцатые годы термин «вот-бытие» уже указывает на основополагающий до-логический характер исторического бытия-в-мире [van Buren 1994, p. 66].

Повседневная продуктивная деятельность (ποίησις) всегда есть незавершенное движение, бытие на пути к «еще не» своего интенционального предмета. Применив к *Dasein* концепт ἔσχατον (понятый как последнее завершение, – и основной, изначальный смысл τέλος, фундирующий «результат» и «цель»⁶), мы получим указание на истинный τέλος человека.

Для *Dasein* завершение движения не является его τέλος. В самом деле, может ли человек произвести себя подобно тому, как он строит дом? С одной стороны, пребывая в «людях», он усваивает (производит) полезные привычки, навыки – другими словами, он создает частичные и «внешние» идентичности (семьянин, служащий, профессионал своего дела, предприниматель, «душа компании» и т. д.), не являющиеся его собственными. Быть человеком значит проецировать себя на горизонт возможностей, принимая формы участия в мире. Но даже когда он достигает «биологического расцвета» своей природы, он вовсе не обязательно достигает благой и счастливой жизни настоящего рассудительного мудреца (φρόνιμος). Более того, произвести из себя благоразумного человека невозможно в принципе. В самом деле, хотя в процессе производственной деятельности *Dasein* наряду с созданием какого-либо продукта формирует свою идентичность, такой формирующий πρᾶξις уже не является рутинной или повторением некоего стандарта. Формирование себя, самоконституирование имеет собственный τέλος, отличный от производства. Он заключается не в пре-

⁶ Heidegger M. Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie. Hrsg. von Mark Michal-ski (GA 18), Frankfurt am Main 2002. S. 84-86.

крашении движения: нельзя произвести свое прекращение как живого существа (то есть смерть) как осуществленную возможность, – она отбрасывает *Dasein* к себе (смерть не добавляет ничего к актуальному *Dasein*, поскольку она забирает бытие из того, что есть, и жизнь исчезает⁷). Следовательно, настоящий *télos* подвижного бытия *Dasein* заключается не в присвоении ситуативных целей, но в бытии-навстречу единственной достоверной, неопределенной и неприсваемой возможности смерти. В самоконституировании (*πρᾶξις*) нет предустановленного порядка или априорной этики. «Бытие навстречу смерти» дает нам более четкое представление о том, что важно в жизни: поскольку «смерть приводит меня к моей жизни, как моя собственная, чтобы вести меня» [Vogel 1994, p. 46]. Требуется только смотреть и решать, что важно именно сейчас, – а это, в свою очередь, означает ориентацию на особое, уникальное время (*καιρός*): «Я нахожусь здесь, будь что будет!» Это особая действительность (*ἐνέργεια*), которая отличается от созерцания высшего и неизменного сущего: свою будущую смерть невозможно созерцать как сущее, о ней можно помнить, удерживать в поле внимания, что придает качество собственному поступку.

Dasein не является субстанцией, это подвижное сущее, поэтому единственный путь к добродетели, благой и счастливой жизни проходит через повторение выбора, через решение о себе (самоконституирование). Это возможность быть без актуализации, поскольку то, в перспективе чего мы выбираем, нельзя присвоить. Смерть – это горизонт бытия *Dasein*.

Такая «забота быть здесь» является формированием собственного характера, задач, стоящей перед *Dasein*. Пробудиться к благой и счастливой жизни (*εὐδαιμονία*), что Хайдеггер интерпретирует как «подлинность» (собственность, *Eigentlichkeit*), означает найти в бытии то, что вызывает страстную приверженность (*πάθος*) и уводит *Dasein* назад из бесконечных возможностей в простоту его судьбы⁸.

Фактичные ценности как πάθη

Подобно тому как Хайдеггер усматривает решение проблемы универсалий («существуют акты, в которых показывает себя идеальный состав предметов сам по себе»⁹), он преодолевает раскол между фактами и ценностями – они понимаются как элементы единого структурного интенционального комплекса (*πάθος* или «настроение», *Stimmung*). *Πάθος* не сводится к действительным аффектам, душевным

⁷ Ibid. S. 87.

⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 384.

⁹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 78.

состояниям или знанию (когнитивному измерению): всякий раз это способ, которым мы находим себя в мире, вовлекаемся, погружаемся в свою ситуацию, «манера и способ ориентации по отношению к миру или в мире»¹⁰. Кроме того, по отношению к каждой части своей интенциональной структуры *πάθος* открывает или раскрывает: нас самих, сущее в мире и наши отношения с этим сущим, то есть нашу ситуацию, – то, что Хайдеггер называет «возможностями»¹¹. В этом первичном способе восприятия мы раскрываем то, что для нас важно *как* приятное, полезное, неоправданное, прискорбное, ужасное или удивительное и т. п. Переживаемый *πάθος* является сущим, которое движет, касается или имеет значение: это бытие влюбленным, пренебрегаемым и т. д., – и поскольку это способ открыться миру на фундаментальном уровне, – нет никакой «внешней» точки зрения, с которой можно было бы оценить его достоверность.

Каждое аффективное состояние (*πάθος*) действительно дает нам ясный или искаженный доступ к нашей ситуации: оно показывает пути, которыми вещи (включая нас самих) *уже* затронули нас и привели в движение. Причем мы можем понять и схватить это различие: а именно, что раскрывающий *πάθος* ясно проявляет нашу ситуацию и то, как вещи действительно нас затрагивают, – а в нераскрывающем *πάθος*, напротив, встречаемые (нами) и движущие нас вещи искажаются или затемняются. Благоразумный человек или мудрец занимает открытую позицию, наиболее наглядно раскрывающую его ситуацию¹², – то, как мир сам по себе относится к нам, или как мы находимся в нем. Такое подлинное раскрытие Аристотель называет серединой (*μεσότης*), – такое *как*, характеризующее *πάθη*, когда все они понимаются правильно в отношении каждого аспекта своей интенциональности: «вовремя, при надлежащих обстоятельствах, направлены на лиц их заслуживающих, возникли из причин и проявляются в форме, в которой следует»¹³. По Хайдеггеру, такая середина трудно достижима, тогда как избыток и недостаток в отношении каких-то частей ситуации являются способами ее облегчить и свести к усредненному способу раскрытия, «выровненному» значению, нормам и правилам «людей». Однако для Хайдеггера лучше быть «менее средним», чем «более средним», – тогда как для Аристотеля избыток и недостаток одинаково порочны.

Сопротивление усредненности подразумевает выбор (*προαίρεσις*) и подобно решимости, которой мы достигаем, слыша «зов совести», – что относится к модусу подлинного (собственного) существования *Dasein* в «Бытии и времени». Мы не выбираем свои чувства, но мо-

¹⁰ Heidegger M. Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie. Hrsg. von Mark Michal-ski (GA 18), Frankfurt am Main 2002. S. 248.

¹¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 148.

¹² Там же. С. 300.

¹³ Аристотель. Этика. М.: Эксмо, 2018. С. 71–72.

жем направить *πάθος* в его раскрывающее *как*¹⁴, – причем в соответствии с человеческой природой. Она, в свою очередь, состоит в том, чтобы быть живым существом и, следовательно, тем, для кого все имеет значение¹⁵. Направлять свой путь (в соответствии с этой природой) значит позволять себе по-настоящему быть движимым и позволять настроениям происходить – причем таким образом, чтобы они исполняли себя как середина [Withy 2015, p. 30]. Хотя это и подразумевает некую активность, дело не в том, чтобы стать «хозяином [своих] настроений»¹⁶ и контролировать свой путь. Решимость негативно регулирует интенционально сложный *πάθος*: она не разрешает вмешиваться общественным нормам.

Поскольку *πάθη* постоянно меняются, тяга к усреднению (уводящему от раскрывающей середины) действует постоянно. Поэтому настоящая открытость ситуации требует постоянных и повторяющихся усилий, чтобы удерживать нас открытыми ко всем элементам подвижных «настроений». Аффективная добродетель *πάθος* подобна брачной клятве, которая возобновляется и сопротивляется рутине, превращению в привычку [Withy 2015, p. 30]. Мы ответственные не за те *πάθη*, которые являются просто чувствами (их мы не выбираем), но за раскрывающие (или затемняющие) ситуацию настроения и установки, за то, позволяют ли они нашим путям быть срединными. Это также подразумевает борьбу с языком, который подрывает ответственность, упрощает, выравнивает и усредняет ситуацию. При этом бежать бессмысленно – отказ от публичной жизни также является формой общественного бытия. Степень доминирования публичности может изменяться в ходе истории, но изолированный индивид не борется с усредненной диктатурой публичной сферы.

Могут ли враги примириться?

...ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое¹⁷.

Подход изначальной этики Хайдеггера отличается от принятого в моральной философии модерна отношения к этосу как совокупности усвоенного исторического наследия (идеалов, героев, норм, практик и т. д.). Хайдеггер пытается раскрыть форму жизни, структурирован-

¹⁴ Heidegger M. Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie. Hrsg. von Mark Michal-ski (GA 18), Frankfurt am Main 2002. S. 179.

¹⁵ Ibid., S. 50–51.

¹⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 136.

¹⁷ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. VII. М.: Худож. лит., 1979–1981. С. 307.

ную осмысленным «долгом», исследуя онтологические условия возможности самоконституирования, индивидуации (отделения от «людей»), – т. е. изменения образа существования. Его предельная цель – жить благой жизнью и быть достойным и счастливым человеком, даже в эпоху крушения «великих нарративов» прошлого.

Парадигма науки, утвердившаяся в Новое время, игнорирует аффективные аспекты человеческой ситуации, в которых мы захвачены противостоянием нашему существованию и берем на себя ответственность за действия и выбор (сделавшие нас такими, какие мы есть). Тревога и беспокойство, что в жизни нет гарантий, раскрывает хрупкость, незащищенность и непредсказуемость нашего существования, давая более глубокое понимание того, что такое жизнь. Это не вопрос правильного выбора, соблюдения правил или следования универсальным принципам, которые диктуют, как мы должны действовать (или не действовать). Скорее, это вопрос ответственности.

Нравственность (*Sittlichkeit*) этих действий состоит не в том, что я осуществляю какую-нибудь так называемую ценность, а в том, что действительно совершаю волеизъявление, т. е. решаю, волю в своей решимости, т. е. беру на себя ответственность и буду существовать в этом взятии¹⁸.

Выбрав подлинность (собственность), *Dasein* отвечает за свой ἦθος (и перед ним): мы не обосновываем свое бытие-в-мире, но несем ответственность за место, которому уже присвоены [Vogel 1994, p. 47].

Когда Хайдеггер говорит: «*Dasein* – это его прошлое на пути своего собственного Бытия»¹⁹, это значит, что *Dasein* присваивает и присваивается обязательствами и проектами исторического этоса. Следовательно, любая попытка понять человеческое существование должна признать его основу – пребывание в неясных убеждениях и аффективных диспозициях (*πάθη*). Этика необходима и составляют основу того, что значит быть *Dasein*. Согласно Хайдеггеру, мир не предлагает нам универсальных принципов или правил того типа, к которому стремится современная мораль, но он предлагает пути, способы существования или возможности жить осмысленной и полноценной жизнью.

Принадлежность к исторической традиции обосновывает идеал стойкости, постоянства, верности, преемственности, согласованности и так далее. Принадлежность (*Zugehörigkeit*) влечет понимание вины-долга (*Schuld*), самопожертвование, личную ответственность, искренность и устремленность. Освобождающая отрешенность (*Gelassenheit*) порождает внимательность (*Bessinnung*), отсутствие на-

¹⁸ Хайдеггер М. О сущности человеческой свободы. СПб.: Владимир Даль, 2018. С. 336.

¹⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 41.

пряжения и скованности, принятие и открытость навстречу ближним (и дальним) и т. д. Это широко признанные метакультурные и транс-региональные добродетели, встречающиеся в разные эпохи у самых разных народов.

Региональные добродетели подвижны: известно, что Аристотель не включал в их число сострадание (примерно в это время в Индии и Китае оно считалось главной характеристикой мудреца), гордость и стремление покрыть себя вечной славой (*κλέος ἄφθιτον*), принятые в греко-римском мире, не считались благом в иудео-христианской традиции. Однако движение к раскрывающей аффективности (*πάθη*) образует тонкую и сложно уловимую область, где разные *Dasein* могут понимать и открываться друг другу. Мы *уже* понимаем, что добродетель раскрывается в бытии, когда угроза порождает мужество, страдание окружающих – вызывает сочувствие и пристальное внимание (или нет) и т. п. Однако даже искушенный мудрец может ошибиться, утратить свежую открытость к миру, и застыть, проигнорировав затемненные (или грядущие) части собственного существования.

Вероятно, мудрость раскрывающего *πάθος* требует детской мягкости, заинтересованно исследующей все прячущиеся закоулки своего мира, стремящейся уравновесить и отрицающей жестко доминирующие установки в (фоновом) этосе каждой социальной группы, – и не боясь ошибиться. Иногда такой открытый поиск исторической самости может выглядеть противоречивым, как у персонажа великого русского романа: «Пьер же, как был, так и остается до конца не определившимся: в салоне Шерер, где он пришлый, – оправдывает Наполеона; у Ростовых, где он едва ли не долгожданный гость, – оправдывает свои идеи о всеобщем благе» [Кондратьев, Меринов 2021, с. 204].

При этом возможное зло скрывается в затемненных и непроясненных участках фона, объединяющего нас с другими в общей истории и судьбе. Его практическое исследование и раскрытие есть наш проект бытия, возможно, единственный шанс понять себя и принять других. И это по-прежнему философская задача, открытая для решений.

Источники

Аристотель. Этика. М.: Эксмо, 2018. 384 с.

Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1965. Т. IV. Ч. 1. 539 с.

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1979–1981. Т. IV–VII.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.

Хайдеггер М. О сущности человеческой свободы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 414 с.

Хайдеггер М. Понятие времени. СПб.: Владимир Даль, 2021. 200 с.

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.

- Юм Д. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1996. 735 с., 800 с.
- Heidegger M. Gesamtausgabe, vol. 18. Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 2002. 418 S.
- Heidegger M. Gesamtausgabe, vol. 61. Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles: Einführung in die phänomenologische Forschung. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1985. 204 S.

Литература

- Кондратьев, Меринов 2021 – *Кондратьев А.С., Меринов К.А.* Оппозиция Закона и Благодати в духовном опыте Пьера Безухова в «Войне и мире» Л.Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 194–208.
- Макинтайр 2022 – *Макинтайр А.* После добродетели: исследования теории морали. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 368 с.
- van Buren 1994 – *Buren J., van.* The Young Heidegger: Rumor of the Hidden King. Bloomington: Indiana U.P., 1994. 741 p.
- Dreyfus 2006 – *Dreyfus H.* Heidegger on the Connection between Nihilism, Art, Technology, and Politics // The Cambridge Companion to Heidegger. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 345–372.
- Hatab 2000 – *Hatab L.* Ethics and Finitude: Heideggerian Contributions to Moral Philosophy. New York and Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. 243 p.
- Guignon et al. 1999 – *Guignon C., Fowers B., Richardson F.* Re-Envisioning Psychology: Moral Dimensions of Theory and Practice. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1999. 347 p.
- Kisiel 1993 – *Kisiel Th.* The Genesis of Being and Time. Berkeley: University of California Press, 1993. 700 p.
- Polt 1999 – *Polt R.* Heidegger: An Introduction. Cornell University Press, 1999. 197 p.
- Sandel 2009 – *Sandel M.* Justice: What's the Right Thing to Do? New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009. 320 p.
- Sluga 2001 – *Sluga H.* Conflict is the Father of Everything: Heidegger's Polemical Conception of Politics // A Companion to Heidegger's "Introduction to Metaphysics" / Ed. by R. Polt and G. Fried. New Haven: Yale U.P., 2001. P. 205–225.
- Taylor 1989 – *Taylor C.* Sources of the Self: The Making of Modern Identity / Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 624 p.
- Vogel 1994 – *Vogel L.* The Fragile "We": Ethical Implications of Heidegger's "Being and Time." Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1994. 138 p.
- Williams 1993 – *Williams B.* Ethics and the Limits of Philosophy. London: Fontana Press, 1993. 230 p.
- Withy 2015 – *Withy K.* Owned emotion: Affective Excellence in Heidegger on Aristotle // Heidegger, Authenticity and the Self: Themes from Division Two of Being and Time. New York: Routledge, 2015. P. 21–36.

References

- Buren, van J. (1994), *The Young Heidegger: Rumor of the Hidden King*, Indiana U. P., Bloomington, USA.
- Dreyfus, H. (2006), "Heidegger on the Connection between Nihilism, Art, Technology, and Politics", *The Cambridge Companion to Heidegger*, 2nd edn., Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Guignon, C., Fowers, B. and Richardson, F. (1999), *Re-Envisioning Psychology: Moral Dimensions of Theory and Practice*, Jossey-Bass, San Francisco, CA, USA.
- Hatab, L. (2000), *Ethics and Finitude: Heideggerian Contributions to Moral Philosophy*, Rowman & Littlefield Publishers, New York and Oxford.
- Kisiel, Th., (1993), *The Genesis of Being and Time*. Berkeley: University of California Press.
- Kondratiev A.S., Merinov K.A. (2021) The Opposition Between Law and Grace in the Spiritual Experience of Pierre Bezukhov in "War and Peace" by L.N. Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Issues of Historical Poetics]*, vol. 19, no. 1, pp. 194–208.
- Macyntrye, A., (2022), *After virtue. A study of moral theory*. Moscow: Canon+RPOD "Rehabilitation".
- Polt, R., (1999), *Heidegger: An Introduction*. Cornell University Press.
- Sandel, M. (2009), *Justice: What's the Right Thing to Do?*, Farrar, Straus and Giroux, New York, USA.
- Sluga, H. (2001), "Conflict is the Father of Everything: Heidegger's Polemical Conception of Politics", Polt, R. and Fried, G. (eds.), *A Companion to Heidegger's "Introduction to Metaphysics"*, Yale U.P., New Haven, pp. 205-225.
- Taylor, C. (1989), *Sources of the Self: The Making of Modern Identity*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Vogel, L. (1994), *The Fragile "We": Ethical Implications of Heidegger's "Being and Time"*, Northwestern University Press Evanston, Illinois, USA.
- Williams, B. (1993), *Ethics and the Limits of Philosophy*, Fontana Press, London, UK.
- Withy, K. (2015), "Owned emotion: Affective Excellence in Heidegger on Aristotle", *Heidegger, Authenticity and the Self: Themes from Division Two of Being and Time*, Routledge. New York, USA.

Информация об авторе

Владимир П. Вишняков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vishnyakov.v.p@gmail.com

Information about the author

Vladimir P. Vishnyakov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vishnyakov.v.p@gmail.com

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.334.22

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-58-68

Высшее образование как модератор взаимосвязи неустойчивости занятости и субъективного благополучия работников

Анна В. Кученкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Федеральный национальный исследовательский социологический центр РАН
Москва, Россия, a.v.kuchenkova@gmail.com*

Аннотация. В статье сравниваются работники с высшим образованием и без, во-первых, по распространенности признаков неустойчивой, precarious занятости, сопровождающейся низкой социально-правовой защищенностью, нестабильностью, уязвимостью; во-вторых, по характеру взаимосвязи неустойчивости занятости и субъективного благополучия, трактуемого в широком смысле как совокупность разнообразных оценок жизни в целом, ситуации в сфере трудовой деятельности.

На основе анализа данных всероссийского опроса работающего населения установлено, что работники с высшим образованием в меньшей степени вовлечены в прекаризованные формы трудовых отношений, реже сталкиваются с такими признаками неустойчивости занятости, как отсутствие бессрочного трудового договора, оплаты больничного, отпуска, «серые» зарплаты, частая смена места работы.

С повышением неустойчивости занятости работника удовлетворенность жизнью снижается в одинаковой степени для работников с высшим образованием и без, а удовлетворенность работой существеннее для последних. Взаимосвязь между прекаризацией и удовлетворенностью работой опосредована наличием высшего образования, которое немного компенсирует и сглаживает негативные эффекты неустойчивости занятости, но в то же время не позволяет избежать полностью проявлений прекаризации и их последствий для субъективного благополучия.

Ключевые слова: неустойчивость занятости, прекаризация, субъективное благополучие, высшее образование

Для цитирования: Кученкова А.В. Высшее образование как модератор взаимосвязи неустойчивости занятости и субъективного благополучия работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 58–68. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-58-68

© Кученкова А.В., 2022

Higher education as a moderator of the relationship between the employment instability and the employees' subjective well-being

Anna V. Kuchenkova

*Russian State University for the Humanities,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science
Moscow, Russia, a.v.kuchenkova@gmail.com*

Abstract. The article compares employees with higher education and those without, firstly, by the prevalence of attributes of instable, precarious employment, accompanied by low social and legal security, vulnerability; secondly, by the nature of the relationship between the employment instability and subjective well-being, interpreted in a broad sense as a set of diverse assessments of life in general, the situation in the field of work.

Based on the analysis of the data from the All-Russian survey of the working population, it was found that employees with higher education are less involved in precarious forms of labor relations, they are less likely to encounter such attributes of the employment instability as the absence of a termless employment contract, paid sick leave and vacation, unofficial salaries, frequent job changes.

With an increase in the employment instability, life satisfaction decreases equally for workers with and without higher education, whereas job satisfaction is more significant for the latter. The relationship between precarization and job satisfaction is mediated by the presence of higher education, which slightly compensates and smoothes out the negative effects of the employment instability, but at the same time does not help to completely avoid the attributions of precarization and their consequences for subjective well-being.

Keywords: employment instability, precarization, subjective well-being, higher education

For citation: Kuchenkova, A.V. (2022), "Higher education as a moderator of the relationship between the employment instability and the employees' subjective well-being", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 58-68, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-58-68

В условиях распространения нестандартных, нестабильных, прекаризованных форм занятости на рынке труда не только в России, но и за рубежом качество рабочего места, вид и условия занятости являются потенциальными детерминантами субъективного благополучия работника. Обзор исследований, посвященных оценке взаимосвязи между ними, свидетельствует [Кученкова 2021]: по сравнению с имеющими бессрочный трудовой договор *неформально и временно занятые* демонстрируют более низкий или такой же уровень субъективного благополучия, а *самозанятые* – более высокий или такой же.

Вместе с тем работники, представляющие один и тот же вид занятости, неоднородны, с одной стороны по уровню квалификации, сфере деятельности, доходам, с другой – по запросам, притязаниям и крите-

риям «хорошего» рабочего места. Одним из важных дифференцирующих признаков является *уровень образования*. Как показатель квалификации он выступает одним из структурных элементов стратификации общества, детерминантой размеров оплаты труда (экономисты фиксируют отдачу от образования [Капелюшников 2021]).

При рассмотрении работников только *с высшим образованием* обнаруживается [Гасюкова, Петрова 2021]: частая смена работы не приводит к снижению удовлетворенности жизнью, условиями трудовой деятельности и работой в целом, субъективного социального статуса, оценок неустойчивости трудового положения. В то время как нестандартно занятые *без высшего образования* демонстрируют более низкий уровень обобщенного показателя субъективного благополучия, удовлетворенности работой и возможностями профессионального роста, собственной значимости и компетентности [Социологические подходы 2021, с. 57–59]. В этой связи актуализируется *вопрос*: является ли высшее образование модератором взаимосвязи между неустойчивой (прекарной) занятостью и субъективным благополучием работника? Поиску ответа на него посвящено данное исследование, *задачами* которого является: сравнение работников с разным уровнем образования по распространенности признаков неустойчивой (прекарной) занятости, а также по характеру взаимосвязи неустойчивости занятости и субъективного благополучия. *Эмпирической базой* выступают данные всероссийского опроса работающего населения, проведенного в июне 2018 г., опрошено 1200 чел.¹

Признаки и степень неустойчивости занятости работников с высшим образованием и без

По уровню образования будут рассматриваться две группы работников: имеющие и не имеющие законченное высшее образование (31% и 69%). Такая классификация является достаточно «грубой», но представляется вполне оправданной в исследовательских целях, учитывая все большую распространенность практики получения высшего образования, а также включение его в качестве квалификационного требования при трудоустройстве. Кроме того, в используемой базе данных группы работников со средним образованием и незавершенным высшим оказались малонаполненными (3,8 и 4,3% соответственно) и были объединены с респондентами со средним-специальным образованием (60,9%).

---

¹ Опрос проведен в рамках исследовательского проекта «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества» под рук. Ж.Т. Тощенко. Выборка квотная по регионам, типам поселения, укрупненным профессиональным группам (полевые работы осуществлены Центром социального прогнозирования и маркетинга). Подробнее см. [Прекариат 2020].

При изучении неустойчивости занятости и процессов прекаризации зачастую сравнивают работников, представляющих разные виды занятости [Прекариат 2020]. Но наличие бессрочного договора не гарантирует работнику социальную и правовую защищенность, стабильность занятости и социально-экономического положения, а нестандартные виды занятости не всегда сопряжены с ухудшением положения работника. Представляется целесообразным рассматривать *разные признаки* неустойчивости занятости и говорить о *разной степени прекаризации* занятости.

У работников с высшим образованием реже (на 16–19%) встречается отсутствие бессрочного трудового договора, оплаты больничного, отпуска, «серые» зарплаты; на 6% реже – частая смена места работы (табл. 1). Пять из шести рассматриваемых признаков неустойчивой занятости чаще распространены среди работников, не имеющих высшего образования.

Таблица 1

Признаки неустойчивости занятости, % по столбцу

Признаки неустойчивости занятости	Группы работников		Коэффициент V Крамера
	без высшего образования	с высшим образованием	
Отсутствие бессрочного трудового договора	51,1	32,5	0,17***
Частая смена места работы (более 2-х раз в год)	9,1	3	0,11***
«Серая» зарплата	36,7	20,2	0,17*
Вынужденные подработки для увеличения заработка	17,8	14,5	0,04 ($p = 0,16$)
Отсутствие оплаты больничного	29	11,6	0,19***
Отсутствие оплаты отпуска	29,7	11	0,2***

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Поскольку у каждого работника может встречаться одновременно несколько признаков нестабильной, негарантированной занятости в разных сочетаниях, был сконструирован *индекс неустойчивости (прекаризации) занятости*, вычисляемый как количество признаков прекарности, присутствующих у работника. Среди обладающих высшим образованием существенно выше (48,7% против 28%) доля не имеющих признаков прекарности и ниже доля имеющих их в количестве 3–6 шт. (11,6% против 30,1%). По степени неустойчивости занятости работники с высшим образованием находятся в более благоприятном положении.

Если сравнивать наиболее неустойчиво занятых работников (имеющих 3–6 признаков прекарности) с высшим образованием и без него по социально-демографическим и профессиональным характеристикам, то заметные отличия наблюдаются по половозрастному составу, месту проживания и сферам занятости. Среди «неустойчивых» с высшим образованием преобладают женщины (65,1% против 39% среди работников с более низким уровнем образования), выше доля проживающих в крупных городах (46,5% против 35,3%), лиц старшего возраста (46,5% в возрасте 50 и старше против 24,5%), занятых в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения (25,6% против 4%), меньше трудящихся в строительстве (11,6% против 28,1%).

Приведенные данные свидетельствуют, что работники с высшим образованием в меньшей степени вовлечены в прекаризованные формы трудовых отношений. Вместе с тем чем выше уровень образования, тем выше – субъективного благополучия [Diener et al. 1999, p. 293]. Фиксируемая в исследованиях [Прекариат 2020; Кученкова 2021] взаимосвязь между неустойчивыми, прекарными видами занятости и субъективным благополучием может быть обусловлена уровнем образования (невозможностью работников без высшего образования претендовать на «хорошие» рабочие места, более высокую оплату труда и др.) или спецификой социально-демографического портрета работников, вовлеченных в неустойчивые формы занятости. Перейдем к детальному рассмотрению этих взаимосвязей.

Показатели субъективного благополучия работников

Субъективное благополучие работника является достаточно «объемной» категорией, эмпирическая интерпретация которой варьируется. Трудно не согласиться с точкой зрения, что при операционализации это понятие не должно сужаться до одного показателя, более адекватными представляются комплексные модели, включающие разнообразные оценки жизни в целом, ситуации в сфере трудовой деятельности и др. [Page, Vella-Brodrick 2009]. Следуя этому подходу, далее в качестве основных показателей субъективного благополучия будем рассматривать удовлетворенность работой и жизнью в целом.

При повышении степени неустойчивости занятости *удовлетворенность работой* снижается, но у работников без высшего образования существеннее. Именно для них первые четыре индикатора (в табл. 2) теснее связаны с индексом прекарности занятости, чем для работников с высшим образованием. Доля убежденных, что *текущее место работы их устраивает*, при увеличении количества признаков неустойчивой занятости снижается у работников без высшего образования на 40,8%, а у имеющих таковое лишь на 23,6%. Одновременно для первых

Таблица 2

Показатели субъективного благополучия
в зависимости от степени неустойчивости занятости, % от численности каждой группы

Показатели	Работники без высшего образования			Работники с высшим образованием		
	Индекс неустойчивости занятости			Индекс неустойчивости занятости		
	0	1-2	3-6	0	1-2	3-6
Место работы устраивает, не планируют искать новое	67,7	49,3	26,9	72,4	68,2	48,8
Хотят сменить место работы	11,2	12,1	32,1	7,2	9,5	11,6
Полностью удовлетворены работой	20,3	12,1	5,2	41,4	25,7	20,9
Не удовлетворены работой	12,9	25,1	41,4	9,9	12,2	18,6
Удовлетворены жизнью	36,2	30,8	22,1	51,4	48,6	37,2
Убеждены, что их жизнь в будущем улучшится	46,1	46,7	32,9	53	50	37
Убеждены, что их жизнь и жизнь семьи за последние 3 года улучшилась	31	25,1	12	36,5	26,4	20,9

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

доля желающих сменить место работы с повышением степени прекаризации растет на 20,9%, а для вторых – значимо не изменяется. По прямому вопросу об общей удовлетворенности работой наблюдается схожая ситуация. Доля полностью удовлетворенных снижается и в случае отсутствия высшего образования (на 15,1%), и при его наличии (на 20,5%). Однако доля неудовлетворенных растет при повышении прекаризации занятости только среди работников без высшего образования (на 28,5%).

Удовлетворенность жизнью и социальный оптимизм (убежденность, что жизнь улучшится в будущем) снижаются при повышении значений индекса неустойчивости занятости у работников, не имеющих высшего образования, на 14,1% и 13,2%, а для второй группы статистически незначимо. Доля положительных ретроспективных оценок жизни за последние три года тоже снижается с усилением неустойчивости занятости: в первой группе на 19%, во второй – на 15,6%.

Отличия между работниками с высшим образованием и без присутствуют не только в масштабах распространенности признаков неустойчивой занятости и степени прекаризации, но и в характере ее взаимосвязи с показателями субъективного благополучия. Для не имеющих высшего образования повышение неустойчивости занятости сопряжено с существенным снижением удовлетворенности работой и менее интенсивным, но все же значимым снижением оценок жизни в целом (в прошлом, настоящем и будущем). В то время как для работников с высшим образованием лишь некоторые из рассматриваемых индикаторов субъективного благополучия оказались значимо и менее тесно связаны с неустойчивостью занятости.

Для проверки, вносят ли образование, степень неустойчивости занятости и их сочетание значимый, независимый от других признаков (зарплата, возраст, пол, сфера занятости и др.) вклад в изменение уровня показателей субъективного благополучия, были построены *регрессионные модели*, в которых в качестве зависимых переменных выступали: суммарные индексы удовлетворенности работой и жизнью. Первый сформирован на основе вопросов о желании сменить место работы и удовлетворенности местом работы; второй – трех вопросов: об удовлетворенности жизнью, ретроспективных оценок изменений жизни за последние три года и ожидаемых изменений в будущем. В качестве контрольных переменных использованы: среднемесячная заработная плата, возраст, тип населенного пункта, пол, сфера занятости.

Результаты регрессионного анализа (табл. 3) демонстрируют, что индекс неустойчивости занятости вносит наибольший вклад в вариацию значений уровня удовлетворенности работой (стандартизированный коэффициент $-0,313$), оказываясь связанным с ним теснее других характеристик, обгоняя даже заработную плату ($0,255$). Существенный негативный эффект прекаризации занятости на

Таблица 3

Регрессионные модели
(значения стандартизированных коэффициентов)

Переменные	Зависимая переменная			
	индекс удовлетворенности работой		индекс удовлетворенности жизнью	
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 4
Наличие высшего образования (1 – да)	0,089**	0,029	0,069*	0,072*
Индекс неустойчивости занятости	-0,278***	-0,313***	-0,196***	-0,194***
Наличие высшего образования* индекс неустойчивости занятости	–	0,092**	–	-0,006
Среднемесячная зарплата	0,251***	0,255***	0,261***	0,261***
Возраст (реф. гр. – до 29 лет)				
от 30 до 39	0,014	0,017	-0,116**	-0,116**
от 40 до 49	0,041	0,042	-0,187***	-0,187***
от 50 и старше	0,115***	0,110**	-0,218***	-0,218***
Другие контрольные переменные	да	да	да	да
R-квадрат	0,229	0,234	0,185	0,175
Скорректированный R-квадрат	0,219	0,223	0,185	0,174
N	1179	1179	1179	1179

Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

удовлетворенность работой немного снижается в случае, если работник имеет высшее образование (эффект взаимодействия значим, см. модель 2 в табл. 3), тем самым оно выступает в роли модератора этой взаимосвязи (вне зависимости от возраста, пола, сферы занятости, места проживания работника).

В ситуации с индексом общего субъективного благополучия степень неустойчивости занятости снижает, а наличие высшего образования повышает его значения, т. е. вносят самостоятельный вклад в изменение уровня удовлетворенности жизнью. Вместе с тем взаимодействие рассматриваемых детерминант оказалось не значимым: для работников с высшим образованием и без прекаризация занятости снижает субъективное благополучие в одинаковой степени. Причем по тесноте взаимосвязи с удовлетворенностью

жизнью неустойчивость занятости уже оказывается на третьем месте (стандартизированный коэффициент $-0,194$), уступая заработной плате ($0,261$), принадлежности к старшей возрастной категории ($-0,218$).

Несмотря на установленную взаимосвязь между неустойчивой занятостью и субъективным благополучием, очевидно, что среди работников с высшим образованием и без есть те, кто вовлечен в нестандартные, нестабильные трудовые отношения как вынужденно, так и добровольно; поскольку условия трудовой деятельности могут иметь разную субъективную значимость для работников. Можно классифицировать их по двум признакам: степени неустойчивости (на условно «устойчивых» – имеющих 0–1 признаков precariousности; «неустойчивых» – с двумя и более признаками) и по удовлетворенности местом работы (на «довольных» – тех, кого все устраивает, и «недовольных» – планирующих сменить место работы или еще не определившихся). Доля работников «неустойчивых довольных» составляет 12,9% среди имеющих высшее образование и 14,6% среди не имеющих; доля «неустойчивых недовольных» – 9,1% и 30,3% соответственно. Такое распределение свидетельствует о том, что precariousная занятость для работников с высшим образованием чаще сопряжена с удовлетворенностью ситуаций в сфере труда и, вероятно, чаще может носить добровольный, а не вынужденный характер.

К потенциальным, субъективно значимым выгодам нестабильной занятости для высококвалифицированных работников относят гибкость, независимость от работодателя, возможность пробовать что-то новое, накопление разнообразного профессионального опыта, который может способствовать профессиональному росту и формированию престижного портфолио. В то время как «для низкоквалифицированных ... нестабильность не несет очевидных преимуществ» [Гасюкова, Петрова 2021, с. 44] и может быть сопряжена в большей степени с уязвимостью, ослаблением переговорных позиций, рисками ухудшения материального и социального положения.

Проведенный анализ свидетельствует, что наличие высшего образования позволяет работникам реже сталкиваться с различными проявлениями прекаризации трудовых отношений. Но его «защитная» функция не абсолютна: повышение степени неустойчивости вносит самостоятельный, независимый и существенный вклад в снижение субъективного благополучия работников вне зависимости от уровня их квалификации, сферы занятости и трудовых доходов. Высшее образование несколько компенсирует и сглаживает эффекты неустойчивости занятости в отношении удовлетворенности работой, но не удовлетворенности жизнью. Оно предоставляет некоторые преимущества работнику, но в то же время не позволяет избежать полностью проявлений прекаризации и их последствий.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества» Российского научного фонда, грант № 18-18-00024.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project “Precariat – a new phenomenon in the socio-economic structure of society”, no. 18-18-00024.

Литература

- Гасюкова, Петрова 2021 – *Гасюкова Е.Н., Петрова А.А.* Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным? // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 3. С. 39–70.
- Капелюшников 2021 – *Капелюшников Р.И.* Отдача от образования в России: ниже некуда?: препринт WP3/2021/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Кученкова 2021 – *Кученкова А.В.* Вид занятости как детерминанта субъективного благополучия: проблемы сопоставимости результатов исследований // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Том. 9. № 2. С. 66–81.
- Прекариат 2020 – Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2020.
- Социологические подходы 2021 – Социологические подходы к изучению социального благополучия / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Diener et al. 1999 – *Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. No. 2. P. 276–302.
- Page, Vella-Brodrick 2009 – *Page K.M., Vella-Brodrick D.A.* The ‘What’, ‘Why’ and ‘How’ of Employee Well-Being: A New Model // *Social Indicators Research*. 2009. Vol. 90. No. 3. P. 441–458.

References

- Chernysh, M.F. and Epikhina, Yu.B. (eds.) (2021), *Sotsiologicheskie podkhody k rassmotreniyu statistiki* [Sociological approaches to the study of social well-being], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E. and Smith, H.L. (1999), “Subjective Well-Being: Three Decades of Progress”, *Psychological Bulletin*, vol. 125, no. 2, pp. 276-302.
- Gasiukova, E. and Petrova, A. (2021) “The Subjective Perception of Employment Instability. Is It Bad to Be Unstable?”, *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no. 2, pp. 39–70.
- Kapeliushnikov, R.I. (2021), *Otdacha ot obrazovaniya v Rossii: nizhe nekuda?* [Efficiency of Education in Russia. Is it the rock-bottom?], Working Paper WP3/2021/03, Izdatel'skii dom Vysshei Shkoly Ekonomiki, Moscow, Russia.

- Kuchenkova, A.V. (2021) "Type of Employment as a Determinant of Subjective Well-Being: Issues of Comparability of Research Results", *Sociologicheskaya nauka I social'naya praktika*, vol. 9, no. 2, pp. 66–81.
- Page, K.M. and Vella-Brodrick, D.A. (2009), "The 'What', 'Why' and 'How' of Employee Well-Being: A New Model", *Social Indicators Research*, vol. 90, no. 3, pp. 441-458.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2020), *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: the emergence of a new class]. TSPiM, Moscow.

Информация об авторе

Анна В. Кученкова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6;
Федеральный национальный исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; a.v.kuchenkova@gmail.com

Information about the author

Anna V. Kuchenkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskii Street, Moscow, Russia, 117218; a.v.kuchenkova@gmail.com

О досуге российских работников

Галина В. Тартыгашева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tarty@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются свободное время и досуговые практики трудящихся в условиях роста нестандартной, неустойчивости занятости, ухудшения условий труда, нарушений трудовых прав работников. Несмотря на прогнозы исследователей о значительном увеличении свободного времени и осознанном досуге трудящихся в будущем, связанными с технологическими и социальными изменениями, в настоящее время можно наблюдать очевидную девальвацию ценности свободного времени как времени воспроизводства, саморазвития, отдыха и праздности. Анализ данных, полученных в ходе общероссийских исследований «Прекариат–2018» и «Прекариат–2022», проведенных социологическим факультетом РГГУ в 2018 и 2022 гг., показал, что значительная часть работающего населения испытывает постоянную нехватку свободного времени, регулярно перерабатывает, может позволить себе пассивный досуг, не требующий существенных материальных и эмоциональных затрат. Досуговые практики закрепляют социальную дифференциацию в обществе, а не способствуют ее преодолению. Размывание границы между свободным и рабочим временем усугубляет положение работников, времени на осмысленные, активные и развивающие досуговые практики фактически не остается.

Ключевые слова: досуг, свободное время, досуговые практики, прекариат, нестандартная занятость, бюджет времени

Для цитирования: Тартыгашева Г.В. О досуге российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 69–81. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-69-81

© Тартыгашева Г.В., 2022

Исследование «Прекариат–2018» проведено в июне 2018 г. по репрезентативной выборке трудоспособного населения в 106 поселениях РФ во всех федеральных округах, $n = 1200$. «Прекариат–2022» проведено в июне 2022 г. по репрезентативной выборке в 106 поселениях РФ во всех федеральных округах, $n = 1200$.

About the leisure of Russian workers

Galina V. Tartygasheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, tarty@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the free time and leisure practices of workers, in the face of growing instability of working conditions, non-standard employment, violations of the social and labor rights of workers. Despite the predictions of researchers about a significant increase in free time and conscious leisure of workers in the future, associated with the technological and social changes, at the present time, one can observe an obvious devaluation of the value of free time as a time of the recreation, self-development, rest and idleness. An analysis of the data obtained in the course of the all-Russian research “Precariat-2018” and “Precariat-2022”, conducted by the Sociological Faculty of the Russian State Humanitarian University in 2018 and 2022, showed that a significant part of the working population is experiencing a constant lack of free time, they are constantly overworking, they can afford passive leisure, which does not require significant material and emotional costs, and leisure practices reinforce social differentiation in society, and do not contribute to overcoming it. The blurring of the boundary between free and working time exacerbates the position of workers, and, accordingly, there is virtually no time left for meaningful, active and developing leisure practices.

Keywords: leisure, free time, leisure practices, precariat, non-standard employment, time budget

For citation: Tartygasheva, G.V. (2022), “About the leisure of Russian workers”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 69-81, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-69-81

Введение

Актуальность темы обусловлена несколькими важными современными тенденциями в трудовой и рекреационной деятельности. Во-первых, общая логика и идеология развития капиталистических отношений связаны с расширением возможностей апроприации свободного времени. Значительное количество занятых в экономике постоянно перерабатывают, трудятся более восьми часов в день, в праздники и выходные, во время оплачиваемого отпуска, во время больничного, берут работу на дом, подрабатывают и фактически всегда заняты работой. Благодаря развитию современных коммуникативных технологий возникли перманентная доступность работников для работодателя и возможность тотальной эксплуатации в любое время дня и ночи.

Во-вторых, следствием технологических изменений становится «вынужденный досуг», подразумевающий все большее высвобождение трудящихся, рост количества «лишних людей» без занятости.

В-третьих, основные интерпретации понятий «досуг» и «свободное время» в современных исследованиях идеологически реализуются, ис-

ходя из различных типов общественного устройства и господствующих общественных ценностей. Неолиберальная корпоративная культура и современные трудовые ценности маргинализируют праздность и трактуют досуг в качестве необходимого времени для минимальной рекреации. Капитализация временного ресурса приводит к мысли, что даже рациональный досуг и развлечения есть непродуктивное расходование времени [Веблен 1984], свободное время можно занять, сделать рабочим временем. «С увеличением числа работ ради заработка, работ ради работ и работ ради воспроизводства понятие досуга утратило первичный смысл. Одно из самых печальных последствий жизни в коммерциализующемся рыночном обществе – это потеря уважения к досугу и к репродуктивному и продуктивному «ничегонеделанию»» [Стэндинг 2014; с. 228].

В-четвертых, проблематика досуга актуализирует в современных условиях не только дихотомию «работа-свободное время», но и качественные характеристики свободного времени, досуга. В рамках марксистского подхода досуг ориентирован на саморазвитие личности в свободное от работы время. Современные западные исследователи досуга вместо концепта «самореализации» пишут о развлечениях, о праздности и рассматривают в качестве предпочтительных показателей преимуществ досуга в последние десятилетия удовлетворенность жизнью, хорошее самочувствие, счастье и удовольствие, которые можно измерить с помощью количественных исследований [Roberts 2016].

В-пятых, появление незащищенной занятости в 1970-х гг. в западных странах как следствие сочетания распространения новых технологий, слабого государственного регулирования рынка труда и «активной» (карательной) политики в отношении претендентов на пособия привело к тому, что она постепенно распространяется вверх от неквалифицированных к квалифицированным и офисным работникам, затем к руководителям младшего и среднего звена и профессионалам. Если во времена популярности досуговой проблематики западные исследователи много и успешно изучали досуг среднего класса, досуг богатых групп, в настоящее время среди них актуальны исследования досуга с позиций гендерных, этнических различий, сексуальной ориентации, инвалидности. Несмотря на то, что процессы прекаризации на Западе начались значительно раньше, как пишет английский исследователь К. Робертс, «мы смущающе мало знаем о досуге новых британских рабочих и низших классов, из которых прекариат и длительно безработные составляют неблагополучную часть» [Roberts 2019, p. 246].

В России это актуальная исследовательская проблема, касающаяся не только растущего слоя прекариата, но и свободного времени других социальных групп. Поэтому есть необходимость проанализировать свободное время и досуг российских работников, выявить прекарные тенденции в формах проведения свободного времени, оценить качество досуга, которым располагают трудящиеся.

К теории досуга

Классическими проблемами, вокруг которых развивается социология досуга, являются проблемы соотношения понятий «свободное время», «досуг», количество свободного времени, качественное наполнение свободного времени, досуговые практики как индикаторы образа и стиля жизни отдельных социальных групп.

Среди широкого спектра дефиниций понятия «досуг» можно выделить темпоральный, деятельностный и аксиологический подходы, определяющие «досуг» как «часть нерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных непроеизводственных обязанностей»¹, «любую нерабочую деятельность»², особую форму времяпрепровождения, где акцентируется внимание на «свободе в выборе целей, видов и способов деятельности», и для любой культуры именно это представляет ценность [Дюмазедье 1993].

Ряд зарубежных и отечественных исследователей фактически отождествляют понятия «свободное время» и «досуг»³ [Пруденский 1972]. Мы исходим из представления о том, что в соотношении понятий «свободное время» – «досуг», дефиниция «свободное время» шире, чем «досуг», а досуг – это особая форма, особый характер осуществления любого вида деятельности, которая обладает самоценностью. «Досуг – та часть свободного времени (оно является частью вне-рабочего времени), которым человек располагает по своему усмотрению» [Дюмазедье 1993, с. 84].

В рамках советской концепции досуга глобальная цель состояла в том, чтобы распространить социалистический образ жизни, основанный на свободном доступе не только к массовой, но и к «высокой» культуре всех слоев населения, на способностях и возможностях населения осознанно использовать свободное время, как пространство для развития способностей.

Сокращение рабочего дня до восьмичасового необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса, так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, дружеского общения между собою, социальной и политической деятельности [Цветкова 2021, с. 83].

---

¹ Грушин Б.А. Свободное время // Большая советская энциклопедия. https://gufo.me/dict/bse/Свободное_время (дата обращения 4 сентября 2022).

² Коржева Э.М. Социология досуга // Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988. С. 67.

³ Грушин Б.А. Свободное время // Большая советская энциклопедия. https://gufo.me/dict/bse/Свободное_время (дата обращения 4 сентября 2022); Коржева Э.М. Указ. соч.

В период 1930–1950-х гг. XX в. рекреационные движения были сформированы в Америке и Европе, профсоюзы и социалистические партии как часть этих движений требовали сокращения рабочего времени, поскольку свободное время рассматривалось как неотъемлемое благо. Главной проблемой, изучаемой западными социологами того времени, была проблема «длинной руки работы», смысл которой заключался в том, что тяжелый, напряженный труд, не только пролетариата, приводит к пассивному «механическому» отдыху, поскольку сил на осмысленный досуг у работников просто нет. В 1960–1970-х гг. в связи с технологическими изменениями концепция «общества досуга» служили ориентиром для всего сообщества исследователей досуга, например, чрезвычайно популярные идеи Дюмазедье о том, что досуг предлагает «свободу быть» или даже «свободу стать» людьми, чей потенциал был полностью развит и выражен. Досуг должен был давать все большему количеству людей «время их жизни» [Дюмазедье 1993].

Безусловно, с середины XX в. свободное время, расходы и уровень активности выросли во всех экономически развитых обществах, но население не стало более удовлетворенным своей жизнью. Капитализация времени, наряду с другими факторами (выход женщин на рынок труда, снижение государственного регулирования прав, возможностей и ответственности работодателей и т. д.), в итоге вместо декларируемых идей «общества досуга» привели к минимизации свободного времени у высокооплачиваемых работников и у социально незащищенных работников, а также к мнимой свободе пролетариата, на деле обращающейся в бесконечный процесс работы и ощущения неопределенности и уязвимости, неуверенности в завтрашнем дне.

Свободное время российских работников

В настоящее время мы можем обнаружить две противоположные тенденции, связанные со свободным временем: увеличение свободного времени в XX в., связанное с прогрессивными технологиями, и постепенное уменьшение его количества в начале XXI в. С другой стороны, у части работников происходит рост свободного времени в силу непостоянной занятости, безработицы, в целом прекарности, но могут ли они позволить себе проводить его конструктивно? Выделим основные тенденции изменения количества и качества свободного времени.

По данным С.Г. Струмилина, изучающего бюджеты времени рабочих и крестьян, в структуре буднего дня в 1924 г. у городских рабочих СССР свободное время (исключающее сон, домашнюю работу) у мужчин занимало 14,7% и у женщин – 7,6% суточного фонда времени. К середине 1980-х гг. свободное время, по данным отечественных со-

циологов, у мужчин в целом, без привязки к профессии, составляло около 20%, у женщин – около 15%.

Согласно данным Росстата за 2019 г., российские женщины в среднем располагают более чем тремя часами (12,5%) свободного времени (время, исключая сон, работу и обязательные домашние дела) по будним дням и пятью часами (20,8%) по выходным. У мужчин свободного времени больше – 3 часа 40 минут (14,6%) каждый будний день и по 6 с лишним часов (25%) каждый выходной [Трубникова 2020].

Таким образом, мы видим отчетливую тенденцию сначала увеличения, а затем уменьшения количества свободного времени трудоспособного населения. Согласно результатам исследования компании Superjob⁴, 54% респондентов отметили, что часто работают сверхурочно, 35% работников отработывают положенное трудовым договором рабочее время. Те, кто часто работают сверх положенного времени, проводят на работе в среднем на 28% времени больше, чем оговорено в их трудовых договорах.

Сходные данные мы получили, анализируя результаты исследования «Прекариат–2018»: только 34,2% удается соблюдать 8-часовой рабочий день, 25,9% – приходится постоянно работать более 8 часов, средняя длительность рабочего дня у таких работников – 11,7 часов, почти 40% перерабатывают периодически. Согласно результатам социологического исследования «Прекариат–2022», 22,3% имеют ненормированный рабочий день.

Косвенным подтверждением снижения количества свободного времени являются результаты анализа структуры доходов трудящихся, где, помимо зарплаты по основному месту работы (2018 г. – 94,5% 2022 г. – 98,4%), работники вынуждены подрабатывать (2018 г. – 22,3%, в 2022 г. – 26,8%). Каждый четвертый работающий россиянин (25,8% в 2018 и 2022 гг.) вынужден обеспечивать себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство), такой труд требует большого количества времени. С другой стороны, актуализируется проблема «вынужденного досуга» и «лишних людей» с неполной занятостью 4–5 часов в день, непостоянной работой и эпизодической занятостью, т. е. тех, у кого свободного времени значительно больше, чем у основной массы трудящихся. Согласно данным исследования «Прекариат–2022», таких работников около 3% (2,5% – неполная занятость 4–5 часов в день, 0,8% – эпизодическая занятость, непостоянная работа).

Что касается незащищенной занятости, то, согласно результатам исследования 2018 г., процентное соотношение систематически перерабатывающих работников с бессрочным трудовым договором и прекариев примерно одинаковое. Постоянно более 8 часов в день перера-

---

⁴ Опрос проходил с 1 мая по 24 июня 2022 г. в 523 городах России, участвовали 3 тыс. совершеннолетних россиян, имеющих постоянную работу.

батывают 24,8% работников с бессрочным трудовым договором, 40,2% работников с бессрочным трудовым договором перерабатывают периодически. Среди прекариев, постоянно работающих более 8 часов, – 23,7%, иногда работающих более 8 часов – 45,8%.

Для выявления современных тенденций изменения соотношения рабочего и свободного времени проанализируем результаты социологического опроса самозанятых, проведенного бизнес-платформой ОНФ и онлайн-сервисом услуг YouDo.com⁵. 42% респондентов указали, что работают более 8 часов в сутки, их рабочий день – ненормированный. У 34% рабочий день занимает менее 8 часов в сутки. 24% самозанятых работают 8 часов в день. Тем не менее

...они испытывают удовлетворение от своей способности справляться с нестабильностью и риском... практически всех радует возможность самостоятельно регулировать свое время, выбор занятости, заказы и т. д. [Колосова 2018, с. 40].

Большинство работников пытаются адаптироваться к существующим социально-экономическим реалиям, но ценой напряженной деятельности становятся снижение качества жизни, дефицит досуга.

Виды и структура досуговых практик российских работников

Среди большого разнообразия классификаций досуга наиболее продуктивно выделение видов досуга с позиций активности/пассивности реализации досуговых практик и содержательной их стороны: саморазвитие/развлечение. Пассивный досуг – это времяпрепровождение с целью восстановления сил, достижения работоспособного состояния организма, получения эмоциональной разрядки, связанный с состоянием покоя. Активный досуг воспроизводит силы человека, дает работу мышцам и психическим функциям, которые не нашли применения в труде. Человек наслаждается движением, быстрой сменой эмоциональных состояний, общением с друзьями. Развивающий досуг включает потребление культурных ценностей, расширение культурного кругозора, воспитание чувств и проявление интеллектуальной активности. Развлекательный досуг необходим для эмоциональной разрядки.

---

⁵ Опрос самозанятых... [Электронный ресурс]. URL: <https://onf.ru/2021/05/27/opros-samozanyatyh-42-imeyut-nenormirovannyu-rabochiy-grafik/> (дата обращения 22 августа 2022). Опрос проходил в мае 2021 г. во всех субъектах РФ, $n = 2860$.

Таблица 1

Как Вы обычно проводите свободное время?
(в % от числа опрошенных)

№ п/п	Виды занятий	Все работники	Работающие по бессрочному трудовому договору	Работающие по договору на срок менее 1 года	Работающие без договора
1	2	3	4	5	6
1	Читают художественную литературу	21,3	25,4	17,0	7,6
2	Смотрят телепередачи, слушают радио	49,1	51,1	39,6	42,0
3	Увлекаются компьютером, Интернетом	38,3	34,5	37,7	40,3
4	Посещают театры, кино, концерты	14,3	16,9	1,9	4,2
5	Прослушивают музыку	21,5	22,1	17,0	25,2
6	Посещают спортивные занятия и спортивные мероприятия	13,3	15,3	3,8	10,1
7	Бывают в кафе, барах, ресторанах	15,9	15,9	13,2	16,0
8	Посещают музеи, выставки	10,9	13,7	9,4	2,5
9	Читают газеты, журналы	8,5	10,1	0,0	5,0
10	Встречаются с друзьями	49,9	50,8	50,9	56,3
11	Занимаются дополнительно для получения образования, повышения квалификации	11,4	13,5	0	7,6
12	Проводят время на природе, гуляют	31,7	34,6	24,5	25,2
13	Занимаются в кружках, клубах по интересам	2,6	3,7	0	0
14	Посещают дискотеки, танцплощадки	1,3	1,1	1,9	1,7

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
15	Участвуют в работе общественных организаций	3,0	3,8	1,9	2,5
16	Занимаются домашним хозяйством, детьми	52,3	55,6	54,7	49,6
17	Посещают церковь	6,6	7,2	5,7	4,2
18	Просто расслабляются	28,9	28,6	28,3	27,7
19	Имеют хобби	23,1	22	24,5	25,2
20	Другое	0,1	0	0	0
21	Свободного времени практически нет	9,5	7,6	15,1	13,4

Источник: данные всероссийского опроса «Прекариат–2022».

Сравнивая данные опросов «Прекариат–2018» и «Прекариат–2022», необходимо отметить, что в целом практики проведения свободного времени не изменились. Согласно результатам исследования «Прекариат–2022», российские работники предпочитают пассивный досуг. Основную часть свободного времени россияне тратят на просмотр телепередач, слушание радио – 49,1%, увлекаются компьютером и Интернетом – 38,3%, прослушивают музыку – 21,5%, просто расслабляются – 28,9% (табл. 1). Здесь возникают аналогии с проблемой «механического отдыха», которую изучали западные исследователи, это может быть косвенным подтверждением того, что трудящиеся очень сильно загружены и устают на работе, поэтому сил на осмысленный качественный досуг у них не хватает. Больше половины респондентов отметили позицию «занимаются домашним хозяйством, детьми» – 52,3%. Подобное времяпрепровождение не рассматривается специалистами как досуг, но трудящиеся в ситуации дефицита свободного времени вынуждены заниматься непреложными обязанностями, жертвуя временем для рекреации и развивающего досуга.

Активные, развивающие досуговые практики характерны для лиц с незаконченным высшим и высшим образованием. Так, в 2022 г. посещение театров, кино, концертов выбрали 25,6% респондентов с высшим образованием, 2,4% – с начальным, неполным средним образованием, 4,6% – со средним и среднеспециальным образованием; прогулки на природе – 40,3%, 11,9% и 25,2% соответственно, участие в деятельности общественных организаций – 4,5%, 1,8% и не участвуют в такой деятельности респонденты с начальным и неполным средним образованием; спортивные занятия и мероприятия – 17,7%, 9,6% и

7,1% соответственно, посещение музеев и выставок – 19%, 4,3% и не посещают респонденты с начальным и неполным средним образованием. Развивающие досуговые практики (чтение, самообразование, кружки, секции), развлекательные практики, в частности, посещение кафе, ресторанов, в большей мере характерны для работников с высоким уровнем образования (табл. 2). В то же время Интернетом увлекаются все социальные группы, так же как просмотром телепередач. Популярным видом досуга во всех социальных группах являются встречи с друзьями, этот вид досуга не зависит от уровня образования и доходов.

Таблица 2

Активный, развивающий, развлекательный досуг
(в % от опрошенных)

№ п/п	Виды занятий	Начальное, неполное среднее образование	Среднее, среднеспециальное образование	Незаконченное высшее, высшее образование
1	Посещают театры, кино, концерты	2,4	4,6	25,6
2	Посещают спортивные занятия и спортивные мероприятия	7,1	9,6	17,7
3	Посещают музеи, выставки	0	4,3	19
4	Встречаются с друзьями	38,1	47,5	53,4
5	Проводят время на природе, гуляют	11,9	25,2	40,3
6	Участвуют в работе общественных организаций	0	1,8	4,5
7	Занимаются дополнительно для получения образования, повышением квалификации	2,4	4,3	19,9
8	Читают художественную литературу	2,4	10,1	34,8
9	Занимаются в кружках, клубах по интересам	0	1,2	4,3
10	Бывают в кафе, баре, ресторане	9,5	11,3	21,5
11	Посещают дискотеку, танцплощадку	2,4	1,8	0,7

Источник: данные всероссийского опроса «Прекариат-2022».

Значительная часть населения не может позволить себе активный и развивающий досуг, поскольку это предполагает существенные траты за пределами дома. Общая картина распределения свободного времени населения косвенно подтверждает выводы о сравнительно низком уровне жизни и недостатке свободного времени для значительной части работающего населения. Свободное время тратится на домашние заботы и уход за детьми (50–60%), просмотр телепередач (40–50%) и интернет-серфинг (35–40%).

Ограничение досуга у прекариата

Ключевой проблемой свободного времени прекариата, по мнению Г. Стэндинга, является недостаток «качественного времени», когда трудящиеся способны заниматься культурным потреблением [Стэндинг 2014]. Прекаризованные работники (работающие по трудовым договорам, заключенным на срок менее одного года, работающие без заключения трудового договора) в меньшей степени, чем другие, обладают свободным временем – 15,1% работающие по трудовым договорам, заключенным на срок менее одного года, 13,4% работающих без заключения трудового договора отметили позицию «свободного времени практически нет», тогда как среди работающих по бессрочному трудовому договору таких 7,6%, в целом по массиву 9,5% испытывают острую нехватку свободного времени. Прекаризованные работники в значительно меньшей степени, нежели «защищенные», читают художественную литературу (среди работающих по бессрочному трудовому договору таких 25,4%, среди прекаризованных – 13,3%), фактически не посещают театры, кинотеатры, концерты (среди работающих по бессрочному трудовому договору таких 16,9%, среди работающих по трудовым договорам, заключенным на срок менее одного года – 1,9%, среди работающих без заключения трудового договора – 4,2%), в меньшей степени, чем другие работники, посещают музеи и выставки (13,7%, 9,4%, 2,5% соответственно). И если включить в активный, развивающий досуг политическую деятельность (о чем пишут многие исследователи), то прекарии фактически не включены в политическую деятельность: 60–70% прекаризованных работников не участвовали ни в каких формах общественно-политической жизни, в то время как среди работников с бессрочными трудовыми договорами таких около 40%.

Вывод. Свободного времени на осмысленные, активные и развивающие досуговые практики у работающих граждан фактически не остается. Если учесть, что у значительной части населения невысокие доходы и невысокий уровень образования, то становится понятным набор устоявшихся, недорогих, не предполагающих активности и осмысления досуговых практик, которые наиболее часто реализуются. Что касается прекаризованных работников, то их досуговые практики еще более ограничены.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» РНФ № 18-18-00024.

Acknowledgements

The work is supported by the Russian Science Foundation. Project “Precariat – a new phenomenon in the socio-economic structure of society”, no. 18-18-00024.

Литература

- Веблен 1984 – *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
- Дюмазедье 1993 – *Дюмазедье Ж.* На пути к цивилизации досуга // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83–88.
- Колосова 2018 – *Колосова Е.А.* Самозанятость в сфере услуг: особенности трудовых отношений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 35–42. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42.
- Пруденский 1972 – *Пруденский Г.А.* Проблемы рабочего и внерабочего времени. М.: Наука, 1972. 335 с.
- Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Трубникова 2020 – *Трубникова Е.* У российских мужчин на 19% больше свободного времени, чем у женщин [Электронный ресурс]. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/u-muzhchin-na-19-bolshe-vremeni/> (дата обращения 4 мая 2022).
- Цветкова 2021 – *Цветкова Г.А.* Рабочее время: опыт социально-исторического анализа // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 83–89. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-4-83-89>.
- Roberts 2016 – *Roberts K.* Writing about leisure // *World Leisure Journal*. 2016. 13 Dec 2016. P. 1–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/16078055.2016.1261645>.
- Roberts 2019 – *Roberts K.* A Future for UK Leisure Studies: Back to Work // *International Journal of the Sociology of Leisure* Vol. 2. P. 239–253. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41978-018-0020-z>.

References

- Dumazedier, J. (1993), “On the way to the civilization of leisure”, *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12, Socio-political studies*, no. 1, pp. 83–88.
- Kolosova, E.A. (2018), Self-employment in the service sector. Features of labor relations // *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, no. 2 (12), pp. 35–42. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42.
- Prudensky, G.A. (1972), *Problemy rabochego i vnerabochego vremeni* [Issues of working and non-working time], Nauka, Moscow, Russia.
- Roberts, K. (2016), “Writing about leisure”, *World Leisure Journal*. 2016, no. 60 (1), pp. 1–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/16078055.2016.1261645>.

- Roberts, K. (2019), "A Future for UK Leisure Studies: Back to Work", *International Journal of the Sociology of Leisure*, no. 2, pp. 239-253. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41978-018-0020-z>.
- Standing, G. (2014), *Prekariat: novyi opasnyi klass* [Precariat – a new dangerous class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Trubnikova, E. (2020), *U rossiiskikh muzhchin na 19% bol'she svobodnogo vremeni, chem u zhenshchin* [Russian men have 19% more free time than women], available at: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/u-muzhchin-na-19-bol-she-vremeni/> (Accessed 04 May 2022).
- Tsvetkova, G. (2021), "Working time. The experience of socio-historical analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 83-89. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-4-80-898>.
- Veblen, T. (1984), *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class], Progress, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Галина В. Тартыгашева, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tarty@yandex.ru

Information about the author

Galina V. Tartygashева, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 1259047; tarty@yandex.ru.

Классификационные признаки для дифференциации молодежи по здоровьесберегающему поведению

Анна В. Чиркова

*Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, chirkovaanna@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются методические проблемы формирования классификационных признаков для проведения типологического анализа молодежи по показателям здоровьесберегающего поведения. Предлагаются методические решения для введения совокупности независимых между собой показателей – классификационных признаков – исходя из представлений о четырехкомпонентной модели измерения здоровьесберегающего поведения. Эта модель получила распространение в отечественных и зарубежных исследованиях, ее составные элементы относятся к курению / отказу от курения, к употреблению алкогольных напитков, к характеру питания и физической активности. Классификационные признаки, описывающие такое основание типологии, сформированы в виде индексов, сконструированы на основе вторичной концептуализации первичных данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» (2017 г.).

Ключевые слова: типологический анализ, основание типологии, многомерный анализ данных, индексы, самосохранительное поведение, здоровьесберегающее поведение, измерение здоровьесберегающего поведения

Для цитирования: Чиркова А.В. Классификационные признаки для дифференциации молодежи по здоровьесберегающему поведению // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 82–92. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-82-92

Classification characteristics for differentiating young people according to health-saving behavior

Anna V. Chirkova

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, chirkovaanna@gmail.com*

Abstract. The article deals with the methodical issues of the formation of classification characteristics for a typological analysis of young people in terms of health-saving behavior. Methodical solutions are proposed for introducing a set of mutually independent indicators – classification characteristics – based on the concept of a four-component model for measurement of health-saving behavior.

© Чиркова А.В., 2022

That model has become widespread in Russian and foreign studies, its constituent elements relate to smoking/smoking cessation, to the use of alcoholic beverages, to the nature of nutrition and physical activity. The classification characteristics that describe such a basis for the typology are formed in the form of indices, constructed on the basis of a secondary conceptualization of the primary data from the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the National Research University Higher School of Economics (RLMS HSE) (2017).

Keywords: typological analysis, basis for typology, multivariate data analysis, indices, self-preservation behavior, health-saving behavior, measurement of health-saving behavior

For citation: Chirkova, A.V. (2022), "Classification characteristics for differentiating young people according to health-saving behavior", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 82-92, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-82-92

Введение.

Постановка исследовательской задачи

Многомерный анализ данных, важный для дальнейшего развития проблематики измерения здоровьесберегающего поведения молодежи, представляется сложной процедурой. Многомерная классификация, многомерные группировки служат основой типологического анализа – одного из базовых видов анализа в эмпирических исследованиях. Его языковая структура, согласно терминологии Г.Г. Татаровой [Татарова 2004; Татарова, Кученкова 2016], включает в себя такие понятия, как типобразующие признаки, основание типологии. Совокупность типобразующих признаков состоит по меньшей мере из трех частей. Это «непосредственные характеристики изучаемого феномена», «характеристики социального фона, условий существования социального феномена» и «социальные факторы, посредством которых происходит объяснение существования типов изучаемого феномена в тех или иных условиях» [Татарова 2004; Татарова, Кученкова 2016]. В статье сосредоточено внимание на первой части типобразующих признаков, возникающих из основания типологии, сформулированного в виде следующего суждения:

Два молодых человека (две девушки) похожи, близки по характеру здоровьесберегающего поведения, если они в одинаковой степени следуют или не следуют рекомендациям по здоровьесберегающему поведению, связанным с курением, употреблением алкоголя, питанием и физической активностью.

Это основание типологии на последующих этапах нашего исследования будет определять внутреннюю дифференциацию молодежи, опираясь на процедуры разбиения объектов (респондентов) на отдельные классы. Методы многомерной классификации реализуются

при условии наличия системы независимых между собой классификационных признаков. К этим признакам предъявляется еще ряд требований. Среди них: когнитивная адекватность переменных для измерения здоровьесберегающего поведения, одинаковая размерность классификационных признаков, дифференцирующая сила исходных для анализа вопросов-индикаторов, специфика борьбы с неизбежно возникающими в процессе многомерного анализа пропущенными данными. Предлагаемая логика вторичной концептуализации первичных данных ограничивает исследовательские возможности. В статье ставится и решается задача формирования совокупности классификационных признаков, отвечающих указанным требованиям и обладающих эвристическим потенциалом для дифференциации молодежи по здоровьесберегающему поведению.

Эмпирическая база исследования – первичные данные по молодежи 20–35 лет 26-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» (2456 чел., 2017 г.)¹.

О четырехкомпонентной модели здоровьесберегающего поведения молодежи

Совокупность типобразующих признаков представляется целесообразным обосновывать для конкретной социальной группы. В нашем исследовании такой группой является молодежь. В качестве теоретических рамок исследования выступает концепция саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Под саморегуляцией понимают «воздействие молодых индивидов и групп на самих себя с целью достижения желаемого состояния» [Зубок, Чупров 2017, с. 28].

В современных теориях молодежи видное место занимает рискологическая проблематика. Риск рассматривается как сущностное свойство молодых людей, стремящихся к неизвестному, в меньшей степени рефлексирующих о последствиях. Риск – это и «характеристика условий жизнедеятельности молодежи», и «сама деятельность в данных условиях» [Зубок, Чупров 2017, с. 24–25]. В саморегуляции жизнедеятельности молодежи

---

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/flms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>) (дата обращения 8 апреля 2022).

...риск выступает неотъемлемой частью любого смысложизненного выбора и регулируется противоположными аттитюдами – опасности и безопасности. Если первый находится в тесной связи с изменением и развитием, то второй – с самосохранением [Зубок, Чупров 2017, с. 34].

Самосохранительное поведение² как «система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла и увеличение продолжительности жизни индивида» [Антонов 2005, с. 320] может быть проинтерпретировано как некий компонент саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Зарубежным аналогом самосохранительного поведения является “health promotion” (укрепление здоровья) [Шушунова, Галич 2019, с. 71]. В его определении делается акцент на усилении контроля над здоровьем, его улучшений³. Дефиниция еще одного англоязычного понятия, «health behavior» (поведение в отношении здоровья), указывает на цель соответствующей деятельности – сохранение или улучшение здоровья, предотвращение проблем со здоровьем, достижение внешней привлекательности [Cockerham 2014]. Таким образом, концепция саморегуляции жизнедеятельности молодежи, предполагающая представление о каком-либо целевом состоянии, отражает специфику здоровьесберегающего поведения, цель которого связывают с состоянием здоровья и репрезентацией здоровья.

Здоровьесберегающее поведение представляет собой многомерное образование, на эмпирическом уровне описываемое множеством переменных, специфика которых различается в зависимости от изучаемой социальной группы. Например, в исследовании девиантного поведения [Porter 2014, с. 237, 244] изучали влияние социально-экономического положения на поведение молодежи в отношении здоровья, измеренное с помощью двух переменных – потребления фастфуда и курения. В исследовании, посвященном Году экологии в России, для измерения здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи использовали вопрос с возможностью множественного выбора: «Что вы предпринимаете, чтобы сберечь свое здоровье?» [Шкурин 2017а; Шкурин 2017б]. Переход от большого количества переменных (список вариантов ответа включает 19 позиций) к типобразующим признакам представляет некоторую сложность и требует определенных методических решений.

В зависимости от исследовательских задач, а также от возможностей первичных данных, которые подвергаются вторичной концептуа-

---

² В статье ключевым понятием является «здоровьесберегающее поведение», так как оно, на наш взгляд, меньшего объема, чем «самосохранительное поведение», и поэтому в большей степени поддается эмпирической интерпретации.

³ Health promotion // World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/health-topics/health-promotion#tab=tab_1 (дата обращения 11 апреля 2022).

лизации, используются как простые, так и сложные модели измерения поведения в отношении здоровья. При разработке такой модели важно избегать ее переусложнения и переупрощения. Переусложненные модели невозможно реализовать в массовых опросах, переупрощение моделей ведет к получению тривиальных, зачастую некорректных результатов [Татарова, Чиркова 2021, с. 76]. Авторы статьи [Jones et al 2011, p. 404-405] опираются на трехкомпонентную модель связанного со здоровьем поведения, отвечающую данному требованию. Модель включает в себя показатели «Курение», «Алкоголь», «Физическая активность». Для анализа здоровьесберегающего поведения молодежи мы будем использовать перечисленные показатели, и еще один – «Питание».

Формирование системы классификационных признаков

Для измерения показателей здоровьесберегающего поведения молодежи сконструируем четыре логических индекса, которые используем в качестве классификационных признаков при проведении кластерного анализа. Каждый из индексов постараемся свести к пятибалльной шкале (табл. 1).

Классификационный признак, связанный с курением / отказом от курения, условно обозначим как *K1 «Курение»*. Для его формирования отобраны следующие исходные переменные:

- Вы курите в настоящее время?
- Сколько примерно штук сигарет, папирос или трубок Вы обычно выкуриваете за день?
- Вы курили когда-нибудь?
- Сколько лет тому назад Вы бросили курить?

Перечисленные переменные дифференцируют молодежь, доля курящих среди них составляет треть респондентов, что на 10% превышает долю курящих среди всей опрошенной совокупности. Индекс *K1* может принимать следующие значения: 1 – респондент выкуривает пачку сигарет (20 штук) в день и больше; 2 – респондент выкуривает меньше пачки сигарет в день; 3 – респондент бросил курить меньше года назад; 4 – респондент бросил курить год назад или больше года назад; 5 – респондент не курит и никогда не курил. Индекс *K1* дифференцирует совокупность молодежи, т. к. коэффициент вариации *V* равен 41,1%, что превышает пороговое значение в 30% [Татарова, Бессокирная 2017, с. 46].

Для измерения такого показателя, как употребление алкогольных напитков (классификационный признак *K2 «Алкоголь»*), существуют

сложные системы вопросов-индикаторов, подробно описываемые в статье [Радаев, Рощина 2019]. В условиях массового опроса целесообразны и более простые модели. Так, в качестве кандидатов в исходные для формирования индекса $K2$ переменные рассматривались вопросы:

Вы употребляете хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво?
В течение последних 30 дней Вы употребляли алкогольные напитки?
В течение последних 30 дней Вы употребляли пиво?
Как часто Вы употребляли алкогольные напитки в течение последних 30 дней?

Среди молодежи 63,6% хотя бы иногда употребляют алкогольные напитки, 42,4% – в течение последних 30 дней. Исходя из полученных распределений, учитывая большое количество пропущенных ответов⁴ на вопросы об употреблении алкоголя в течение последних 30 дней, было решено остановиться на трехбалльной шкале, которую «растянули» до пятибалльной. Сконструированный индекс $K2$ принимает три значения: 1 – за последние 30 дней респондент употреблял алкогольные напитки 1–7 раз в неделю; 3 – за последние 30 дней респондент употреблял алкогольные напитки 1–3 раза; 5 – респондент никогда не употребляет алкогольные напитки. Коэффициент вариации V составляет 45,3%.

С точки зрения эмпирической интерпретации показатель, связанный с особенностями питания (классификационный признак $K3$ «*Питание*»), является более сложным в силу неоднозначной трактовки возможных исходных переменных. Вопросы

Как часто Вы питаетесь вне дома?
Удается ли Вам в целом питаться регулярно, не реже 3-х раз в день, изо дня в день?

не позволяют делать выводы непосредственно о качестве, сбалансированности питания. Вопрос «За последние 12 месяцев Вы сидели на какой-нибудь диете?»⁵ не дифференцирует опрошенную совокупность. При формировании индекса $K3$ мы исходили из распределений ответов респондентов на первые два упомянутых вопроса, и из представления о том, что нерегулярное питание является показателем нездорового поведения, тогда как регулярное питание не обязательно свиде-

---

⁴ Проблема пропущенных данных остается за рамками настоящей статьи. Для ее решения на предметном поле изучения здоровьесберегающего поведения представляется целесообразным проведение серии экспертных опросов.

⁵ В рамках исследования RLMS диетой называют изменения в питании с целью снижения веса или сохранения, улучшения здоровья. Следовательно, соответствующий вопрос может использоваться для эмпирической интерпретации питания как показателя здоровьесберегающего поведения.

тельствует о здоровом поведении. Получившийся индекс может принимать три значения: 1 – респонденту не удается питаться регулярно; 3 – респондент старается питаться регулярно, но не всегда дома; 5 – респондент всегда питается регулярно и только дома. Коэффициент вариации V равен 45,4%.

Определенные трудности вызывает также конструирование классификационного признака $K4$ «Физическая активность». Набор дихотомических переменных послужил основой для вычисления вспомогательного суммарного индекса, который показал, что 69,8% опрошенных молодых людей *не занимались ни одним видом физической активности по меньшей мере 12 раз за последние 12 месяцев*. Вопрос «Какой из вариантов описания лучше всего соответствует Вашим занятиям физкультурой?»⁶ позволил выявить среди молодежи долю тех, кто не занимается физкультурой (60,9%). Был сконструирован индекс $K4$, который принимает следующие значения: 1 – низкий уровень физической активности (респондент не занимается физкультурой и не выбирает ни одного вида физической активности); 3 – средний уровень физической активности (респондент занимается физкультурой, но не выбирает ни одного вида физической активности; возможна и обратная ситуация – выбор вида физической активности при отрицании занятий физкультурой); 5 – высокий уровень физической активности (респондент занимается физкультурой и выбирает хотя бы один вид физической активности). Подобное совместное использование приведенных выше вопросов-индикаторов повышает дифференцирующую силу индекса $K4$ (коэффициент вариации V равен 70,5%).

Таблица 1

Распределения молодежи по значениям логических индексов

Значение индекса	Количество респондентов, %
K1 «КУРЕНИЕ»	
1. Выкуривают за день пачку сигарет и больше	12,3
2. Выкуривают в день меньше пачки сигарет	19,3
3. Бросили курить меньше года назад	2,1
4. Бросили курить год назад или больше года назад	10,2
5. Не курят и никогда не курили	55,9
Пропущенные данные	0,2
Коэффициент вариации V , %	41,1

⁶ В RLMS не учитывались физические нагрузки респондента на работе.

Окончание табл. 1

Значение индекса	Количество респондентов, %
К2 «АЛКОГОЛЬ»	
1. За последние 30 дней употребляли алкогольные напитки 1–7 раз в неделю	17,5
3. За последние 30 дней употребляли алкогольные напитки 1–3 раза	26,9
5. Не употребляют алкогольные напитки	35,8
Пропущенные данные	19,8
Коэффициент вариации V, %	45,3
К3 «ПИТАНИЕ»	
1. Не удается питаться регулярно	22,2
3. Стараются питаться регулярно / всегда питаются регулярно, но не только дома	50,0
5. Всегда питаются регулярно и только дома	27,3
Пропущенные данные	0,6
Коэффициент вариации V, %	45,4
К4 «ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ»	
1. Низкий уровень физической активности	54,4
3. Средний уровень физической активности	20,4
5. Высокий уровень физической активности	22,7
Пропущенные данные	2,5
Коэффициент вариации V, %	70,5
Всего, чел.	2456

Источник: составлено автором на основе данных RLMS 2017 г.

Вывод. Сконструированные индексы для измерения показателей здоровьесберегающего поведения молодежи обладают достаточно высокой дифференцирующей силой. Предложенная логика формирования совокупности независимых классификационных признаков, отвечающих минимальным требованиям к проведению кластерного анализа, может быть использована в условиях вторичной концептуализации первичных данных массовых опросов.

Литература

- Антонов 2005 – Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005. 368 с.
- Зубок, Чупров 2017 – Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 12–48.
- Радаев, Рощина 2019 – Радаев В.В., Рощина Я.М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 48. С. 7–57.
- Татарова 2004 – Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Новый учебник, 2004. 206 с.
- Татарова, Бессокирная 2017 – Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Предметно-ориентированный подход к «борьбе» с пропущенными данными в типологическом анализе // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 42–54.
- Татарова, Кученкова 2016 – Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.
- Татарова, Чиркова 2021 – Татарова Г.Г., Чиркова А.В. Здоровьесберегающее поведение: проблема измерения // Социологические подходы к изучению социального благополучия / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Елихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 68–85.
- Шкурин 2017а – Шкурин Д.В. Многомерные методы обработки вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих стратегий современных студентов // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: Колл. монография (по материалам XX Междунар. конф. – второй этап) / Под общ. ред. Е.В. Грунт и А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во ИСТУ, 2017. С. 36–49.
- Шкурин 2017б – Шкурин Д.В. Обработка и анализ вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих практик современных студентов // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2017. № 5 (50). С. 142–150.
- Шушунова, Галич 2019 – Шушунова Т.Н., Галич Л.П. Самосохранительное поведение как внеэкономический фактор социального самочувствия в зарубежной социологии // Вести БДПУ. Серия 2. История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Культурология. 2019. № 1. С. 65–72.
- Cockerham 2014 – Cockerham W.C. Health behavior // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Health, Illness, Behavior, and Society / Ed. by W.C. Cockerham, R. Dingwall, S.R. Quah. John Wiley & Sons, 2014.
- Jones et al 2011 – Jones I.R., Papacosta O., Whincup P.H., Wannamethee S.G., Morris R.W. Class and lifestyle «lock-in» among middle-aged and older men: a Multiple Correspondence Analysis of the British Regional Heart Study // Sociology of Health and Illness. 2011. Vol. 33. P. 399–419.
- Porter 2014 – Porter L.C. Incarceration and post-release health behavior // Journal of Health and Social Behavior. 2014. Vol. 55. P. 234–249.

References

- Antonov, A.I. (2005), *Mikrosotsiologiya sem'i* [Microsociology of Family], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Cockerham, W.C. (2014), "Health behavior", in Cockerham, W.C., Dingwall, R. and Quah, S.R. (eds.), *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Health, Illness, Behavior, and Society*, John Wiley & Sons.
- Jones, I.R., Papacosta, O., Whincup, P.H., Wannamethee, S.G. and Morris, R.W. (2011), "Class and lifestyle 'lock-in' among middle-aged and older men: a Multiple Correspondence Analysis of the British Regional Heart Study", *Sociology of Health and Illness*, vol. 33, pp. 399-419.
- Porter, L.C. (2014), "Incarceration and post-release health behavior", *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 55, pp. 234-249.
- Radaev, V.V., Roshchina, Ya.M. (2019), "Measuring alcohol consumption as a methodological issue", *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, no. 48, pp. 7-57.
- Shkurin, D.V. (2017a), "Multidimensional Methods for Processing Questions with Multiple Choice on the Example of Health-Saving Strategies of Modern Students", in Grunt, E.V. and Merenkova, A.V. (eds.), *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: Kollektivnaya monografiya (po materialam XX Mezhdunarodnoi konferentsii – vtoroi etap)* [Culture, personality, society in today's world. Methodology, experience of empirical research. Collective monograph (based on the materials of the XX International Conference – second stage)], Izdatel'stvo ISTU, Yekaterinburg, Russia, pp. 36-49.
- Shkurin, D.V. (2017b), "Processing and Analysis of Multiple Choice Questions on the Example of Modern Students' Health-Saving Strategies", *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (50), pp. 142-150.
- Shshunova, T.N. and Galich, L.P. (2019), "Self-preservation behavior as a non-economic factor of social well-being in international sociology", *Vesti BDPU. Seriya 2. Istoriya. Filosofiya. Politologiya. Sotsiologiya. Ekonomika. Kul'turologiya* [News BDPU. Series 2. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economy. Cultural Studies], no. 1, pp. 65-72.
- Tatarova, G.G. (2004), *Osnovy tipologicheskogo analiza v sociologicheskikh issledovaniyakh* [Fundamentals of Typological Analysis in Sociological Research], Novyi Uchebnik, Moscow, Russia.
- Tatarova, G.G. and Bessokirnaya, G.P. (2017), "Subject oriented approach to the 'combating' the missing data in typological analysis", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 12, pp. 42-54.
- Tatarova, G.G. and Chirkova, A.V. (2021), "Health-saving behavior. An issue of measurement", in Chernysh, M.F. and Epikhina, Y.B. (eds.), *Sociological approaches to the study of social well-being*, FNISTS RAN, Moscow, Russia, pp. 68-85.
- Tatarova, G.G. and Kuchenkova, A.V. (2016), "Indicators of subjective well-being as type-forming characteristics", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 10, pp. 21-32.
- Zubok, Yu.A. and Chuprov, V.I. (2017), "Modern Sociology of Youth. Changing Reality and Theoretical Approaches", in Gorshkov, M.K. (ed.), *Rossiya Reformiruyushchayasya. Yezhegodnik. Vyp. 15* [Russia in reforms. Yearbook. Vol. 15], Novyi Khronograf, Moscow, Russia, pp. 12-48.

Информация об авторе

Анна В. Чиркова, аспирант, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 25/35, корп. 5; chircovaanna@gmail.com

Information about the author

Anna V. Chirkova, postgraduate student, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117218; chircovaanna@gmail.com

Социальные взаимодействия в детстве: дружба, уход от конфликтов и обучение лжи

Светлана Ю. Митрофанова

*Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева
Самара, Россия, mit_s@mail.ru*

Аннотация. В статье сделан акцент на анализе дружбы, саботажа в конфликте, обучении детей практикам лжи как некоторых форматов практик социального взаимодействия в детстве, закладывающих основы социального порядка в обществе. Выявлен фокус актуальных исследований, посвященных: 1) влиянию семейной миграции на дружбу детей, 2) концептуализации дружбы между детьми начальной школы в этнически разнообразных сообществах, 3) пониманию дружбы в семье и школе у девушек-беженцев, 4) «эффектам» соседства, негативным последствиям взросления в бедном районе, 5) практикам саботажа в конфликте между детьми-сиротами, 6) тому, как родители учат своих детей говорить неправду, 7) событийности детства современных юношей и девушек. Рассмотренные практики осваиваются раньше мальчиками и детьми из состоятельных семей, девочками и детьми из бедных семей – позже. Делается вывод о том, что практики дружбы, саботажа и лжи обозначают особенности практик социального взаимодействия в детстве, но актуализирует вопрос необходимости продолжения их исследования в контексте условий российского детства.

Ключевые слова: дружба детей, этничность, миграция, саботаж в конфликте, практики лжи, событийность детства

Для цитирования: Митрофанова С.Ю. Социальные взаимодействия в детстве: дружба, уход от конфликтов и обучение лжи // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 93–103. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-93-103

Some formats of social interaction practices in childhood: friendship, avoiding conflicts and teaching lies

Svetlana Yu. Mitrofanova

Korolev Samara National Research University, Samara, Russia mit_s@mail.ru

Abstract. The article focuses on the analysis of the friendship, avoiding conflicts in conflict, as well as teaching children the practices of lying as some formats of practices of social interaction in childhood, laying the foundations of social order in society. The focus is on current research on: 1) the impact of family migration on children's friendship, 2) conceptualization of friendship between primary school children in ethnically diverse communities, 3) understanding the specifics of friend-

ship in family and school among refugee girls, 4) the “effects” of neighborhood, the negative consequences of growing up in a poor neighborhood, 5) the sabotage practices in the conflict between sibling children, 6) how parents teach their children to tell lies and 7) the eventfulness of the childhood of modern boys and girls. The considered practices are mainly mastered earlier by boys and children from wealthy families, and later by girls and children from poor families. It is concluded that friendship, avoiding conflicts and lying denote features of social interaction practices in childhood but bring up to relevance the issue of the need to continue their research in the context of the conditions of Russian childhood.

Keywords: friendship of children, ethnicity, migration, sabotage in conflict, practices of lies, eventfulness of childhood

For citation: Mitrofanova, S. Yu. (2022), “Some formats of social interaction practices in childhood: friendship, avoiding conflicts and teaching lies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 93-103, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-93-103

Введение

Актуальность исследования практик социального взаимодействия в детстве связана с тем, что благодаря таким форматам усваивается, сохраняется и воспроизводится социальный порядок. Мы выделяем практики дружбы, саботажа в конфликте и лжи в качестве механизма, направленного на поддержание социального порядка в контексте общественных изменений. Психологические и педагогические концепции оценивают вопросы конфликтов и дружбы, лжи и правдивости с точки зрения возрастных и субъективных особенностей детей или успехов/недостатков воспитательного, обучающего воздействия [На защите 2022]. Мы рассматриваем практики социального взаимодействия как «черный ящик» детства, который необходимо «распаковать» и понять, за счет каких социальных факторов на уровне повседневной коммуникации эти практики поддерживаются.

Наше внимание к теме было привлечено исследованием, в котором представлено влияние семейной миграции на старые и новые дружеские отношения детей [Sime, Fox 2015]. Другой подход направлен на понимание концептуализации дружбы между детьми начальной школы в этнически разнообразных сообществах в семьях с разными историями миграции, правовым статусом [Iqbal et al. 2017]. В статье D. Bergner и др. обратились к опыту девушек-беженки, переезжающих в поисках защиты [Bergner et al. 2020]. Еще в одной работе акцент сделан на исследовании дружбы в контексте города и городской сегрегации, изучается дружба и соседство [Edling, Rydgren 2012]. Исследованию практик саботажа как преднамеренного разрушения деятельности с объектом в конфликте между детьми-сестринками посвящено исследование E. Zotevska и др. [Zotevska et al. 2021]. Особого внимания заслуживает работа, в которой изучается, почему и как родители учат

своих детей говорить неправду, и каким образом это соотносится с реальным поведением детей [Lavoie et al. 2016, p. 255].

В исследованиях отечественных социологов детства фиксировался возраст наступления ряда событий у современных юношей и девушек, в том числе связанных с практиками дружбы, конфликта и лжи в их детстве [Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова 2020], обсуждались коммуникативные практики детей в их представлениях о своем взрослении [Митрофанова 2015].

Методы исследования

Статья основана на синтезе проектов изучения практик по аспектам событийности детства на примере опроса молодежной группы, только что вышедшей из детства (проведенного ВНИК при участии автора статьи), и на вторичном анализе данных исследований зарубежных ученых, с выделением практик дружбы, саботажа в конфликте и лжи. Статья D. Sime и R. Fox основана на результатах качественного исследования, проведенного с участием 57 детей из Восточной Европы, прибывших в Шотландию [Sime, Fox 2015, p. 377]. Н. Iqbal и др. делают выводы на основе анализа транскриптов интервью и графических данных с 78 детьми в возрасте 8–9 лет из трех школ Лондона [Iqbal et al. 2017, p. 129–130]. D. Bergner и др. анализируют 18 интервью, собранных за 3 года с 12 девушками-беженками, родившимися в Сирии или Ираке, которым был предоставлен статус беженца и вид на жительство в Швеции [Bergner et al. 2020, p. 535]. Выводы Ch. Edling и J. Rydgren основаны на эмпирическом анализе дружбы девятиклассников 15–16 лет в трех школах Стокгольма (N = 240) [Edling, Rydgren 2012, p. 1].

J. Lavoie, K. Leduc, Angela M. Crossman, и V. Talwar сконцентрировались на изучении мнения родителей детей (N = 146, из них мамы – 90% и отцы – 10%). Анализировались 88 дневников родителей – «дневник поведения детей, говорящих неправду», где родители фиксировали частоту и типы лжи, которую дети рассказывали им в течение двух недель в обычных условиях повседневной жизни дома, в детском саду, школе [Lavoie et al. 2016, p. 255]. Исследование E. Zotevska и др. базируется на изучении 40 часов видеозаписей семейных трапез, приготовления пищи и чтения книг, игры и конфликтов между 27 братьями и сестрами, собранных в 11 шведских семьях среднего класса с детьми от 3 до 5 лет [Zotevska et al. 2021, p. 140–141]. Эмпирическая часть данной статьи содержит в основном анализ актов саботажа в конфликте братьев и сестер в двух семьях. В рамках отечественного исследования респондентов просили сделать выбор, вспомнив и указав, когда в их собственной биографии произошло одно из перечисленных событий в период с 3 до 18 лет. Всего указано более 70 событий (N = 774; метод

онлайн-анкетирования, 2018 г.) [*Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова 2020*].

Таким образом, налицо очень широкое применение методов для изучения социального взаимодействия: от интервью и анкетирования до анализа видеозаписей и дневников. В качестве информантов выступают дети, подростки на рубеже детства и юношества, молодые люди и девушки, родители детей. Такой спектр методик и множественность объектов объясняются спецификой изучения детства в современной социологии.

Социальное взаимодействие детей

Рассмотрим выделенные научным сообществом форматы социального взаимодействия детей: дружбу, игнорирование, избегание конфликтов и правдивости/лжи в поведении и общении. Н. Iqbal и др. акцентируют внимание на трех основных аспектах дружбы. Во-первых, они показывают, как социальный класс и этническая принадлежность влияют на дружеские отношения, на основе чего дети объединяются в общих пространствах класса, игровой площадки и школы. Во-вторых, доказывают, что отношения между этническими группами не так значимы, как важно то, как дети понимают различия между ними с точки зрения имеющихся материальных благ. В-третьих, утверждают, что дети, живущие в условиях смешанного социального, этнического и культурного происхождения, распознают различия неожиданными для взрослых способами [Iqbal et al. 2017, p. 129].

Акцент в исследовании D. Bergner и др. был поставлен на изучении особенностей формирования друзей и дружбы по двум направлениям: 1) друзья, приобретенные в школе, и 2) друзья, приобретенные в семье [Bergner et al. 2020, p. 535]. Ученые выяснили, что смешанные школы не обязательно приводят к значительному увеличению дружеских отношений между мигрантами и коренными жителями. По сравнению со своими сверстниками-коренными жителями, дети-мигранты испытывают больше проблем с друзьями в школе [Bergner et al. 2020, p. 532]. Результаты исследования D. Bergner и др. подтверждают, что опрошенные стремятся подружиться с теми, кого они считают похожими на себя.

Исследование Ch. Edling и J. Rydgren сосредоточено на «эффектах» соседства и уделяет особое внимание негативным последствиям взросления в бедном районе. Ученые спрашивали девятиклассников о том, как устроено окружение их близких друзей, их пол, этническая принадлежность, школьный класс и район проживания. Дружеские связи девятиклассников хорошо развиваются за пределами района и в реальности нет оснований, которые подтверждали бы достоверность устоявшейся концепции этнического анклава [Edling, Rydgren 2012, p. 1].

Похожие выводы делают Н. Iqbal с коллегами, дополняя, что символические маркеры (бренды, фирменные товары) могут создавать чувство принадлежности или близости и способствовать социальным отношениям [Iqbal et al. 2017, p. 137].

Исследуя влияние семейной миграции на детей, ученые пришли к выводу о том, что дружеские отношения были ключом для понимания общей удовлетворенности детей своим миграционным опытом, однако характер, сила связей и динамика сетей дружбы значительно различались между детьми и зависели от таких факторов, как возраст, пол, социальный класс и способность детей к созданию и поддержанию новых сетей отношений [Sime, Fox 2015, p. 384]. С одной стороны, есть значимые взрослые – родители, опекуны, учителя, – которые способны повлиять на сети детской дружбы, например, через организацию внеучебного времени, но с другой, что более важно, – признается право выбора и автономии детей в принятии ими решений относительно выбора друзей [Iqbal et al. 2017, p. 129-130].

Больше всего исследований взаимодействий в конфликтах посвящены сиблинговым отношениям, но имеют множество локусов (социопсихологические навыки ведения конфликта, его избегания, роль материальных объектов и др.). Отдельно рассматривается «саботаж», который понимается как сложные преднамеренные социальные и материальные акты разрушения, которые наносят ущерб, причем при скрытом саботаже то, что может вызывать тревогу, скрывается под каким-то видом прямо на глазах у субъекта [Zotevska et al. 2021, p. 139].

Некоторые исследователи применяют мультимодальный интерактивный подход как способ анализа всевозможных средств, используемых участниками для построения социальных действий (разговор, голос, позу тела и ориентацию, взгляд, указание, прикосновение, движение, темп и ориентацию на объекты). Многочисленные модальности (средства) переплетаются и дополняют друг друга в рамках локальных конфликтных ситуаций [Zotevska et al. 2021, p. 141].

Авторы отмечают важную роль материальных объектов в социальных отношениях детей. Дети тратят значительное время и энергию на создание так называемых «обманчивых тел», которые как поддерживали, так и разрушали локальные моральные нормы [Zotevska et al. 2021, p. 137]. Выделены акты «скрытого» саботажа, направленные на тайное нацеливание на желаемый объект, и нанесение ущерба владению и игре сиблингов. Предполагаемые провокаторы конструировали «игривые» конфигурации своего тела, чтобы иметь возможность приблизиться к противнику – нынешнему владельцу желаемого объекта, не вызывая у него тревоги. Предполагаемый провокатор принимал соответствующий облик, чтобы иметь возможность входить и перемещаться в том же социально-материальном пространстве и на той же игровой территории, на которой другой ребенок использовал желаемый объект [Zotevska et al. 2021, p. 149]. В анализируемых видеозапи-

сях акты саботажа сиблингов в семье можно рассматривать как способы нарушения и перестройки социального порядка игры. Осуществление саботажа частично стало возможным благодаря родственным отношениям между детьми [Zotevska et al. 2021, p. 150].

Другой подход опирается на изучение взгляда родителей, поскольку они являются основными агентами социализации детей. Ученые отмечают, что дети могут научиться лгать, наблюдая за тем, как окружающие их люди лгут, что способствует пониманию у них приемлемости различных видов лжи в разных социальных контекстах. Собственная практика лжи родителей или убеждения в отношении лжи могут продуцировать ложь их детей, обеспечивая поддержку социальному обучению лжи как области группового участия [Lavoie et al. 2016, p. 254].

Ложь определялась авторами как ложные заявления, произнесенные с намерением обмануть другого человека. Ученые констатировали, что помимо способности лгать и различать правду и ложь, дети начинают различать типы лжи, такие, как сказанная для защиты другого, чтобы получить выгоду, наказать другого, избежать неприятностей, связанная с внешностью, чтобы «сохранить лицо», ради «вежливости» и др. Эта способность различать виды лжи у детей растет с возрастом. Отмечают, что уже с дошкольного возраста дети начинают понимать и говорить неправду. Тем не менее многие считают ложь предосудительным и неподобающим поведением [Lavoie et al. 2016, p. 253].

Ответы родителей на опросник по социализации были обработаны по 4 направлениям: (1) моральные суждения родителей о приемлемости их собственной лжи; (2) устные сообщения своим детям о приемлемости лжи, такие как ситуации, в которых они говорили им, что ложь приемлема; (3) реакция родителей на ложь детей, например, поймали ли родители своих детей на лжи, как они реагировали; (4) подкрепление родителями лжи, включающее ситуации, в которых родители поощряли своих детей лгать [Lavoie et al. 2016, p. 257].

Исследователи выяснили, что моральные суждения родителей о приемлемости лжи указывали на то, что вариант «ложь защищает других» – был наиболее распространенным видом лжи (51%), лишь немногие родители сообщили, что «никогда не было приемлемо лгать» (8%). С другой стороны, большинство родителей учили своих детей, что лгать недопустимо (67%). Таким образом, родители учили своих детей не тому, во что они верили на самом деле [Lavoie et al. 2016, p. 257].

10% родителей отметили, что важно, чтобы их ребенок говорил им правду, но не всегда комментировали, важно ли, чтобы дети говорили правду другим людям. Возраст ребенка повлиял на то, как родители его социализировали в отношении практик лжи, что они учат, что ложь недопустима, пока их дети еще маленькие [Lavoie et al. 2016, p. 261]. Причины связаны с желанием родителей доверять своим детям и с неуверенностью, что их дети смогут, пока они еще маленькие, отличить «хорошую» ложь от «плохой». Ученые отмечают, что такое

обоснование расхождения между тем, что говорят родители детям и тем, что они делают в реальности, может выполнять защитную функцию, поскольку родители будут иметь больше возможностей вмешиваться в опасные или тревожные ситуации, если их дети будут честны с ними [Lavoie et al. 2016, p. 261].

Ученые выяснили, что дети, которых учили, что ложь иногда приемлема, значительно больше вралли, чтобы защитить себя от психологического стресса, смущения или конфликта в отношениях, чем дети, которых учили, что ложь никогда не бывает приемлемой. Поскольку детям, участвовавшим в этом исследовании, было от 3 до 6 лет, то ученые выдвинули предположение, что маленькие дети сначала узнают о моральных ценностях, прежде чем применяют их к своему поведению. По мере взросления они могут усвоить общественное мнение о том, что ложь более приемлема, когда ее говорят, чтобы защитить других, а не самих себя, и соответствующим образом изменить свое поведение [Lavoie et al. 2016, p. 262]. Таким образом, исследование лжи вскрыло многие нестыковки во взглядах родителей в отношении обучения их детей практикам лжи в процессе социализации.

Что касается отечественного опыта исследования практик социального взаимодействия, то здесь представлен иной ракурс освоения форматов взаимодействия: возраст дебюта освоения таких практик и превращения их в основу социального поведения. Юноши и девушки отметили, что впервые самостоятельно стали выбирать себе друзей в 6,8 лет, из обеспеченных семей – в 6,6 лет, из семей среднего класса – в 6,8, из бедных – в 6,9 лет. Своя компания (т. е. множество друзей и взаимодействий) появилась в 11,9 лет (у девочек – в 12,5, а юношей – в 10,7). Впервые участвовали в вечеринке без взрослых – в 14,2 года (юноши – в 13,8, а девушки – в 14,3). В 13,4 лет опрошенные впервые остались на ночь у друзей, дети из семей с достатком – в 13,4, дети из семей среднего класса – в 13,3, дети из бедных семей – в 13,8 лет. В 10,5 лет впервые поехали в лагерь, центр, поход, на экскурсию с группой ребят без родителей, у богатых детей и детей из среднего класса эта возможность была реализована примерно в 10,4 года, то у детей из бедных семей – только в 11 лет. Встретили свою первую любовь в 13,3 года (юноши в 12,3, девушки – в 13,8). Впервые ходили на свидание в 14,8 лет (девушки – в 14,9, юноши – в 14,2. Богатые – в 14,4, бедные – в 15,1). Гуляли ночью с друзьями, любимым(ой) – впервые в 15,5 лет (юноши – в 14,9, девушки – в 15,7). Что касается конфликтов, то опрошенные отметили, что деструктивные отношения с родителями начались, когда им было в среднем 13,3 года (у девочек – в 13,4, у юношей – в 12,9). У обеспеченных – в 13, у небогатых – в 13,5; в драке впервые участвовали – в 10,2 года (девочки – в 11,3, а юноши – в 9,1).

Российское исследование позволило выделить несколько направлений поведения и общения детей, где они уже смогли проявить ос-

военные навыки социального взаимодействия, связанного с ложью и утаиванием правды. Впервые обманули родителей в 9,7 лет (девочки – в 10,3, а юноши – в 8,5). Важными являются некоторые события девиантного поведения детей, связанные с обманом и ложью в силу того, что являются ненормативными для этого возраста и скрывались юными от родителей. Впервые попробовали спиртное в 13,6 лет (юноши – в 12,7, девочки – в 13,8), впервые приобщились к практикам курения – в 13,1 (юноши – в 12,4, девочки – в 13,4). Таким образом, рассмотренные форматы практик социального взаимодействия раньше осваивают мальчики и дети из обеспеченных семей, девочки и дети из бедных семей – позже. Возможно, это связано с ограниченными ресурсами детей из бедных семей и соответствующими социальными ожиданиями в отношении допустимого поведения мальчиков и девочек.

Выводы и перспективы изучения

Дружба как форма неформальной межличностной коммуникации обладает функцией объединять детей, несмотря на различия в этничности, языке и других условиях их жизни, способствует социальной интеграции и соединению детей из социально различных пространств на основе общего опыта, формирующихся интересов и их принадлежности к определенному социально-экономическому классу. Важным фактором сплочения детей явилось постепенное построение общих культурных моделей поведения детей, которые способствовали установлению дружбы между ними. Дружба изучается в основном в контексте этничности, миграции, сегрегации (городской, классовой, расовой). Ученые приходят к выводу о том, что разная этничность не является разделяющей силой в формировании сети дружеских отношений детей мигрантов. Несмотря на значимость проводимых исследований, острое критики может быть направлено на то, что зарубежные авторы, работая преимущественно в качественной методологии и с особыми группами детей (мигранты, бедные), не проводят границы между практиками дружбы и приятельства.

Ряд практик социального взаимодействия между детьми изучены недостаточно в силу их деликатности и сензитивности, к таким практикам относится саботаж в конфликте и обучение лжи. Исследование саботажа в конфликтных практиках, прежде всего в повседневной игре, как формы социального взаимодействия выявило навыки маленьких детей в управлении эмоциями, телами, социальными отношениями и желаемыми материальными объектами. Что касается обучения практикам лжи, выяснено, что родители в подавляющем большинстве указали, что ложь для взрослого сообщества является нормой, приемлема, особенно для защиты других, однако большинство родителей констатировали, что убеждают своих детей, что ложь никогда не должна ис-

пользоваться, т. е. родители учили своих детей, что всякая ложь плоха, в то время как сами потворствовали некоторым видам лжи [Lavoie et al. 2016, p. 260-261]. Убеждения и суждения родителей об их собственной лжи отличаются от того, что они транслируют своим детям. Проектов по выявлению социальных причин и последствий лжи детей, основанных на непосредственном опыте самих детей, не обнаружено. Нам видится здесь недооценка научным сообществом данной проблематики и в то же время перспективное поле дальнейших исследований.

Исследование российской молодежи охватывает иные стороны взаимодействия, есть новые исследования события дружбы, конфликтов и обмана, девиаций. Вместе с тем есть то, что объединяет как зарубежных, так и отечественных ученых в исследовании практик социального взаимодействия. Во-первых, это признание значимой роли материальных ценностей, факторов в разных форматах практик социального взаимодействия. Во-вторых, это подход к пониманию практик социального взаимодействия как к способу формированию навыков у детей по освоению не только позитивных форм поведения, но и девиаций, которые выступают способами конструирования и оформления социального порядка в детстве.

Таким образом, проведенный анализ о практиках дружбы, саботажа и лжи приоткрывает крышку «черного ящика» чувствительных форматов социального взаимодействия в детстве, но вместе с тем актуализирует вопрос необходимости продолжения исследования подобных практик, в том числе в условиях специфики жизни детей в российском обществе с учетом разнообразия территорий проживания и социально-экономического положения. Отдельный исследовательский вопрос – о связи изучаемых практик с этничностью, религиозностью и рядом других параметров.

Литература

- Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова 2020 – *Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю.* Событийность детства: к вопросу об эмпирических доказательствах теории генераций // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 3–15.
- Митрофанова 2015 – *Митрофанова С.Ю.* Точки отсчета и конструкты «взрослости» в представлениях детей о своей будущей жизни // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 7 (150). С. 131–138.
- На защите 2022 – На защите детства: стратегии, практики, ресурсы: Сб. материалов по итогам Всерос. научно-практич. конф. по актуальным вопросам профилактики девиантного поведения несовершеннолетних (31 мая – 1 июня 2022 г., г. Москва) / Под ред. Е.Н. Скориной, Е.Б. Баторовой, Е.Г. Артамоновой. М.: Центр защиты прав и интересов детей, 2022. 550 с.

- Bergner et al. 2020 – Bergner D., Aronson O., Enell S. Friends through school and family: Refugee girls' talk about friendship formation // *Childhood*. 2020. Vol. 27 (4). P. 530–544.
- Edling, Rydgren 2012 – Edling Ch., Rydgren J. Neighborhood and Friendship Composition in Adolescence // *SAGE open* A peer-reviewed open access journal published by SAGE. 2012. October-December. Vol. 2. Iss. 4. P. 1–10.
- Iqbal et al. 2017 – Iqbal H., Neal S., Vincent C. Children's friendships in super-diverse localities: Encounters with social and ethnic difference // *Childhood*. 2017. Vol. 24 (1). P. 128–142.
- Lavoie et al. 2016 – Lavoie J., Leduc K., Crossman Angela M., Talwar V. Do As I Say and Not As I Think: Parent Socialisation of Lie-Telling Behaviour // *Children & Society*. 2016. Vol. 30. P. 253–264.
- Sime, Fox 2015 – Sime D., Fox R. Home abroad: Eastern European children's family and peer relationships after migration // *Childhood*. 2015. Vol. 22 (3). P. 377–393.
- Zotevska et al. 2021 – Zotevska E., Cekaite A., Evaldsson Ann C. Enacting sabotage in siblings' conflicts: Desired objects and deceptive bodies // *Childhood*. 2021. Vol. 28 (1). P. 137–153.

References

- Maiorova-Shecheglova, S.N., Kolosova, E.A. and Gubanova, A.Yu. (2020), "The eventfulness of childhood. On the question of empirical proofs of the generations theory", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 3-15.
- Mitrofanova, S.Yu. (2015), "Points of reference and constructs of "adulthood" in children's ideas about their future life", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 7, pp. 131-138.
- Skorina, E.N. Batorova, E.B. and Artamonova, E.G. (eds.) (2022), *Na zashchite detstva: strategii, praktiki, resursy*. Sbornik materialov po itogam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po aktual'nym voprosam profilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh (31 maya – 1 iyunya 2022 goda, g. Moskva) [Protecting Childhood. Strategies, Practices, and Resources. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference on topical issues of prevention of deviant behavior of minors (May 31 – June 1, 2022, Moscow)], FSBI "Center for the Protection of the Rights and Interests of Children", Moscow, Russia.
- Bergner, D., Aronson, O. and Enell, S. (2020), "Friends through school and family: Refugee girls' talk about friendship formation", *Childhood*, no. 27(4), pp. 530–544.
- Edling, Ch., Rydgren, J. (2012) "Neighborhood and Friendship Composition in Adolescence", *SAGE open* A peer-reviewed open access journal published by SAGE, October-December, vol. 2, Iss. 4, pp. 1-10.
- Iqbal, H., Neal, S. and Vincent, C. (2017), "Children's friendships in super-diverse localities: Encounters with social and ethnic difference", *Childhood*, Vol. 24 (1), pp. 128-142.
- Lavoie, J., Leduc, K., Crossman, Angela M. and Talwar, V. (2016) "Do As I Say and Not As I Think: Parent Socialisation of Lie-Telling Behaviour", *Children & Society*, vol. 30, pp. 253-264.

- Sime, D. and Fox, R. (2015), "Home abroad: Eastern European children's family and peer relationships after migration", *Childhood*, vol. 22 (3), pp. 377–393.
- Zotevska, E., Cekaite, A. and Evaldsson, A.C. (2021), "Enacting sabotage in siblings' conflicts: Desired objects and deceptive bodies", *Childhood*, vol. 28 (1), pp. 137-153.

Информация об авторе

Светлана Ю. Митрофанова, кандидат социологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, Самара, Россия; 443086, Россия, Самара, ул. Московское шоссе, д. 34; mit_s@mail.ru

Information about the author

Svetlana Yu. Mitrofanova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Korolev Samara National Research University, Samara, Russia; bld. 34, Moscow Highway, Samara, Russia, 443086; mit_s@mail.ru

Образ медицинской сестры в советском и постсоветском кинематографе

Елизавета О. Нечаева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, neo88@bk.ru*

Аннотация. Производится анализ трансформации кинообраза медицинской сестры в советское и постсоветское время. Средний медицинский персонал является самым многочисленным среди медиков. Увеличение количества молодежи, поступающей в медицинские училища, снизит дефицит кадров отрасли, но для этого требуется повышение статуса медработника. Кинематограф служит надежным инструментом формирования общественного мнения, конструирующим его целенаправленно и системно. В статье показано, что за последние десятилетия наблюдается смена нравственно-идейных принципов, установок профессиональной группы, меняется художественный образ героя, его характерные черты и, как следствие, – общественное мнение тоже трансформируется, следуя за культурным нарративом в виде кино. Автор обращается к советскому кинематографу, в котором на первый план выходили герои, имеющие высокие идеалы и ориентиры. В течение последующих трех десятилетий в новой России образ медицинского работника менялся. Автор приводит описание сюжетных линий и персонажей особо значимых и популярных киноработ с целью понимания того, как аудитория видит действующих лиц – медицинских сестер, и как, благодаря этому знанию, можно повлиять на общественное мнение.

Ключевые слова: медицинская сестра, образ, стереотип, национально-культурная идентичность, кинематограф

Для цитирования: Нечаева Е.О. Образ медицинской сестры в советском и постсоветском кинематографе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 104–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111

The image of a nurse in Soviet and post-Soviet cinema

Elizaveta O. Nechaeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, neo88@bk.ru

Abstract. The article provides an analysis of the transformation in the film image of a nurse in the Soviet and post-Soviet times. The nursing staff is the most numerous in the entire hierarchy of physicians. Increasing the number of young people entering medical schools will greatly reduce the shortage of personnel in the industry, but it requires an increase in the status of a medical worker.

Cinema serves as a reliable tool for shaping public opinion, constructing it purposefully and systematically. The article shows that over the past decades, there has been a change in moral and ideological principles, attitudes of the professional group as well as the artistic image of the hero, his characteristic features are changing, and as a result, public opinion is also being transformed, following the cultural narrative in the form of cinema.

The author refers to the Soviet cinematography in which heroes with high ideals and landmarks came to the fore. Over the next three decades, the image of the hero (medical worker) in the new Russia changed. The author gives a description of the storylines and characters of especially significant and popular films in order to understand how the audience sees the characters - nurses, and how, because of that public opinion can be influenced.

Keywords: nurse, image, stereotype, national and cultural identity, cinema

For citation: Nechaeva, E.O. (2022), "The image of a nurse in the Soviet and post-Soviet cinema", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 104-111, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111

Предлагаемая статья является частью большого исследования, посвященного статусу среднего медицинского персонала в современном российском обществе. Существующий образ медицинской сестры как самый распространенный среди среднего медицинского персонала (к примеру, медицинских братьев, лаборантов, фельдшеров, техников) влияет на престиж профессии, а значит, приток молодых специалистов в медицинские учебные заведения. Поэтому крайне важным является формирование в общественном сознании россиян позитивного имиджа профессии.

В современном обществе на формирование общественного мнения в течение многих десятилетий оказывает влияние кинематограф. По мнению некоторых исследователей, киноискусство является доминантным феноменом современной культуры, влияя на социокультурные процессы [Мелконян 2010]. Эту позицию ранее изложил в своих работах американский социолог Э. Тоффлер, заявив, что в современном обществе кинематограф успешно монополизирует информационное поле и консолидирует зрителя. В связи с тем, что автора интересует процесс смены конкретного образа героя в общественном сознании, важно отметить связь кинематографа с социокультурными процессами в обществе. В России в ходе политических и социальных трансформаций, произошедших за последние 30 лет, кинематограф претерпел значительные изменения. Идеино-художественные принципы, заложенные в советском кино, отражали развитие национальной идентичности, популяризовали образ героя соцреализма, имеющего возвышенные идеалы. Для киногероя того времени характерны патриотизм и самоотверженность, коллективизм, трудолюбие. После распада Советского Союза наблюдается утрата этих самобытных художественных ориентиров. Кинематограф начинает выполнять в большей

степени развлекательную функцию, постепенно утрачивая ценностные культурные установки [Сенникова, Савельева 2017]. В кинематографе новой России столкнулись с проблемой подражания и копирования западной культуры, утраты национальной идентичности.

Образы, сюжеты, мотивы, находящиеся на поверхности восприятия, перестали требовать погружения в исторический контекст культурного наследия, тем самым создавая иллюзию ясности и простоты. Недолговечность их популярности, хрупкость успеха и противоречивость оценок в общественном мнении – характерный симптом мнимости этих явлений [Кондаков 2016]. Современное кино отчасти заполняется образами симулякров – героями с размытыми ценностями, неопределенными ориентирами. Сегодня кинематограф является в большей степени развлекательной индустрией, нежели несущей пропагандистские и воспитательные функции, влияющие на создание у зрителя положительного образа героя.

В соответствии с общими тенденциями происходит трансформация образа медицинских сестер в отечественном кинематографе, с целью оценить который проведен сравнительный анализ показательной модели медицинской сестры советского периода и стереотипного ее образа настоящего периода.

Как большинство главных героев кино периода соцреализма, медицинские сестры в отечественном кинематографе обладали такими личностными качествами, как эмпатия, самоотверженность, милосердие. Образ, который проходит красной нитью через весь советский кинематограф, – это медсестра периода Великой отечественной войны. Война стала испытанием для всей страны. На фронтах работали более 500 тыс. медицинских сестер, каждая из которых самоотверженно выполняла свой долг, помогая солдатам. Медицинская сестра в советских фильмах воплощается в разных образах: сестра милосердия, ухаживающая за ранеными; самоотверженный боец, который оказывает пер-

Рис. 1. Кадр из фильма «Фронтовые подруги», реж. В. Эйсымонт, 1941 г.

Рис. 2. Кадр из фильма «Летят журавли», реж. М. Калатозов, 1957 г.

вую помощь раненым, выносит их с поля боя, спасает, закрывая собой от пуль и снарядов. Медсестры одинаково убедительны в лирических сценах и в боевых эпизодах.

Один из первых образов медицинской сестры в кинематографе военных лет – командир отряда Наташа Матвеева из фильма «Фронтвые подруги» (1941 г.). Она осознанно идет на войну добровольцем и, в еще необорудованном госпитале, берет под опеку самого сложного раненого воина.

Отдельно стоит выделить образ Вероники из фильма «Летят журавли» (1957 г.). Основной акцент сделан на личной трагедии главной героини, а ее служба в госпитале – это временное решение в период войны. Но, заботясь о раненых солдатах, медсестра Вероника тем самым демонстрирует раскаяние, свою покорность и принятие сложившейся ситуации.

В фильме «Поезд милосердия» (1964 г.) показаны разные архетипы героинь-медицинских сестер: холодная и немногословная операционная сестра Юлия Дмитриевна и очаровательные, ранимые Фаина и Лена Огородниковы. За годы войны военно-санитарные поезда перевезли миллионы раненых и больных. Это были мобильные госпитали, где врачи и медсестры у операционных и перевязочных столов зачистую под обстрелом спасали жизни людей.

Медсестра Шура из киноленты «Батальоны просят огня» (1985 г.) символизирует отвагу, храбро идет на разведку наравне с бойцами, сама называет себя солдатом, но при этом заботится о сослуживцах, оказывая первую помощь прямо под обстрелом.

В советском кинематографе есть другие фильмы, в которых раскрывается характер героинь (медицинских сестер) во время Великой отечественной войны: «Машенька» (1942 г.), «Горячий снег» (1972 г.), «На всю оставшуюся жизнь» (1975 г.).

Роль медицинской сестры раскрывается не только в военной тематике. В фильмах «Счастливая, Женька!» (1984 г.), «Под знаком Крас-

Рис. 3. Кадр из фильма «Поезд милосердия», реж. И. Хамраев, 1964 г.

Рис. 4. Кадр из фильма «Батальоны просят огня», реж. А. Боголюбов, В. Чеботарев, 1985 г.

ного Креста» (1987 г.) в образах героинь, самоотверженных и трудолюбивых, показана неисчерпаемость и глубина их внутреннего мира. Что еще объединяет всех этих героинь? Глубокая связь с народом, осознание личной ответственности, переплетение собственной истории с трагедией, которая постигла все общество. С точки зрения применения социальных технологий и влияния на общественные настроения, представленные героини служат требуемым образцом поведения в чрезвычайных условиях.

Подводя промежуточные итоги оценки образа медицинской сестры в советском кинематографе, приведем высказывание кинокритика, социолога Д.Б. Дондурей: «Советская власть была дальновидна. Она понимала: формирование человека – это не только очевидная пропаганда, но и программирование человека при помощи культуры»¹. На примере киногероинь-медсестер в общественном сознании закладывались необходимые установки: медицина как особый тип служения, помощь людям – призвание, самоотверженность и героизм во благо общества.

После распада СССР отечественный кинематограф развивался совершенно в иных социокультурных условиях: постепенно менялись сюжетные линии, стиралась патриотическая тематика, на первый план вышли темы материальных благ и сексуальной раскрепощенности. Одна из ярких работ, в которой главным персонажем является медицинская сестра, – фильм «Только для сумасшедших» (1990 г.). Главная героиня этого фильма запуталась в жизни, отступив от нравственных принципов, но ее образ вызывает сочувствие, так как в обстановке морального релятивизма оказалось целое поколение. Кинематограф подчеркнул тот факт, что общество осталось без социально-духовных ориентиров. Трансформация ценностных установок показана в эпизоде, где дочь главной героини, медицинской сестры Риты, говорит: «Раньше это называли грехом».

В 1990-х – начале 2000-х гг. интерес к западной культуре, к жанрам, несвойственным советскому кино, только возрастал. В США начали выходить культовые медицинские сериалы «Скорая помощь», «Клиника», «Анатомия страсти», «Доктор Хаус», и подражание, отчасти копирование, привели к созданию в России в 2010-х гг. таких проектов как «Склифосовский», «Дневник доктора Зайцевой», «Тест на беременность». Одним из самых успешных отечественных сериалов стал ситком «Интерны», портрет старшей медсестры терапии Л.М. Скрыбиной – одним из самых узнаваемых в стране.

Учитывая популярность сериала, который выходил с 2010 по 2016 г., образ яркой, решительной, задорной и болтливой медсестры Любы

---

¹ Шигарева Ю. Даниил Дондурей: «Основные потребители кино в России – девочки 12–17 лет» // АиФ. 2014. № 6. А теперь живем по олимпийскому времени 05.02.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://aif.ru/culture/person/1097101> (дата обращения 24 августа 2022).

Рис. 5. Афиша фильма «Только для сумасшедших», реж. А. Ихо, 1990 г.

Рис. 6. Кадр из сериала «Интерны», реж. З. Болотаев, М. Килибарда, Р. Новикова, Д. Штурманова, М. Пежемский, Е. Невский, К. Седухин, 2010–2016 гг.

мог в большой степени повлиять на формирование общественного мнения о работе среднего медицинского персонала:

Люба, Анастасия Константиновна – все персонажи сериала подобраны идеально. Прототипов нередко встречаешь в жизни².

Но с чего смеемся мы в России? Что нас больше всего может насмешить до слез? Правильно – реальность! Потому что именно тут описаны ситуации, которые зачастую происходят в отделениях. <...> На посту всегда есть своя Люба, одинокая, но зачастую гипер-общительная женщина за 45, без детей. Она выступает в роли сплетницы всей больницы³.

Замечательное исполнение своей роли принадлежит медсестре Любе, которая при видимой незначительности своей должности активно влияет на жизнь и здоровье больничного климата. Простая русская женщина, умудренная житейским опытом и смекалкой, в поисках мужа, привносит в повествование, со свойственным ей сумбуром, своего рода и определенную упорядоченность⁴.

² Отзыв о сериале «Интерны» [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/review_149150.html (дата обращения 24 августа 2022).

³ Отзыв о сериале «Интерны» [Электронный ресурс]. URL: <https://irecommend.ru/content/interny-chno-iz-seriala-realnost-chno-vydumka-mnenie-cheloveka-kotoryi-varilsya-v-meditsinsk> (дата обращения 24 августа 2022).

⁴ Отзыв о сериале «Интерны» [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/review_5674359.html (дата обращения 24 августа 2022).

Анализ современного кинематографа позволяет заметить, что сюжеты и персонажи более реалистичны, чем в советский период, но для формирования положительного имиджа профессии этого недостаточно, необходимо вводить более глубокие образы, демонстрирующие положительные деловые и личностные качества персонажей. Приведем результаты исследования А.В. Голенкова и О.Л. Семеновой, в котором были проанализированы 40 художественных фильмов отечественного и зарубежного производства и 86 персонажей – медицинских сестер, фельдшеров, младшего медицинского персонала [Голенков, Семенова 2016]. Авторы исследования оценили профессиональные качества действующих лиц, их этические установки. Герои имеют необходимые психологические качества (способность к эмпатии, саморефлексии, уверенность в себе и др.). Ярко представлены чувства, которые испытывают во время работы медицинские сестры: ответственность (19 чел.), сострадание (30 чел.), трудолюбие (39 чел.), доброжелательность (34 чел.), внимательность, стремление к порядку, терпение (50 чел.), чуткость (48 чел.). У 77 героев фильмов из 86 преобладали положительные качества. Медсестры опрятны, аккуратны, безупречно выглядят, не имеют вредных привычек.

Заключение

Подводя итоги, можно подтвердить, что кинематограф оказывает сильное влияние на идеологию и формирует общественное мнение. Аудитории предлагается понять и пережить ценностные ориентиры персонажей, возможно, изменить, скорректировать габитус. В основе анализа представленных в данной статье фильмов лежат: 1) целенаправленный выбор популярных, относящихся к массовой культуре кинолент; 2) необходимость признания взаимосвязи между режиссерским замыслом и интерпретацией зрителей. Анализ источников показывает, что в советское время в большинстве кинопроизведений образ медицинских сестер подается как благородный, с особым путем служения, с высокими идеалами; этот образ целенаправленно конструируется. В постсоветское время с усилением влияния западной культуры, сменой ценностных ориентиров и отсутствием строгого контроля со стороны государства как заказчика на передний план выходят приземленные персонажи, не несущую воспитательную функцию. Сестринское дело – это центральная специальность в здравоохранении с точки зрения этики и морали, поэтому образ именно этой профессии подлежит особому выстраиванию и оценке. В этом случае кинематограф может послужить эффективным инструментом формирования в массовом сознании положительного образа, позволяющего во многом усилить позитивное самовосприятие самих медицинских сестер, повысить их имидж в обществе и, как следствие, – привлечь большее количество талантливых кадров в сферу здравоохранения.

Литература

- Голенков, Семенова 2016 – *Голенков А.В., Семенова О.Л.* Медсестра как действующее лицо кинофильма // Медицинская сестра. 2016. № 8. С. 39–42.
- Кондаков 2016 – *Кондаков И.В.* Культурное наследие: действительное и мнимое // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 2 (11). С. 9–16.
- Мелконян 2010 – *Мелконян К.Ю.* Киноискусство как фактор формирования социокультурного пространства современного общества // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 66. С. 259-263 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinoiskusstvo-kak-faktor-formirovaniya-79-sotsiokulturnogo-prostranstva-sovremennogo-obschestva/viewer> (дата обращения 15 мая 2022).
- Сенникова, Савельева 2017 – *Сенникова В.В., Савельева Е.Н.* Образ героя в отечественном кинематографе: от образцовой модели соцреализма к неопределенности постсоветского времени // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 27. С. 251–262.

References

- Golenkov, A.V. and Semenova, O.L. (2016) "A nurse as a character in a movie", *Meditsinskaya sestra* [Nurse], no. 8, pp. 39–42.
- Kondakov, I.V. (2016), "Cultural heritage. Real and imaginary", *RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural studies. Oriental studies* Series, no. 2 (11), pp. 9-16.
- Melkonyan, K.Yu. (2010), "Film art as a factor in the formation of the socio-cultural space of modern society", *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 66, pp. 259-263, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinoiskusstvo-kak-faktor-formirovaniya-79sotsiokulturnogo-prostranstva-sovremennogo-obschestva/viewer> (Accessed 15 May 2022).
- Sennikova, V.V. and Savelyeva, E.N. (2017), "The image of the hero in Russian cinema. From the exemplary model of socialist realism to the uncertainty of the post-Soviet period", *Tomsk State University Journal*, no. 27, pp. 251-262.

Информация об авторе

Елизавета О. Нечаева, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; neo88@bk.ru

Information about the author

Elizaveta O. Nechaeva, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; neo88@bk.ru

УДК 7.04(47)

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-112-124

Восприятие иностранцами русского изобразительного искусства в XVI–XVII столетиях

Валентин Д. Черный

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tchernie@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются общие подходы к восприятию иностранцами русского изобразительного искусства в средневековой России с конца XV по XVII в. Восстановление единого русского государства открывало широкие возможности для разнообразных контактов с европейскими странами. Приезжавшие из Европы в Россию с различными миссиями представители разных стран формировали свое представление о незнакомом им государстве, в том числе о его художественной культуре. Изобразительное искусство редко попадало в сферу внимания путешественников, которых из-за вероисповедания, как правило, не допускали в православные храмы. В результате складывались устойчивые стереотипы о низком художественном качестве икон и об отношении русских к ним как объектам языческого поклонения. Только немногие из путешественников, получавшие прямой доступ к лучшим произведениям и соответствующие пояснения, могли по достоинству оценить художественные достоинства икон как произведений искусства. Наряду с иконами, по свидетельству зарубежных авторов, уже начиная с конца XV в. начинают входить в обиход и портретные изображения. Несмотря на разные основы и традиции древнерусского и европейского искусства, тесное взаимодействие стран неминуемо приводило к общему пониманию задач и форм художественного творчества.

Ключевые слова: иностранец, восприятие, древнерусское искусство, изображение, икона, рисунок, гравюра, скульптура, образ, композиция

Для цитирования: Черный В.Д. Восприятие иностранцами русского изобразительного искусства в XVI–XVII столетиях // Вестник РГГУ. Серия «Филология. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 112–124. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-112-124

© Черный В.Д., 2022

Foreigners' perception of Russian artwork in the 16th–17th centuries

Valentin D. Chernyi

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, tchernie@rambler.ru*

Abstract. The article considers general approaches to the perception of Russian artwork by foreigners in medieval Russia from the end of the 15th to the 17th century. The establishment of a unified Russian state made ways for establishing various contacts with European countries. Representatives of different countries who came from Europe to Russia on various missions formed their own idea of the unfamiliar state, including its artistic culture. Artwork rarely came to the attention of travelers, who, due to the difference of religion, were usually not allowed into Orthodox churches. As a result, stable stereotypes were formed about the low artistic quality of icons and about the attitude of Russians to them as objects of pagan worship. Only a few of travelers, who got direct access to the best works and relevant explanations, could appreciate the artistic merits of icons as works of art. Along with icons, according to the testimony of foreign authors, since the end of the 15th century, portrait images also began to come into use. Despite the different foundations and traditions of ancient Russian and European art, the close interaction of the countries inevitably led to a common understanding of the tasks and forms of artistic work.

Keywords: foreigner, perception, ancient Russian art, image, icon, drawing, engraving, sculpture, image, composition

For citation: Chernyi, V.D. (2022), "Foreigners' perception of Russian artwork in the 16th–17th centuries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 112–124, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-112-124

После восстановления русской государственности в конце XV в. в Европе возник устойчивый интерес к державе, возникшей на ее восточных границах. В Россию хлынул поток дипломатических и торговых миссий, миссионеров и отдельных путешественников, имевших различные намерения. В государстве, стремившемся утвердиться на международной арене, были востребованы специалисты в разных сферах, в том числе в архитектуре, изобразительном искусстве и ремеслах [Хорошкевич 1980, с. 222–252]. Разумеется, что писавшие о России зарубежные авторы, передававшие свои впечатления об экзотической для них стране или использовавшие чужие источники информации, не могли обойти тему, связанную с художественным творчеством, в том числе с древнерусской живописью. Эта проблематика бегло затрагивалась в научной литературе, главным образом как часть религиозного культа русского населения. В таком плане осуществлена и специальная работа В.В. Лепехина о почитании икон русскими

и иностранцами. Автор рассмотрел высказывания некоторых иностранцев XVI–XIX вв. об отношении к иконам в России в одном из разделов своей книги [Лехахин 2005, с. 277–474]. На наш взгляд, важно оценить и восприятие европейцами произведений русского средневекового искусства как явления художественной культуры.

Пережившая эпоху Высокого Возрождения Европа еще не была готова к адекватной оценке основанного на традиции и зависимого от особенностей вероисповедания древнерусского средневекового искусства. Древнерусские изображения чаще всего ассоциировались с иконами и их почитанием. Как писал Рафаэль Барберини, «московитяне... весьма суеверны в живописи и изображении святых»¹. Такая точка зрения доминировала среди иностранцев. Все зарубежные авторы отмечают исключительно благоговейное отношение русских к своим иконам и наличие ряда непреложных требований к ним. Свою формулу «русской веры» вывел английский аристократ Чарльз Корлайл:

...призывания святых и поклонения иконам, то это так распространено у Москвитян... составляет *главную часть* их веры².

Примерно в том же ключе с некоторым дополнением высказался и польский дворянин Станислав Немоевский:

У этих людей вся религия в колоколах и образах³.

Английский врач Сэмюэл Коллинс пришел к выводу, что главное украшение русского храма «состоит в иконах, осыпанных драгоценными камнями и жемчугами»⁴.

Об изобилии в русских храмах «изображений святых» высказывался англичанин Климент Адамс⁵. Некоторые из иноземцев, хотя и бегло, видели иконы своими глазами. Немецкий натуралист Энгельберт Кемпфер с удивлением заметил множество икон в одной из сло-

---

¹ [Барберини Р.] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын Отечества. 1842. № 6. Кн. 6. С. 6.

² [Карлайл К.] Описание Московии при реляциях гр. Карлейла // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 30.

³ Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И.А. Вахромееву. М.: Изд. И.А. Вахрамеева, 1907. Вып. 6. С. 30.

⁴ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложение в письме другу, живущему в Лондоне // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. Кн. 1. Отд. 3. С. 10.

⁵ Адамс К. [Путешествие англичан в Москву] / Пер. с лат. и предисл. И. Тарнавы-Боричевского // Журнал министерства народного просвещения. 1838. Ч. 20. № 10. Отд. 2. С. 35–64.

бодских церквей, «которая была хотя и не очень велика, но заключала более 800 икон»⁶. Многочисленные изображения, по свидетельству голландца Бальтазара Коэтта, украшали и отдельные части церквей. В одном из сел он увидел «красивую и изящную» церковь, «какой я среди деревянных еще не видывал», дверь которой «была украшена массой картин»⁷. Естественно, европейцы вполне осознавали принадлежность русских христиан Восточной церкви. Англичанин Ричард Ченслер счел нужным подчеркнуть, что они «соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слыхано»⁸. В русле таких представлений трактовался и подход местного населения к иконам. Папский легат Антонио Поссевино отметил «исключительную скромность и строгость» подхода русских к написанию икон и обязательность славянской надписи к изображению⁹. «Они не почитают и не уважают икон, помимо тех, которые написаны русскими или греками, как бы другие нации ни приготавливали их прекрасно и искусно. Как будто религия мастера могла бы перенестись и иконе!» – писал немецкий путешественник Адам Олеарий¹⁰.

Отдельный вопрос, которого касались иностранцы, оценивая особенности русской живописи, – вид, в каком она должна была предстать перед верующими, и ее назначение. Самые пронизательные из них оперировали объяснением представителями местных жителей, что «начертания и образы их икон установлены от бога, не как у нас»¹¹. Несколько утрируя реальное положение дел, европейские авторы повторяли тезис о неприятии в России рельефных изображений, чтобы не погрузиться в идолопоклонство, а допущение только представленных на плоскости. Об этом одним из первых сообщил Ченслер:

В их церквах нет высеченных изображений, но только писаные, дабы не нарушать заповеди; но к своим писаным иконам они относятся с идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали¹².

---

⁶ [Кемпфер Э.] Извлечения из рукописного дневника Кемпфера // Барон Мейерберг и его путешествие по России. СПб.: Тип. Карла Края, 1827. С. 359.

⁷ Койэтт Б. Посольство Конрада Фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / Подг. А. Ловягин. СПб.: Археографическая комиссия, 1900. С. 374.

⁸ Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.: Печатный двор, 1938. С. 64.

⁹ Поссевино А. Историческое сочинение о России XVI в. М.: МГУ, 1983. С. 211.

¹⁰ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. С. 281.

¹¹ Ченслер Р. Указ. соч. С. 64.

¹² Там же.

Сходные точки зрения можно найти и в сочинениях других авторов¹³. При этом, отмечают некоторые из них, каждый образ должен быть подписан по-русски или по-гречески, «потому что иконы без таких надписей будут приняты за идолов»¹⁴. Представление об уподоблении русскими икон идолам было весьма распространенным среди иностранцев. В частности, Джайльс Флетчер с возмущением упрекнул русских в «ужасном идолопоклонстве», которое выражалось в том, «что они чтят свои образа, как бы самого Бога»¹⁵.

Иначе трактовал отношение местного населения к иконам Фабри, заявивший:

не сыскать среди московитов ни одного, который, пользуясь священными образами как памятниками [веры], поклонялся бы им, а в Писании нет такого места, которое бы не позволяло или запрещало пользоваться сими памятниками...¹⁶.

Некоторым из путешественников удавалось получить ответ о роли икон в их религиозной жизни непосредственно от москвичей. В путевых заметках Георга Шлейсингера, немецкого литератора (80-х гг. XVII в.), помещен их ответ на подобный вопрос:

Мы называем богами не сами иконы, а тех, кто на иконах изображен...¹⁷.

Касаясь вопроса об иконных изображениях, иностранцы в подавляющем большинстве не имевшие доступа в православные храмы, обычно довольствовались слухами, бытовавшими в их среде. Основная часть европейских авторов называла самым почитаемым на Руси святым Николая Мирликийского. По словам Рафаэля Барберини, «они... поклоняются одному святому Николаю, почти не упоминая о

¹³ *Адамс К.* Указ. соч. С. 62; [*Карлайл К.*] Указ. соч. С. 30; *Койэтт Б.* Указ. соч. С. 47.

¹⁴ [*Тедальди Д.*] Известия Джованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного / [Пер., предисл. и примеч. Е.Ф. Шмурло] // Журнал министерства народного просвещения. 1891. № 5. С. 135.

¹⁵ *Флетчер Д.* О государстве русском (Of the Russe Common Wealth). [Печат. по изд. 1911 г. с пер. кн. М.А. Оболенского]. М.: Захаров, 2002. С. 109.

¹⁶ *Фабри И.* [Религия московитов] // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 196.

¹⁷ *Шлейсингер Г.А.* Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеича и Петра Алексеича / [Пер. по рукописи с нем.] // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 120.

других Божьих угодниках»¹⁸. Примерно такой же точки зрения придерживались многие из европейских путешественников¹⁹.

Наряду со святым Николаем, в записках отдельных авторов фиксируется огромное внимание москвитов к образу Богоматери. Кемпфер, заглянувший в одну из сельских церквей и увидевший в ней сотни икон, признал в половине из них образы Богоматери²⁰. Более обстоятельно в вопросе о статусе Николы в иерархии ценимых на Руси святых разобрался Поссевино:

Они (русские) называют святого Николая... творцом чудес. Однако они почитают его не до такой степени, чтобы сравнивать с Христом или считать самым значительным из святых – разве только кто-нибудь, неосведомленный в истинном положении дел, ошибется в этом²¹.

Конечно, самым сведущим в русском иконописании был православный священник из Антиохии Павел Алеппский, оставивший в своем сочинении лаконичные и точные характеристики ряда культовых изображений²².

До оценок художественных достоинств русской средневековой живописи иностранцы доходили нечасто, да и высказывались по-разному. Например, Коллинс категорически не приемлет художественного творчества москвитов. По его словам,

...иконописание [есть] самое безобразное и жалкое подражание греческой живописи. Когда я спросил, для чего Русские изображают богов своих такими уродливыми, мне отвечали, что они не горды²³.

Почти дословно его повторяет другой автор: «Иконы у русских пишутся по греческому образцу, но более грубо и очень некрасиво», и добавляет: «Самые прекрасные их картины не лучше тех, что рисуют у нас на печах красной охрой и испанскими белилами»²⁴.

---

¹⁸ [Барберини Р.]. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ [Кобенцель И.] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // Журнал министерства народного просвещения. № 9. 1842. С. 136; Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: МГУ, 1990. С. 260; Ламартиньер П.М., де. Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев, со многими рисунками. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. С. 141 слл.

²⁰ [Кемпфер Э.] Указ. соч. С. 359.

²¹ Поссевино А. Указ. соч. С. 29.

²² Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005.

²³ Коллинс С. Указ. соч. С. 10.

²⁴ Ламартиньер П.М., де. Указ. соч. С. 128, 156.

Совсем иначе о русских иконах отзывались иностранцы, которые имели возможность непосредственно ознакомиться с этими необычными для них произведениями. Католический богослов Иоганн Фабри сумел рассмотреть иконы, которые брал в зарубежную поездку русский посол. Особенно он выделил образ Богоматери «дивной красоты», которая была написана «по подобию» иконы, созданной якобы апостолом Лукой²⁵. Вероятно, речь шла об иконе «Владимирской» Богоматери. Возможность увидеть лучшие московские иконы получил и Мартин Груневег из Варшавы. Познакомившись с придворным художником, он смог внимательно рассмотреть образцы произведений из великокняжеской казны и кремлевских монастырей, о которых оставил восторженные отзывы. «Ни один народ не рисует таких изящных вещей, как москвиты. Это невозможно описать», – восклицает Груневег. Особенно ему приглянулись изящные миниатюрные настенные образки, изготовленные из меди и написанные масляными (?) красками²⁶. В свою очередь голландский политик Николаас Витсен, допущенный в собор Иверского монастыря был пленен «великолепными позолоченными иконами», по его словам, «не уступающими нашим шедеврам»²⁷.

С интересом иностранцы отнеслись и к доступным им изображениям одного из самых популярных в России святых, Николая. Как заметил Поссевино, его образы могли быть не только на иконах, но и в виде изваяний. Подобную скульптуру он видел недалеко от Новгорода²⁸. Один из таких же примечательных образов, находившийся в надвратной часовне в Можайске, описал польский военачальник Станислав Жолкевский. Фигура Николы была вырезана из дерева в полный рост, облачена в ризы из шелка, усыпана золотыми и серебряными пластинками, а его лицо выражало «более строгость, нежели доброту»²⁹. Таким образом, опровергается популярный тезис сочинений иностранцев о недопустимости скульптуры в древнерусском изобразительном искусстве. Более того, прямых запретов на этот счет со стороны русской Церкви не было [Успенский 1989, с. 19]. Другое дело, рельефные и горельефные изображения должны были помещаться в киоты или ниши. Они не предполагали кругового осмотра и обретали статус обычных икон.

---

²⁵ Фабри И. Указ. соч. С. 196.

²⁶ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники ист. мысли, 2013. С. 216.

²⁷ Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб.: Симпозиум, 1996. С. 196.

²⁸ Поссевино А. Указ. соч. С. 29.

²⁹ Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне / [Публ., пер. по рукописи с польск., предисл. и примеч. П.А. Муханова]. 2-е изд. СПб.: Тип. Э. Праца, 1871. С. 214.

Дополнительным препятствием знакомства иностранцев с русскими иконами зачастую были оклады разного типа, закрывавшие значительную часть их поверхности. На это, в частности, указывал Павел Алеппский, сопровождавший патриарха Макария Антиохийского, имевший доступ к любому храму. Павел не всегда мог рассмотреть иконы, поскольку на них «ничего не видно кроме рук и лика, да с трудом можно заметить частичку одеяния, все же остальное – толстое чеканное серебро с чернью»³⁰. Об обильном украшении икон золотом и драгоценными камнями, препятствовавшими их рассмотрению, дьякон писал в других местах своего сочинения³¹.

В отдельных случаях иностранцы пытались разобраться в некоторых особенностях построения композиции в древнерусской живописи, в частности, в иерархии изобразительного пространства. Олеарий, со слов русского посла Петра Микляева, справедливо связал порядок расположения персонажей в картине Страшного суда с крестным знаменем – «благочестивых» справа от центра, а «злых» слева³². Таннер же попытался проверить на практике, как русский священник перенесет крестное знамение на бумагу. Чешский путешественник привел испытуемого в замешательство, когда перекрестившись, поп начертил крест в зеркальном знаменному виде³³. Объяснение кажущегося противоречия кроется в принятом порядке пространственной организации в русской средневековой живописи рассматривать сцены с позиции внутреннего, а не наружного наблюдателя [Успенский 1973, с. 137–145].

Иногда авторы сообщают об изображениях лиц, прямо не связанных с верой – рисунках и парсунах великих князей и патриархов. Создание и использование их портретных изображений относится к концу XV в. В 1469 г. в Италию был отправлен посол Иван Фрязин (Джан Баттиста Вольпе) для переговоров о женитьбе Ивана III на Софье Палеолог и наказом привезти ее изображение («а царевну на иконе написану принесе»³⁴). Должно быть, тогда же могло появиться изначально карандашное изображение Ивана III. Д.А. Ровинский считал, что это было обусловлено желанием Софьи также получить визуальное представление о личности русского правителя³⁵. О каком-то изображе-

---

³⁰ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 336.

³¹ Там же. С. 376–377, 428–429, 436 и др.

³² Олеарий А. Указ. соч. С. 274–275.

³³ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат., примеч. и прил. И. Ивакина // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1891. Кн. 3. Отд. 3. С. 106.

³⁴ Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 418–420.

³⁵ Ровинский Д.А. Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1882. С. 3.

нии великого князя Василия III, привезенном в Италию русским послом Дмитрием Герасимовым, упомянул Павел Йовий. Он же заявил о намерении представить данный «портрет» в издании своего сочинения³⁶. Вероятно, именно этот «портрет» Василия III, переведенный в гравюру, чего требовали условия книжной печати, широко известен по публикации 1575 г. второго тома «Космографии» Андре Теве³⁷. В отличие от «прямоличного» погрудного изображения из собрания Павла Йовия, еще одна гравюра, выполненная немцем Августином Хиршфогелем, использованная в издании записок о Московии Сигизмунда Герберштейна 1547 г., позволяет увидеть того же Василия III в полный рост, в профиль, сидящим на троне. Все перечисленные образцы были признаны Д.А. Ровинским «достоверными», т. е. восходящими к натурным рисункам. Уже от них пошли многочисленные вариации, которые широко распространились в Европе.

Вероятнее всего первые изображения русских государей выполнялись иностранными художниками, имевшими соответствующие навыки. На это указывают и ракурсы, под которыми модели показаны. Согласно традиционным представлениям русских иконописцев, «фасовое изображение приличествует только одному Богу» [Флоренский 1993, с. 143–144]. В профиль же в древнерусской живописи было принято изображать только отрицательных персонажей [Бобров 1995, с. 114]. Разумеется, русские иконописцы не посмели бы использовать в своем воспроизведении образа государя ни один из таких ракурсов. В то же время в окружении великого князя уже допускалось натурное изображение человека, хотя и ограниченного круга лиц. К середине XVI столетия практика изображения живого царя и «народов» настолько вошла в обиход иконописцев, что Стоглавый собор 1551 г. был вынужден признать за художниками такое право³⁸.

О серии парсун русских патриархов, написанных по распоряжению Никона в середине XVII в. для своей дворцовой церкви, сообщил Павел Алеппский. Седьмым, и последним в этом ряду, стал «портрет» самого Никона «точь-в-точь как он есть»³⁹. Такие же требования, как при создании портретных изображений, автор предъявляет и к иконам. Он не видел ничего плохого в том, что украинские «живописцы заимствовали красоты живописи лиц и цвета одежд от франкских и ляшских живописцев-художников и теперь пишут православные образа, будучи обученными и искусными»⁴⁰. Отмеченные архидиаконом

³⁶ *Йовий П.* Описание прославленных мужей // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. М.: Русский мир, 1997. С. 354.

³⁷ *Ровинский Д.А.* Указ. соч. С. 3.

³⁸ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая лит., 1985. С. 304.

³⁹ *Павел Алеппский.* Указ. соч. С. 491.

⁴⁰ Там же. С. 152.

тенденции, увиденные им в «земле казаков» в XVII в., затронули всю русскую живопись – как зарождающуюся светскую, так и активно развивающуюся культовую, которая также ориентировалась на образцы западноевропейского искусства [Бусева-Давыдова 2008, с. 246].

Войдя в конце XV столетия в контакт с Россией и активно с ней сотрудничая, европейцы вольно или невольно соотносили художественное творчество своих стран с работами местных ремесленников и художников. Этим во многом объясняется предвзятое отношение основной части путешественников к древнерусскому изобразительному искусству. Не имея прямого доступа к храмам и предъявляя к увиденным ими иконам иные критерии оценки, они получали зачастую искаженное представление о древнерусском искусстве. Только немногие из них, имевшие прямой доступ к лучшим произведениям и соответствующие пояснения, могли оценить художественные достоинства икон. Немаловажны и попытки отдельных иноземных авторов разобраться с основами построения композиции в средневековом изобразительном искусстве. Несмотря на разные основы и традиции древнерусского и европейского искусства, тесное взаимодействие стран неминуемо приводило к общему пониманию задач и форм художественного творчества.

Источники

- Адамс К.* [Путешествие англичан в Москву] / Пер. с лат. и предисл. И. Тарнавы-Боричевского // Журнал министерства народного просвещения. 1838. Ч. 20. № 10. Отд. 2. С. 35–64.
- [*Барберини Р.*] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын Отечества. 1842. № 6. Кн. 6. С. 3–16.
- Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665 / Пер. со староголланд. В. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники ист. мысли, 2008. Т. 1. 776 с.; Т. 2. 656 с.
- Груневег М.* (отец Венцеслав): духовник Марины Мнишек [Текст]: записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники ист. мысли, 2013. 384 с.
- Жолкевский С.* Записки гетмана Жолкевского о Московской войне / [Публ., пер. по рукописи с польск., предисл. и примеч. П.А. Муханова]. 2-е изд СПб.: Тип. Э. Праца, 1871. 306 с.
- Йовий Павел.* [Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VIII] // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 226–306.
- Йовий П.* Описание прославленных мужей // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 353–357.

- [*Карлайль К.*] Описание Московии при реляциях гр. Карлайля / Пер. с франц. с предисл. и примеч. И.Ф. Павловского // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 1–46.
- [*Кемпфер Э.*] Извлечения из рукописного дневника Кемпфера // Барон Мейерберг и его путешествие по России. СПб.: Тип. Карла Края, 1827. С. 321–372.
- [*Кобенцель И.*] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // Журнал министерства народного просвещения. № 9. 1842. С. 128–153.
- Койэт Б.* Посольство Конрада Фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдорову Алексеевичу / Подг. публ. А. Ловягина. СПб.: Археографическая комиссия, 1900. 841 с.
- Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложение в письме другу, живущему в Лондоне. Сочинение С. Коллинса, который девять лет провел при дворе Московском и был врачом царя Алексея Михайловича / Пер. с англ. П.В. Керевского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. Кн. 1. Отд. 3. С. III–VIII, 1–4.
- Колло Франческо, да.* Доношение о Московии: Итальянец в России XVI века. М.: Наследие, 1996. 84 с.
- Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини в России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 210–234.
- Ламартиньер П.М., де.* Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев, со многими рисунками. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. 229 с.
- Немоевский С.* Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И.А. Вахромееву. М.: Изд. И.А. Вахромеева, 1907. Вып. 6. С. I–XII, 1–297.
- Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 398–435.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
- Павел Алеппский* (архидиакон). Путешествие Антохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2005. 728 с.
- Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983. 271 с.
- Ровинский Д.А.* Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1882. 20 с.
- Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. С. 241–402.
- Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат., примеч. и прил. И. Ивакина // Чтение в обществе истории и древностей российских. 1891. Кн. 3. Отд. 3. С. I–XI, 1–203.
- [*Тедальди Д.*] Известия Джованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного / [Пер., предисл. и примеч. Е.Ф. Шмурло] // Журнал министерства народного просвещения. 1891. № 5. С. 121–146.

- Турбервилль Дж.* Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Горсей Джером. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина; Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: МГУ, 1990. С. 245–275. (Прил. II)
- Фабри И.* [Религия московитов] // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 143–216.
- Флетчер Д.* О государстве русском (Of the Russe Common Wealth). [Печат. по изд. 1911 г. с пер. кн. М.А. Оболенского]. М.: Захаров, 2002. 176 с.
- Ченслер Р.* Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны / [Пер. с англ. Ю.В. Готье] // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.: Печатный двор, 1938. С. 55–66.
- Шлейссингер Г.А.* Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича / [Пер. по рукописи с нем.] // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 105–126.

Литература

- Бобров 1995 – *Бобров Ю.Г.* Основы иконографии древнерусской живописи. СПб.: Мифрил, 1995. 256 с.
- Бусева-Давыдова 2008 – *Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008. 364 с.
- Лепяхин 2005 – *Лепяхин В.* Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М.: Паломник, 2005. 477 с.
- Успенский 1973 – *Успенский Б.А.* «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Сборник по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 137–145.
- Успенский 1989 – *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. М.: Московский Патриархат, 1989. 474 с.
- Хорошкевич 1980 – *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. 294 с.
- Флоренский 1993 – *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 340 с.

References

- Bobrov, Yu.G. (1995), *Osnovy ikonografii drevnerusskoi zhivopisi* [Fundamentals of the Iconography of Old Russian Painting], Mifril, Saint Petersburg, Russia.
- Buseva-Davydova, I.L. (2009), *Kultura i iskusstvo v epokhu peremen. Rossiya semnadsatogo stoletiya* [Culture and Art in the Age of Change. Russia of the seventeenth century], Indrik, Moscow, Russia.
- Florensky, P.A. (1993), *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh* [Analysis of Spatiality and Time in Artistic Pictorial Works], Progress, Moscow, Russia.
- Lepakhin, V. (2005), *Ikona i ikonopochitanie glazami russkikh i inostrantsev* [The icon and icon-worship through the eyes of Russians and foreigners], Palomnik, Moscow, Russia.

- Khoroshkevich, A.L. (1980), *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhduнародnykh otnoshenii kontsa XV – nachala XVI v* [The Russian state in the system of international relations of the late 15th – early 16th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Uspenskii, B.A. (1973), “‘The Right’ and ‘The Left’ in Iconic Representation”, *Sbornik po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Selections on Secondary Modeling Systems], Tartu, pp. 137-145.
- Uspenskii, L.A. (1989), “The Theology of the Icon in the Orthodox Church”, Moskovskii Patriarhat, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валентин Д. Черный, доктор культурологии, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tchernie@rambler.ru

Information about the author

Valentin D. Chernyi, Dr. of Sci. (Cultural Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tchernie@rambler.ru

Герои и ничтожества,
или Телевидение против скульптуры:
визуальная антропология Ербосына Мельдибекова

Андрей Н. Фоменко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, st802682@spbu.ru*

Аннотация. В 2001 г. казахстанский художник Ербосын Мельдибеков создал работу «Пастан» – видеоперформанс, в котором автора методично избивают, попутно осыпая оскорблениями. «Пастан» стал первой частью цикла, демонстрирующего четыре разных сценария с участием униженного и страдающего субъекта. Этот персонаж демонстрирует регресс к первичному состоянию, оказываясь в одном ряду с другими живыми существами и даже неодушевленными предметами. Антропологической и психологической аскезе этих работ соответствует их подчеркнута аскетичное формальное решение, восходящее к неоавангарду 1960–1970-х гг. Основным медиумом здесь также выступает тело художника, почти освобожденное от атрибутов социокультурной идентичности. Однако, в отличие от «классиков», Мельдибекова интересуют не столько границы искусства, сколько границы человеческого. В целом его работы образуют визуальную антропологию, основанную на двух полюсах. На первом – монументальные и триумфальные формы, в которых выражает себя политическая власть, использующая эстетические механизмы, чтобы вознестись над человеческой природой. Ирония состоит в том, что как раз подобные монументы оказываются у Мельдибекова символами эфемерности. На противоположном полюсе мы обнаруживаем то, над чем возвышается власть, но что неизбежно образует ее субстрат, – бrenную плоть, расходный материал истории. Герой видеоперформансов – антипод героя памятника: он жалок и немонументален. Но в нем гораздо больше стойкости, он упорно держит удары судьбы и сломить его не так просто.

Ключевые слова: видео, современное искусство Казахстана, пастораль, миметическое желание, неоавангард, индекс, телевидение, памятник, концептуализм, Центральная Азия

Для цитирования: Фоменко А.Н. Герои и ничтожества, или Телевидение против скульптуры: визуальная антропология Ербосына Мельдибекова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 125–145. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-125-145

The Heroes and Nonentities, or Television versus sculpture. Yerbossyn Meldibekov's visual anthropology

Andrei N. Fomenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, st802682@spbu.ru

Abstract. In 2001 Meldibekov created the work called *Pastan* – a video-performance in which the author is being methodically beaten and insulted in the process. *Pastan* is the first in the series that show four different scenarios involving a humiliated and suffering subject. That character represents regression to some kind of a primary state, assimilation with other living creatures and even inanimate objects. This anthropological and psychological ascesis is in line with the formal treatment of the video-performances, going back to the neo-avant-garde of the 1960s and 1970s. The main medium here is also the body of the artist, almost free of any trappings of sociocultural identity. However, unlike the “classics”, Meldibekov is interested not so much in the boundaries of art as in the boundaries of humanity. In general, his works form a visual anthropology based on two poles. On the one hand, one can see monumental and triumphant forms in which political power is expressing itself, using esthetic mechanisms to rise vainly above the perishable human nature. But ironically, it is these monuments that Meldibekov sees as a symbol of the ephemeral. On the opposite pole one can see something over which power rises, but which inevitably forms its substrate, its perishable flesh, the expendable of history. The character in those video-performances is an antipode to the hero of a monument: he is miserable and unmonumental. But he is much sturdier; he persistently faces the strikes of destiny and is not so easy to break.

Keywords: video, contemporary art of Kazakhstan, pastoral, mimetic desire, neo-avant-garde, index, television, monument, conceptual art, Central Asia

For citation: Fomenko, A.N. (2022), “The Heroes and Nonentities, or Television versus sculpture. Yerbossyn Meldibekov's visual anthropology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 125-145, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-125-145

В 2001 г. казахстанский художник Ербосын Мельдибеков создал первую версию работы, название которой, «Пастан», как бы «сгущает» названия ряда центральноазиатских государств, включающие в себя суффикс «стан» (*иранск.* «страна»). Работа представляет собой видеоперформанс, в котором автора, сидящего в центре кадра на фоне импровизированного задника – белой простыни, – долго и методично бьют по лицу, одновременно осыпая бранью (в этой ранней версии – на монгольском языке¹). Он совершенно безропотно и даже равнодуш-

¹ Впоследствии работа была по техническим причинам переснята. В этой второй версии звучит казахская речь. Кроме того, существует вариант под названием «Пастан на улице», где описываемая далее ситуация инсценирована (и снята на видеокамеру) на городской улице, в присутствии случайных наблюдателей.

но сносит побои и унижение, не предпринимая никаких ответных действий, только успевая в какой-то момент поймать войлочную тубетейку, слетевшую с головы после особенно размашистой пощечины. Эта тубетейка как некий лейтмотив будет фигурировать и во всех последующих работах серии, которая к настоящему моменту включает четыре фильма (не считая ремейков). Все они построены по одной схеме и напоминают своего рода видеопортреты художника, сидящего прямо перед камерой/зрителем наподобие ведущего какой-то телепрограммы. Во второй части этой «тетралогии», «Шу-чу» (2007), он так же долго и непрерывно смеется, подражая механическому смеху китайской заводной игрушки – одну из таких игрушек Мельдибеков демонстрирует то ли зрителю, то ли самому себе ближе к концу фильма; в третьей, «Аллергии» (2009), чихает до слез; а в четвертой, «Плевке» (2014), в буквальном смысле плюет себе в лицо: слюна стекает по установленному прямо перед ним и в первый момент невидимому стеклу, постепенно размывая очертания и превращая реалистический портрет в плоскостную абстракцию. Это последнее видео одновременно отсылает к первому, демонстрируя еще одну версию (само)уничтожения: если в «Пастане» художника избивал кто-то другой – этого другого мы видим на втором экране, где происходящее показано с противоположной точки зрения (что словно намекает на обратимость позиции экзекютора и жертвы), – то в «Плевке» герой совмещает в себе обе роли.

Как нам интерпретировать эти работы? В наши дни толкование искусства нередко определяется его социальным контекстом, который обычно понимается довольно прямолинейно: решающее значение приобретает то, что Борис Гройс некогда назвал «документальной идентичностью» автора – его гендерная, расовая, региональная, классовая, профессиональная или конфессиональная принадлежность [Гройс 2003, с. 107]. На ограниченность и репрессивность такого подхода обращают мало внимания (равно как и на то, что подобные идентичности как правило вполне намеренно и стратегически конструируются из имеющегося в распоряжении у художника материала и затем культивируются как актерские амплуа). И если художник происходит, к примеру, из Средней Азии, он так или иначе должен иллюстрировать этот факт, причем не имеет принципиального значения, что именно он будет делать: будь он хоть минималистом, сосредоточенным на универсальном феноменологическом опыте, все равно его искусство будет восприниматься как отражение его социальной среды, «азиатское» не только по фактическому происхождению, но и по сути². Что уж говорить о таком художнике, как Мельдибеков, который во многих своих работах напрямую обращается к политической истории Казахстана и

---

² На это обращает внимание и Андерс Крюгер в статье, опубликованной в каталоге выставки казахстанских художников Елены и Виктора Воробьевых, но никак не развивает это наблюдение [Крюгер 2015, с. 28].

всего среднеазиатского региона. Отсюда напрашивается простая идентификация героя его «самоуничижительных» фильмов: это «постколониальный субъект», жертва политик колониальных держав и собственных деспотических режимов. Головной убор из войлока, который присутствует во всех фильмах серии, недвусмысленно указывает на национальный контекст, а использование видеотехники привносит в них элемент «документальности» или, по меньшей мере, медиальной нейтральности.

Разумеется, в этих работах имеется социально-политическое измерение, и вполне можно рассматривать их как горькую метафору процессов, происходящих в регионе, – например, как демонстрацию малопривлекательной, а то и пугающей реальности, которая кроется за разговорами о национальной идентичности, «кочевой культуре» и возвращении к корням (особенно красноречивую в работах со шкурами и другими частями животных – таких, как «Карта Чингисхана, или Шкура красного коня» и «Кентавр» [обе – 2007]). Отсылка к телевизионному формату – формату «говорящей головы», озвучивающей текущие события общественно-политической жизни, – тоже работает на такое толкование: причем в версии Мельдибекова голова если не совсем умолкает, то во всяком случае теряет способность (или право, или желание) говорить. Тем самым «телеведущий» перенимает черты своей аудитории – «безмолвного большинства» телезрителей, потребителей медиа-зрелищ. Собственно, эта последняя ассоциация указывает на то, что смысл работ Мельдибекова гораздо шире и не может быть сведен к региональному контексту или публицистике в форме искусства. Отталкиваясь от локальных значений, эти работы устремлены к универсальному. Используя местный материал, Мельдибеков создает искусство не столько о «региональном» состоянии, сколько о человеческом состоянии как таковом и при этом задействует узнаваемые стратегии модернизма, часто давая им неожиданную, полемически заостренную трактовку. Об этих двух взаимодополняющих аспектах работ Мельдибекова мне и хотелось бы порассуждать.

Четыре описанные выше работы демонстрируют четыре разных сценария с участием униженного и страдающего субъекта – субъекта, лишаемого человеческого достоинства, приравненного к неодушевленному предмету, заводной игрушке (в одной из версий «Шу-чу» изображающей, кстати, зайца с торчащей из зада морковкой), готового раз за разом подставлять обе щеки своим мучителям и даже, опережая их, самому плевать себе в лицо – возможно, в тщетной попытке предотвратить худшие страдания или мимикрировать, спрятаться за потеками слюны, став столь же ничтожным и незаметным. Связав первый и последний фильмы, можно предложить и немного другое прочтение: от пассивного страдания герой переходит к ответному действию, плюет в лицо потенциальному мучителю или зрителю (субъекту взгляда, от которого не укрыться), но парадоксальным образом плевки возвра-

щаются к «отправителю», стекая по его собственному лицу. Мучитель и жертва совпадают.

Этот герой, в сущности, лишен эмоций – место эмоции занимает аффект как нечто более прямое, не опосредованное культурными фильтрами: боль, смех, плач, униженность. Он демонстрирует регресс к какому-то первичному состоянию, оказываясь в одном ряду с другими живыми существами и даже, в некоторой степени, обнаруживая свое родство с неодушевленными предметами. Этой антропологической и психологической аскезе соответствует формальное решение видеоперформансов – подчеркнуто аскетичное. Их эстетика восходит к неоавангарду 1960–1970-х гг.: распятому Крису Бёрдену, плачущему Басу Яну Адеру, кусающему самого себя Вито Аккончи. Основным медиумом искусства здесь также выступает тело художника, почти полностью освобожденное от атрибутов «документальной», социокультурной идентичности, единственной отсылкой к которой остается тубетейка. Однако на фоне этих аналогий яснее вырисовывается оригинальность работ Мельдибекова: в работах классиков послевоенного авангарда аффективное содержание словно изолировалось от антропологического и социального контекста, использовалось как некий реди-мейд, позволяющий скорее поставить вопрос о границах искусства, нежели о границах человеческого. Между тем именно последние интересуют казахстанского художника.

Мельдибеков встраивает свою работу в парадигму постминималистского авангарда и одновременно переписывает ее «своим языком» – в духе плодотворного недопонимания, не раз проявлявшего себя в истории модернизма, – исходя из опыта своего времени и места. Как хорошо показала Розалинд Краусс, основной предпосылкой минимализма был полемика с идеей самости как источника значения – идеей, которая нашла наиболее полное воплощение в эстетике абстрактного экспрессионизма и которой минималисты противопоставили свое понимание значения как функции внешней, публичной среды. С этой точки зрения произведение не «выражает» значение, заложенное в нем изначально, как нечто постоянное и независимое от существования этого произведения в реальном пространстве и времени, а приобретает его именно в ситуации экспонирования. И это указывает на зависимость самого внутреннего мира субъекта (метафорой которого служит произведение) от внешнего пространства его опыта, от контекста, от «других» [Krauss 1977, p. 243–288]. Нечто подобное происходит и в работе Мельдибекова: его герой в буквальном смысле получает свое значение от другого – того, кто называет его бранными именами и подвергает побоям (своего рода агрессивным проекциям среды). Такой видится неоавангардная парадигма в постсоветской перспективе: мирная феноменологическая обусловленность «внутреннего» «внешним», которую тематизировали минималисты и постминималисты, наполняется здесь весьма конкретным социальным смыс-

лом и отождествляется с насилием и унижением; «наделение» значением приобретает характер отрицания всякой значимости, попирания достоинства и лишения человеческого лица, превращающегося в потеки слюны.

В 1990-е гг. в постсоветском искусстве (особенно московском) была популярна идея, в согласии с которой искусство в текущей ситуации должно пожертвовать «сложностью» и «концептуальностью» ради интенсивности шокового воздействия, приняв тем самым «вызов» со стороны СМИ и самой «реальности», транслируемой масс-медиа. Отказ от вербализации, рефлексии, «опосредования» в пользу непосредственного «участия» был частью этого проекта. На первый взгляд, описанные выше работы Мельдибекова вписываются в парадигму «террористического натурализма», как окрестила ее Екатерина Дёготь [Дёготь 1998, с. 69–83]. Однако помимо различных внешних (эстетических или социально-исторических) контекстов, в которые может быть интегрирован видеоцикл Мельдибекова, существует также контекст внутренний, последовательно выстраиваемый самим художником в проектах, создаваемых с конца 1990-х гг. При всей разнородности этих проектов – а среди них есть скульптуры, фотографические серии, перформансы и видеointервью, – они обладают определенным единством – единством антропологических противоположностей, которые в некоторой степени коррелируют с противоположностями медиальными. Ведь Мельдибеков – скульптор-монументалист по профессии, и ряд его работ либо представляют собой скульптуры, либо отсылают к этому виду искусства и его традиционной функции увековечения и глорификации.

В качестве примера сошлюсь на один из последних на сегодняшний день проектов Мельдибекова – цикл под названием «Постистория», образующий красноречивый контраст к описанным выше видеоперформансам. «Постистория» – это восемь плакатов («постеров») с использованием кадров из киноэпопеи «Путь Лидера» (2011–2018), посвященной первому президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву и в настоящее время включающей шесть фильмов³. Как нетрудно догадаться, сериал носит характер агнографический и опирается на соответствующую «традицию», объединяющую мотивы религиозного искусства и массовой культуры. Эти иконографические прототипы, призванные интегрировать фигуру президента в сонм героев и небожителей, и вычлняет Мельдибеков в своих работах. Фигура Назарбаева приобретает в них монументальность, отрывается от земли – в том числе и в буквальном смысле: один из «постеров» (вернее, использованный в нем кадр из пятой части «Назарбанианы»), изображающий

---

³ Вот их полный перечень: «Небо моего детства», «Огненная река», «Железная гора», «Разрывая замкнутый круг», «Так сложились звезды», «Путь Лидера. Астана».

президента в момент его посещения Каабы, буквально цитирует мотив вознесения.

Эти два полюса, на одном из которых возвышается фигура Героя, а на другом ютится маленький (недо)человек – в лучшем случае немой свидетель, в худшем – жертва истории и сильных мира сего, – и задают координаты социального и антропологического ландшафта, который выстраивается в работах Мельдибекова. С одной стороны, мы видим монументальные и триумфальные формы, в которых выражает себя политическая власть, используя эстетические механизмы, чтобы горделиво вознестись над равниной повседневности и брэнной человеческой природой. Задача таких форм – противостоять разрушительной работе времени и любым посягательствам – намеренным и стихийным – на незабываемость института власти. Хорошим примером такого монумента служит знаменитая башня «Байтерек» (каз. «Тополь»), возведенная в столице Казахстана якобы по эскизу самого президента Нурсултана Назарбаева, оттиск ладони которого является главной «святыней» монумента. Но ирония состоит в том, что как раз подобные монументы оказываются у Мельдибекова символами эфемерности: вставая из праха, они туда же и возвращаются. Их прочность иллюзорна, их гордая отрешенность комична, их триумф преждевременен. Подчеркивая это, Мельдибеков растягивает и сжимает их формы, превращая соцреалистического Ленина то в средневекового Чингисхана, то в модернистскую скульптуру Джакометти («Мутации», 2015), или делает полем для экспериментов собственное лицо: то оно деформируется («Чужие», 2007–2009), то, наоборот, пародийно застывает в образе псевдофольклорного национального героя («...бай-батыры», 2007). В нереализованном проекте перформанса «Афганский павильон» (2012) гастарбайтеры из стран третьего мира должны строить небольшое здание, затем сносить его и возводить снова из ранее использованных материалов, но с небольшим, в два-три метра, топографическим смещением – и так многократно. По мере перестройки качество и надежность конструкции неуклонно снижается, что служит подходящей иллюстрацией к идее Роберта Смитсона о «руинах наоборот» («Это нечто противоположное “романтическим руинам”, поскольку здания не осыпаются в руины после того, как построены, а скорее растут в руинах, прежде чем окончательно выстроиться» [Smithson 1996, p. 72]), в которую Мельдибеков вносит небольшое уточнение: у него здание так никогда и не «выстроится», а будет лишь все сильнее приходить в упадок. В видеорепортаже «Пиноккио» (2012) Мельдибеков показывает изготовление памятника Назарбаеву из сваленного кучей металлолома, т. е. из того самого «горизонтального» мусора жизни, которому противостоят памятники в своей безупречной вертикальности и к которому они, как прозрачно намекает художник, неизбежно возвращаются. Характерно это столкновение медиума скульптуры с медиумом видео: если первый в соответствии с давней традицией служит

воплощением прочности и постоянства, то второй выступает как агент эфемерности и переменчивости. «Телевидение» становится в данном случае инструментом критики долговечных форм репрезентации и связанных с ними амбиций.

На противоположном полюсе этого антропологического ландшафта мы обнаруживаем как раз то, над чем возвышается власть, что она стремится превзойти, но что неизбежно образует ее субстрат, – брэнную плоть, расходный материал истории. Герой видеоперформансов – антипод героя памятника: он жалок, ничтожен, лишен достоинства и достояния, словом, немонументален. Но закономерным образом в нем гораздо больше стойкости, он упорно «держит удары» судьбы и сломить его не так-то просто, в то время как монументы рассыпаются один за другим как домики Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа, стоит ветру большой политики сменить направление. Близким аналогом этого героя мне видится тот субъект, который возникал в акциях петербургской группы «Товарищество “Новые тупые”». Когда-то я определил этого субъекта как постсоветского люмпена и связал его с апологией аполитичного «молчаливого большинства» у Бодрийера [Бодрийер 2000], а также с апологией «слабости» в «Дао дэ цзин» [Фоменко 2007]. Нечто похожее можно сказать о герое видеоперформансов Мельдибекова. Однако казахстанский художник выстраивает более сложную систему отношений, показывая оба полюса – субъекта героического и антигероического, триумфального и жалкого, которые в каком-то смысле меняются местами. В этой системе действительно «могущественное войско не побеждает, и крепкое дерево гибнет» [Книга о дао и дэ 1984, с. 230]. Как и в случае с «Пиноккио», в видеоперформансах различим своеобразный контраст, или противоречие между формой и содержанием: персонаж сохраняет постоянство вопреки темпоральности видеоряда и испытываемому им дискомфорту; он не только не меняет своего положения от начала и до конца фильма, но и возвращается в исходную позицию в каждом следующем. На сей раз предметом неявной критики оказывается уже само «телевидение».

Но этот обмен атрибутами заключает в себе и другую возможность: может статься – не на это ли намекает художник своим «Плевком»? – что контраст между этими двумя персонажами иллюзорен: поскреби триумфатора и найдешь ничтожество. Обратное тоже верно: не стоит идеализировать «маленького человека» – в нем кроется потенциальный насильник и диктатор. Мельдибеков далек от прекраснотушия (чтобы не сказать лицемерия) значительной части новейшего политического искусства. Его собственные работы проникнуты глубоким скепсисом, предметом которого становятся все, начиная с самого автора: со всей откровенностью Мельдибеков идентифицирует себя с сомнительными кумирами прошлого – представителями казахской сталинской интеллигенции («Автопортрет с моими кумирами»,

2014–2015). В интервью он неустанно повторяет, что мечтал о карьере официального советского скульптора и, если бы не распад СССР, скорее всего стал бы им, а в личных беседах признается, что по сей день занимается своего рода художественным субподрядом: проектирует памятники, которые затем устанавливаются за авторством других людей. Смелое признание для нашего времени, когда преобладающим тоном культурной критики стал тон морализаторский.

В видеофильме «Точка» (2015), своего рода приложении к работе «Пику Ленина» (о нем речь пойдет ниже), Мельдибеков интервьюирует двух историков – киргизского и таджикского, которые заочно спорят о том, какому из двух народов по праву принадлежит эта вершина, расположенная на границе современных Кыргызстана и Таджикистана. Оба апеллируют к истории: один доказывает, что первыми на эту территорию пришли киргизы, другой – что это были таджики, и каждый приводит веские доводы в пользу своей версии. Комический эффект усиливает то, что внешне историки разные: один стар, другой молодой, один монголоид, другой европеоид, – но в своем бессильном противостоянии они в каком-то смысле становятся очень похожи. Их уравнивает борьба за один объект – горный пик, расположенный в труднодоступной и малопригодной для жизни местности. Работы Мельдибекова вообще отличаются особой чуткостью к миметическим эффектам – от уподобления кастрюль горным вершинам до уподобления самого себя легендарным батырам и историческим деятелям, – равно как и эффектам противостояния. Эмblemатическим примером последнего служит одна из ранних работ художника – «Брат мой, враг мой» (2001), где конфликт принимает прямой характер, уже не опосредованный ни предметом борьбы, ни «объективной» системой знания и языка – Логосом, к которому, как к третейскому судье, апеллируют историки. Два антагониста с дулами пистолетов, торчащими из их ртов, оказываются двойниками, зеркально отражающими друг друга; каждый служит другому ненавистным образцом – в полном соответствии с теорией миметического желания Рене Жирара, которое развивается от «мимесиса присвоения» – соперничества за один и тот же объект – к «мимесису противостояния» – соперничеству как таковому, взаимному уподоблению всех и каждого в жертвенном кризисе⁴.

Иллюзорность предмета дележа, вполне очевидную и в приведенном выше примере, Мельдибеков высмеивает в другой своей работе – перформансе «Лед Мелькиадеса, или Туда, обратно, и снова туда» (2014), в котором он на время «присвоил» фрагменты ледника с пика

---

⁴ Подробно механизм миметического желания разбирается Жираром в первых главах книги «Вещи, сокрытые от создания мира» [Жирар 2016]. Максимально концентрированное и наглядное изложение этой части жираровской теории содержится в его эссе «Достоевский. От двойника к единству» [Жирар 2012].

Путина на территории Киргизии: лед был доставлен в немецкий город Хаген, на международную конференцию, посвященную проблемам глобального потепления, с намерением вернуть его на место. Обратим внимание на этот последний жест, указывающий на отказ от участия в соперничестве, от мимесиса присвоения. Теория Жирара проливает свет на многие аспекты работ Мельдибекова, и некоторые из них приобретают смысл, выходящий за рамки обличения или осмеяния. Так, миметическое повторение одной и той же горной вершины в «Пике Ленина» и «Пике Коммунизма», которое превращает ее в серию объектов, с одной стороны, показывает абсурдность подобного присвоения природного объекта политической идеологией, равно как и саму структуру дублирования, повторения, двойничества, а с другой – пусть ироническое, но по-своему эффективное разрешение этого конфликта. Художник будто дарит каждому свою вершину, устраняя причину соперничества. Это дарение одновременно обнаруживает традиционную функцию эстетики, которая заключается в своеобразном «освобождении» мимесиса, выведении его за рамки присвоения, дележа и взаимного конфликтного уподобления.

Здесь важно указать на принципиальное отличие этой и других работ Мельдибекова от некоторых ранних форм казахстанского акционизма, связанных с деятельностью галереи «Коксерек» и ее лидера Каната Ибрагимова, в которой Мельдибеков принимал участие. Практически все известные акции группы имитировали ритуал жертвоприношения, причем в роли «жреца» часто выступал Мельдибеков. Но в собственных работах, начиная с берлинского перформанса «Азиатский пленник» (1998), где его водили по городу с колодкой на шее, Мельдибеков последовательно идентифицирует себя с жертвой, постепенно освобождая эти идентификации от «мифопоэтического» ориенталистского налета, по пути которого пошли некоторые другие представители казахстанской сцены⁵. В этом отношении «Пастан» стал ключевой работой Мельдибекова – в числе прочего в силу того, что он отказывается в ней от явного расчеловечивания, демонизации и одновременно сакрализации жертвы (еще ощутимой, к примеру, в «Кентавре», где художник предстает в образе священного монаstra) – если не считать ее абсолютной покорности. Эта последняя рассматривается некоторыми критиками как «рабская», а работа Мельдибекова, соответственно, как обличение раболепия и конформизма его соотечественников⁶. В эпоху, когда на искусство неизменно возлага-

---

⁵ Самым известным примером здесь служат видеоработы и фотографии Алмагуль Менлибаевой (см. интерпретацию ее работ Алексеем Улько [Улько 2015]).

⁶ Например, в хлестких комментариях публициста Олжаса Кожакмета, которые он дает в статье «Казахское поле экспериментов» [Misianno, Kozhakhmetov 2016, pp. 36–45].

ются критические функции, подобное толкование приходит в голову чуть ли не автоматически. Но так ли это?

В сопоставлении с другими работами Мельдибекова «Пастан» приобретает несколько другой смысл. Ведь этот фильм представляет собой прямую иллюстрацию к евангельской максиме «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39). Современному человеку она представляется проповедью покорности – качества, которое, с его точки зрения, не заслуживает ничего, кроме презрения. Если современное искусство и должно что-то воспевать, то протест, вызов и бунт, но никак не смирение. Совсем иначе оценивает эту фразу Жирар: он видит в ней радикальный отказ от участия в миметическом соперничестве, красноречивым образом которого служит «Брат мой, враг мой»: «только безусловный и, если нужно, односторонний отказ от насилия может положить конец отношениям двойников» [Жирар 2016, с. 240]. Снова мы обнаруживаем рядом с критикой утвердительный посыл. Если «Пастан» что и обличает, так это любое насилие, насилие как таковое, выступая от лица жертв всех времен и народов.

Таким образом, не теша себя и других гуманистическими иллюзиями, Мельдибеков вовсе не впадает в мизантропию и не берет на себя роль обличителя рода человеческого. Его работы полны сочувствия к «маленькому человеку», от которого художник себя не отделяет. Эта его идентификация с простаком, этаким «естественным человеком», понимание которого далеко, однако, от просвещенческой идеализации, наводит на мысль о жанре пасторали в современном его толковании, предложенном в 1930-е гг. английским поэтом и критиком Уильямом Эмпсоном, а позднее развитым социальным историком искусства Томасом Кроу применительно к современным художественным практикам. Как известно, классическая пастораль, берущая начало в буколической поэзии античности, воспевает естественную простоту сельской жизни, образцовым воплощением которой служит фигура пастуха и которая порой противопоставляется роскоши и безнравственности городской жизни и состоятельных классов. В литературе пасторальный жанр часто связан со стилизацией: текст имитирует «подлинные» песни пастухов, которые, однако, изъясняются высоким слогом и демонстрируют глубокие чувства и благородные помыслы. По словам Эмпсона, в основе пасторали лежит идентификация автора (и, соответственно, читателя), ставящего перед собой самые высокие эстетические и моральные цели, с «простым человеком» — носителем универсальных истин, верных для всех и каждого.

Так утверждение «это истинно по сути» преобразуется в «это истинно для всех людей из всех общественных классов, даже для тех, насчет кого вы бы такого не подумали», а это означает, что нормальным для пасторали является тон смирения. Я отказываюсь от своих специфических чувств,

поскольку пытаюсь найти лучшие, и поэтому должен какое-то время сохранять равновесие, воображая чувства простого человека. <...> Я должен представить себе его способ чувствования, поскольку о вещах рафинированных следует судить, исходя из вещей базовых, а силу черпать в слабости [Empson 1974, p. 19–20].

В трактовке эмпсоновской концепции, предложенной Кроу в статье «Пасторализм и устойчивость жанра в современном искусстве», ключевую роль играет не столько перенос качеств благородного человека на человека простого и наоборот, сколько объединение возвышенной авторефлексивной абстракции, которая выступает как современный наследник классического жанра «исторической живописи» и на которую – добавим от себя – в какой-то степени обречено современное искусство, пережившее кризис репрезентации, с общепонятными, общечеловеческими мыслями и переживаниями, что позволяет преодолеть тесные рамки «высокого жанра». Согласно Кроу, современная пастораль работает путем идентификации с «простым человеком», далеким от проблематики модернистского искусства, и вообще с широкой реальностью, выходящей за границы узкоэстетического опыта. Кроу пишет:

Пасторальные формы иронии в передовом искусстве функционируют как коррективы к застыванию кодов профессиональной компетенции, к чрезмерной легкости, с которой формуле придается видимость изобретения, к давлению, оказываемому непреклонным требованием возвышенной абстракции на широту человеческой симпатии [Crow 1996, p. 211].

Иначе говоря, пастораль открывает возможность для современной формы реализма, который, однако, отнюдь не отрекается от строгой авторефлексивности, характерной для модернизма.

Отдельные примеры пасторальной идентификации, предлагаемые Кроу (от кубизма до последней волны концептуального искусства 1980-х – начала 1990-х гг.), могут показаться сомнительными, но независимо от степени их убедительности эта концепция, как мне кажется, прекрасно описывает многочисленные работы современных казахстанских художников – такие, например, как «Базар» Елены и Виктора Воробьевых, где феноменология пространства в духе минимализма объединяется с опытом продавцов и покупателей на блошином рынке, или работы Саида Атабекова на тему кокпара (козлодрания), где колышущаяся масса игроков образует «ковровую» композицию в духе модернистской абстракции, или «Объекты памяти» Александра Угая, где исследование медиума фотографии совмещается с выявлением универсальных переживаний, связанных с утратой близких, памятью и забвением⁷. Но, воз-

⁷ Анализ работ Воробьевых и Угая см. в моих статьях «Занимательный модернизм» [Фоменко 2020] и «За порогом видимого» [Фоменко 2021]. Об Атабекове см. короткую, но содержательную заметку Оксаны Шаталовой [Шаталова 2009].

можно, никто так не последователен в осуществлении этой концепции, как Мельдибеков. Его работы указывают и на необходимость смещения акцентов в разговоре о современной пасторали. Если для Кроу важно было подчеркнуть именно «популярный» и «реалистический» элемент пасторального контраста как противоядие против самодовлеющей абстракции, ограниченной в своей высокомерии, то сегодня важнее предотвратить обратную опасность, которая состоит в ограничении горизонта референциальным аспектом, – опасность, особенно актуальную в случае искусства, выходящего за рамки «западного канона». Есть риск, что теперь уже «широта человеческой симпатии» поглотит «возвышенную абстракцию» и «коды профессиональной компетенции», что дескриптивная функция вытеснит авторефлексивное измерение и все сведется к поверхностному реализму с моралистическим уклоном.

В качестве обратного примера, служащего вместе с тем прекрасным образцом пасторального контраста, сошлюсь на «Семейный альбом» (2006–2011) – одну из ключевых работ Мельдибекова, в которой инсценируется «встреча» двух описанными выше антропологических полюсов, обычно существующих изолированно. В этой работе художник использовал фотографии из альбомов своих родных и близких, которые в советские годы снимались на фоне различных памятников, часто семейными группами. Проявив недюжинные организационные способности, Мельдибеков «переснял» эти фотографии на тех же местах с тем же составом участников, но, разумеется, повзрослевших или постаревших за те годы, что разделяют фотосессии. Проект перекликается со знаменитыми «Сестрами Браун» американского фотографа Николаса Никсона, который на протяжении нескольких десятилетий с 1975 г. делал групповые портреты своей жены и ее трех сестер, всегда выстраивая их в одинаковом порядке, а также с семейными фотопортретами Томаса Штрута. Но Мельдибеков преобразует тему: возрастные изменения и игра индивидуальных сходств и различий, демонстрируемые моделями Никсона и Штрута, отступают на второй план по сравнению с куда более радикальными изменениями, которым подверглись памятники, составляющие фон семейных фотографий. Места, где чаще всего стояли Ленин или другие фигуры, репрезентировавшие коммунистическую идеологию и революционное прошлое СССР, украсили символы новой власти – деятели национальной культуры, полумифические батыры, племенные вожди, государственные эмблемы. Какие-то фигуры просто бесследно исчезли, сметенные событиями постперестроечных лет, так что лишь голый минималистский куб постамента остался напоминанием о прежней символической маркированности данного места. Эти идеологически нейтральные постаменты, готовые принять любую фигуру, наполниться любым содержанием и репрезентировать любой политический режим, чтобы затем благополучно его пережить, стали позднее темой проекта «Призрач-

ное вторжение» (2013–2015). В нем воспроизведены формы двух постаментов (один из них стоит в Ташкенте, другой в Бишкеке), которые лишились своих фигур в акте квазимодернистской иконоборческий редукции, превратившись в итоге в произведения абстрактного искусства. Для Мельдибекова они служат напоминанием о несостоявшемся туркестанском авангарде: речь, следовательно, идет не только о критическом разоблачении попытки скорректировать историческое прошлое в соответствии с политической повесткой дня, но и о позитивном утверждении какой-то другой исторической и эстетической возможности, о волевой (ре)конструкции преемственности.

В «Семейном альбоме» мирное, почти идиллическое соседство двух вышеописанных полюсов – героического и повседневного – в культурном ландшафте напоминает о классических, буколических признаках жанра, а ирония в адрес героики монументов (тоже своеобразных наследников «высокого жанра», хотя и альтернативных модернистской абстракции) отсылает к «реалистической» версии пасторали, представленной, например, шекспировской фигурой дурака или шута⁸. Пасторальный контекст обнаруживает еще одну историческую отсылку – к «Аркадским пастухам» (и, шире, классической теме *emento mori* и *vanitas*), далекими потомками которых являются персонажи «Семейного альбома», обнаруживающие разрушительную и одновременно освобождающую работу времени – на сей раз не природного, а исторического. В этой работе Мельдибеков идентифицирует свое искусство с вернакулярной практикой фотографирования на фоне памятников и других достопримечательностей, а помимо этого – с биографическим опытом всех, кто жил в эпоху экономических, политических и социальных потрясений, связанных с распадом СССР. Но вместе с тем здесь присутствует и «высокий» регистр абстракции, выражающийся не только в использовании безличной процедуры апроприации, анонимность которой сталкивается с глубоко личным опытом семейного архива, но и в ироническом переосмыслении одной из базовых модернистских стратегий, а именно проблематизации оппозиции фигуры и фона – но не на формальном, а на концептуальном уровне. Если в модернизме деконструкция этой оппозиции позволяла преодолеть конвенциональный иллюзионизм и антропоцентризм произведения искусства и выявить базовую структуру визуального вос-

---

⁸ «Простой человек становится нелепым глупцом, который, однако, обладает более здравым умом, чем те, кто стоят выше него, и высказывает более фундаментальные истины; он „близок природе“, в которой нуждается человек сложный... он накоротке с загадочными силами нашей собственной природы, поэтому шуту известно бессознательное; он может говорить правду, потому что ему нечего терять. Кроме того, идея того, что он близок природе, а следовательно, мирозданию, наподобие человека Сенеки, придает ему оттенок стоицизма» [Empson 1974, p. 14].

приятия (а также картинного медиума), то для казахстанского художника она оказывается способом акцентировать внимание на отношениях между двумя социально-антропологическими полюсами.

Это смещение акцентов в использовании ключевых приемов и моделей модернистского искусства, которые наполняются аффективным, телесным и историческим содержанием, вообще очень характерно для Мельдибекова (как, впрочем, и для многих его коллег из разных стран мира, которые прибегают к приемам минимализма или концептуального искусства, но уходят при этом от модернистского автореферентного пуризма). Одной из таких моделей является индексальный след – стратегия, игравшая решающую роль в критике традиционной концепции выражения в искусстве авангарда и неоавангарда – сначала у Марселя Дюшана, а затем у Роберта Раушенберга, Джаспера Джонса, Сая Туомбли, Брюса Наумана и др.⁹ Стоит отметить, что с обращением к этой стратегии связаны истоки новейшего казахстанского искусства, поскольку именно она задействована в ключевых работах Рустама Хальфина – одного из родоначальников этого искусства¹⁰. Одна из них – это проект «Пулота», объединяющий ряд работ, выполненных в разных техниках в 1990-х – первой половине 2000-х гг. Неологизм, использованный в его названии и образованный путем объединения слов «пустота» и «полнота», описывает пространство внутри неплотно сжатой ладони. Это пространство существует в двух формах: будучи пустым, оно выступает как своеобразный «видоискатель», позволяющий установить некую телесно обусловленную, «органическую» рамку кадра и с ее помощью присвоить, каннибальски поглотить некоторый фрагмент реальности (или чужой картины); будучи заполненным каким-либо веществом (например, глиной), оно превращается в пластический модуль¹¹. Проект Хальфина, прозрачно намекающий на снятие противоположностей в духе радикального авангарда, с которым художник был связан через фигуру своего учителя Владимира Стерлигова (ученика Малевича) одновременно переключается с одной из ключевых тем всего искусства 1990-х гг. – темой телесности, «низкого материализма». Тактильные ассоциации, вызываемые объектами-пулотами, равно как сам способ их создания, как бы подчиняют себе зрение, лишая его отстраненности, обособленности от мира материи. Существует также неявная ориенталистская референция, соот-

---

⁹ Об использовании индекса в противовес экспрессивному знаку в искусстве неоавангарда см. статью Розалинд Краусс в: [Фостер и др. 2019, с. 430–434].

¹⁰ Краткий обзор творчества Хальфина см. в: [Сорокина 2017; Sorokina, Shklyayeva 2015].

¹¹ О концепция пулоты см.: *Блинова Л.* Рука и глаз // Между прошлым и будущим. Археология актуальности: Каталог выставки в рамках проекта Гете-Института «Минус двадцать» / Под ред. Ю. Сорокиной, Е. Воробьевой. Алматы: Гете-институт, 2012. С. 59.

ветствующая хальфинской идее «номадического модернизма»: дело в том, что способ изготовления пулоты – сжимание комка глины или другого вязкого и пластичного вещества в ладони – и форма, возникающая в результате этой простой процедуры, наводят на мысль об одном из известнейших блюд казахской и всей центральноазиатской кухни – куртe (или куруте), сушеном твороге, который может формироваться таким же способом. Таким образом, тактильность объединяется здесь с оральностью. А если дополнить этот ассоциативный узел еще более очевидными экскрементальными коннотациями, то становится понятен регрессивный импульс, лежащий в основе этого и ряда других хальфинских проектов – его устремленность к аутоэротической самодостаточности, полноте до всякого разделения, которая по сути своей неотличима от пустоты.

Если в работах Хальфина индекс функционирует в этом регрессивном режиме и указывает на авангардистское устремление к истокам произведения искусства (совпадающим с истоками субъективности), то Мельдибеков обращает регресс вспять и соотносит индексальный след с социальным и историческим контекстом. Двумя наиболее впечатляющими примерами переосмысления этой стратегии служат, в одной стороны, работы Мельдибекова, посвященные теме горных вершин – такие, как «Пик Ленина» (2006–2014) и «Пик Коммунизма» (2007–2014), а с другой – более поздняя серия «Тавро» (2014–2015).

Материалом для «горной серии» послужили эмалированные тазы, миски и кастрюли, изображающие различные горные вершины, которые на протяжении XX века неоднократно подвергались переименованию в зависимости от политического и идеологического «сезона» (как в работе «Сезон в Гиндукуше» [2012], сделанной из разноцветных кастрюль). Так, высочайшая вершина Советского Союза, бывший пик Коммунизма на территории современного Таджикистана, сменила название шестикратно и ныне носит имя Исмаила Самани – представителя династии Саманидов, правившей в IX–X вв. Поэтому и серия, посвященная этой горе, включает в себя шесть объектов – изначально идентичных, но принявших немного разные формы после того как художник подверг их необходимой обработке. Если в «Семейном альбоме» сталкиваются два измерения времени – историко-политическое и биографически-приватное, то здесь в игру включается время природное, геологическое. Словно в подражание процессам формирования и распада горных пород и рельефа земной коры Мельдибеков деформирует тазы и кастрюли, тем самым визуализируя и доводя до чаемого и одновременно абсурдного предела апроприации природного ландшафта политическими идеологиями.

В «горной серии» особенно ярко проявляется одна особенность, присущая и другим работам Мельдибекова: при всей своей критической заряженности они далеко не прямолинейны и не публицистичны. В них есть специфическая внутренняя пластика и внимание к, казалось

бы, незначительным деталям, порождающее такие смысловые эффекты, которые не поддаются однозначной генерализации – «прибавочный элемент» эстетического. Помятые эмалированные тазы, кастрюли и ванны, изображающие заснеженные вершины в «Пике Ленина» и «Пике Коммунизма», действительно очень на них похожи сочетанием полубодранной белой краски и обнажившегося серого металла. Комическое снижение, тонко отсылающее к дюшановскому «Фонтану» (символическому предку всего концептуального и постконцептуального искусства), в основе которого также лежит «переименование» предмета сантехники, соседствуют с поэтическим образом, утверждающим ценность индивидуального ручного труда – пусть и принявшего характер деформации, практически порчи серийного промышленного изделия.

Второй из упомянутых мной циклов, «Тавро», снова возвращает нас к теме ничтожного субъекта, безответной жертвы, которая была поднята «Пастаном», но впоследствии отступила на второй план, отнесенная «метамонументальными» проектами Мельдибекова. При этом можно указать на различие в трактовке этой темы, обусловленной медиальной спецификой соответствующих работ: если в видеоперформансах трансляция травматичного опыта осуществлялась посредством нейтрального и безучастного телеэкрана, который «забывает» о содержании трансляции вместе с ее прекращением, то здесь экран оказывается неотделим от поверхности тела, а информация, на нем записанная, не поддается пере- или отключению.

Этот цикл родился из случайного открытия, сделанного Мельдибековым на одной из кожевенных фабрик в Бишкеке, где художник покупал материал для других целей. Дело в том, что в советское время скот в колхозных стадах клеймили порядковыми номерами, и в Киргизии эта традиция сохранилась по сей день. Выжженное каленым железом тавро остается на снятой и выделанной шкуре. Мельдибеков приобрел около десятка таких пронумерованных (по сути бракованных) кож и придал им форму картин – идеально ровную и прямоугольную, полностью нивелирующую форму тел, с которых эти кожи сняты. При этом цифры оказались на разных участках квадратов – одни выше, другие ниже. При экспонировании (а серия впервые была показана на ретроспективе Мельдибекова в алматинском Музее искусств им. А. Кастеева¹²) работы были размещены в порядке возрастания номеров – 845, 2670, 5453... – и на разной высоте с тем расчетом, чтобы выстроить цифры в одну линию независимо от их положения на плоскости. Таким образом, инсталляция строилась на игре между единичностью каждой картины, снабженной индивидуальным номером

---

¹² Ербосын Мельдибеков, «Вечное возвращение». Галерея «Аспан», Музей искусств им. А. Кастеева (Алматы). Куратор Виктор Мизиано. 12.02.2015–29.03.2015.

и обладающей индивидуальной «композицией», и объединяющей их тотальной системой. Серийная, минималистская организация не в состоянии полностью отменить уникальность объекта, который служит ее материалом, а слепая к различиям воля к тотальности лишь обнаруживает и подчеркивает лакуны в этой серии – т. е. недостающие звенья между номером 845 и 2670, 2670 и 5453 и т. д. Выставленные картины оказываются лишь малой видимой частью айсберга, погруженного в толщу забвения – забвения о совершенном насилии.

Эти «номерные» индексальные квазикартини отсылают к концептуализму 1960–1970-х гг. и прежде всего к работам Он Кавары, все содержание которых сводится к дате их изготовления и которые, в сущности, тоже являются знаками индексального типа – индексами времени, когда они были созданы. Но у Мельдибекова авангардная стратегия отождествляется с конвейером скотобойни, а автореферентный набор цифр, тавтологически обозначающий тот день, когда картина была написана, превращается в шрам от ожога, напоминание о боли, страдании и смерти. Трудно вообразить более сильную метафору отношения между телами индивидов и машиной тоталитарной власти, которая эти тела захватывает, ранжирует и прореживает. Если классический концептуализм, по словам Бенджамина Бухло, представляет собой «административную эстетику», имитирующую бюрократические институты постиндустриального общества [Buchloh 1990, p. 105–143], то Мельдибеков напоминает о тонкой грани, отделяющей эти институты от власти иного типа, далекой от того, чтобы становиться частью прошлого. Но точно так же он напоминает о другом – об аффективном опыте, о несводимой единичности существования, о жалкой, немонументальной, уязвимой и в то же время стойкой жизни.

Литература

- Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер. с фр. Н. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 95 с.
- Гройс 2003 – *Гройс Б.* Комментарии к искусству / Пер. с нем. А. Фоменко и др. М.: Худож. журнал, 2003. 341 с.
- Дёготь 1998 – *Дёготь Е.* Террористический натурализм. М.: Ad Marginem, 1998. 223 с.
- Жирар 2012 – *Жирар Р.* Достоевский. От двойника к единству // *Жирар Р.* Критика из подполья / Пер. с фр. Н. Мовниной. М.: НЛО, 2012. С. 42–133.
- Жирар 2016 – *Жирар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. А. Лукьянова и О. Хмелевской. М.: Изд-во Библиейско-богословского ин-та, 2016. 518 с.
- Книга о дао и дэ 1984 – Книга о дао и дэ / Пер. Ян Хин-шуна // Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай / Ред. Ю. Алиханова, В. Никитина, Л. Померанцева. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 227–230.

- Крюгер 2015 – *Крюгер А.* Виктор и Елена Воробьевы: о точности и несовершенстве // Елена и Виктор Воробьевы: Художник спит: Каталог выставки в Музее искусств им. А. Кастеева, Алматы / Ред. В. Мизиано. Алматы: Aspan Gallery, 2015. С. 28–33.
- Сорокина 2017 – *Сорокина Ю.* Номадический модернизм как локальная новация // Современное искусство Востока: Сб. материалов международной научн. конф. / Ред.-сост. Д. Воробьева; Моск. музей современного искусства, Гос. ин-т искусствознания. М., 2017. С. 269–281.
- Улько 2015 – *Улько А.* Ребенок на песке // Художественный журнал. 2015. № 96 [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/269> (дата обращения 09 сентября 2022).
- Фоменко 2007 – *Фоменко А.* Люмпен-арт // Фоменко А. Архаисты, они же новаторы. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 51–58.
- Фоменко 2020 – *Фоменко А.* Занимательный модернизм // Художественный журнал. 2020. № 114. С. 110–123.
- Фоменко 2021 – *Фоменко А.* За порогом видимого: Фотографические объекты Александра Угая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2021. Т. 11. № 2. С. 263–287.
- Фостер и др. 2019 – *Фостер Х., Краусс Р., Буа И.-А., Бухло Б., Джослит Д.* Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм / Пер. с англ. под ред. А. Фоменко и А. Шестакова. М.: Ad Marginem, 2019. 896 с.
- Шаталова 2009 – *Шаталова О.* Чимкентский крест & полумесяц // arba.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arba.ru/article/5617> (дата обращения 09 сентября 2022).
- Buchloh 1990 – *Buchloh B.* Conceptual Art 1962–1969: From the Aesthetic of Administration to the Critique of Institutions // *October*. 1990. No. 55. P. 105–143.
- Crow 1996 – *Crow T.* The Simple Life: Pastoralism and the Persistence of Genre in Recent Art // *Crow T.* Modern Art in the Common Culture. London: Yale University Press, 1996. P. 173–211.
- Empson 1974 – *Empson W.* Some Versions of Pastoral. New York: New Directions, 1974.
- Krauss 1977 – *Krauss R.* The *Double Negative*: a New Syntax for Sculpture // *Krauss R.* Passages in Modern Sculpture. New York: The Viking Press, 1977. P. 243–288.
- Misiano, Kozhakhmetov 2016 – *Misiano V., Kozhakhmetov D.* (ed.). *Yerbossyn Mel-dibekov: Eternal Return*. Almaty: Aspan Gallery, 2016.
- Smithson 1996 – *Smithson R.* A Tour of the Monuments of Passaic, New Jersey // *Smithson R.* The Collected Writings. Berkeley, Los Angeles, London: University of Chicago Press, 1996. P. 68–74.
- Sorokina, Shklyayeva 2015 – *Sorokina Yu., Shklyayeva S.* The Eurasian Utopia: The Legacy of the Nomadic Modernist // *Third Text*. 2015. No. 29 (6). P. 511–525.

References

- Baudrillard, J. (2000), *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo sveta* [In the Shadow of the Silent Majority, or The End of Social], Suslov, N. (transl.), Izd-vo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia.
- Buchloh, B. (1990), "Conceptual Art 1962–1969: From the Aesthetic of Administration to the Critique of Institutions", *October*, no. 55, pp. 105–143.

- Crow, T. (1996), "The Simple Life: Pastoralism and the Persistence of Genre in Recent Art", *Modern Art in the Common Culture*, Yale University Press, London, UK, pp. 173–211.
- Dyogot', E. (1998), *Terroristicheskii naturalism* [Terrorist Naturalism], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Empson, W. (1974), *Some Versions of Pastoral*, New Directions, New York, USA.
- Fomenko, A. (2007), "Lumpen Art", *Arkhaisty, oni zhe novatory* [Archaists, or innovators], NLO, Moscow, Russia, pp. 51–58.
- Fomenko, A. (2020), "Amusing Modernism", *Khudozhestvennyi zhurnal*, no. 114, pp. 110–123.
- Fomenko A. (2021), "Beyond the Threshold of the Visible. The Photographic Objects of Alexander Ugay", *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 11, no. 2, pp. 263–287.
- Foster, H., Krauss, R., Bois, Y.-A., Buchloh, B. and Joselit, D. (2019), *Iskusstvo s 1900 goda: modernizm, antimodernizm, postmodernizm* [Art since 1900: modernizm, anti-modernizm, postmodernizm], Fomenko, A. and Shestakov, A. (transl., eds), Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Girard, R. (2012), "Dostoevsky. From Doppelgänger to Oneness", *Kritika iz podpol'ya* [Critique from the Underground], Movnina, N. (transl.), NLO, Moscow, Russia, pp. 42–133.
- Girard, R. (2016), *Veshchi, sokrytye ot sozdaniya mira* [Things Hidden since the Foundation of the World], Luk'yanov, A. and Khmelevskaya, O. (transl.), Izd-vo Bibleiskobogoslovskogo in-ta, Moscow, Russia.
- Groys, B. (2003), *Kommentarii k iskusstvu*, [Art Comments], Transl from German. by A. Fomenko, A. et. al. (transl.), Khudozhestvennyi zhurnal, Moscow, Russia.
- Krauss, R. (1977), *The Double Negative: a New Syntax for Sculpture, Passages in Modern Sculpture*, The Viking Press, New York, USA, pp. 243–288.
- Kruger, A. (2015), "Elena and Viktor Vorobyev: On Precision and Imperfection", Misiano V. (ed.), *Elena and Viktor Vorobyev: Khudozhnik spit* [The artist sleeps. Catalogue of exhibition in the Kastaev Art Museum], Aspan Gallery, Almaty, Kazakhstan, pp. 28–33.
- Misiano, V. and Kozhakhmetov, D. (eds.) (2016), *Yerbosyn Meldibekov: Eternal Return*, Aspan Gallery, Almaty, Kazakhstan.
- Shatalova, O. (2009), Cross and Crescent of Shymkent [Chimkentskiy krest I polumes'az], URL: <http://www.arba.ru/article/5617> (Accessed 9 September 2022).
- Smithson, R. (1996), "A Tour of the Monuments of Passaic, New Jersey", *The Collected Writings*, University of Chicago Press, Berkeley, Los Angeles, London, pp. 68–74.
- Sorokina, Yu. (2017), "Nomadic Modernism as a Local Innovation", Vorob'eva, D. (ed.), *Sovremennoe iskusstvo Vostoka, Sb. materialov mezhdunarodnoi nauchn. konf.* [Contemporary Art of the East. Proceedings of the International Scientific Conference], Mosk. muzei sovremennogo iskusstva, Gos. in-t iskusstvoznaniya, Moscow, Russia, pp. 269–281.
- Sorokina, Yu. and Shklyayeva, S. (2015), "The Eurasian Utopia. The Legacy of the Nomadic Modernist", *Third Text*, no. 29 (6), pp. 511–525.
- Tao Te Ching (1984), "The book of "dao and de", Alikhanov, Yu., Nikitin, V. and Pomerantsev, L. (eds.), *Literatura drevnego Vostoka* [Literature of the ancient East. Iran, India, China], Izd-vo MGU, Moscow, Russia, pp. 227–230.
- Ul'ko, A. (2015), "Child on the Sand", *Khudozhestvennyi zhurnal*, no. 96, available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/269> (Accessed 9 September 2022).

Информация об авторе

Андрей Н. Фоменко, доктор искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; st802682@spbu.ru

Information about the author

Andrei N. Fomenko, Dr. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; st802682@spbu.ru

Истоки художественной критики во Франции второй половины XVII – первой половины XVIII в.

Елена Е. Агрatina

Московская государственная академия хореографии

Москва, Россия, agratina_elena@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9842-0967

Аннотация. Тема зарождения художественной критики во Франции второй половины XVII – первой половины XVIII в., довольно широко освещенная в зарубежной научной литературе, до сих пор остается недостаточно разработанной в отечественном искусствознании. Тем не менее эта проблема чрезвычайно важна для понимания процессов, происходивших во французской и, шире, европейской художественной среде.

В статье ставится целью осветить процесс становления критики не только как литературного жанра, но, в первую очередь, как феномена культурной жизни. Опираясь на оригинальные письменные источники и зарубежную научную литературу, автор прослеживает, как в парижской художественной среде подготавливался выход изобразительного искусства на свет публичности.

Автор рассматривает такие важные вопросы, возникшие на этапе становления и легитимизации критики, как отличие ее от уже существовавшей теории искусства, а также отличие критика от теоретика и историка изобразительного искусства. Произведение должно отныне удовлетворять не только мастера, заказчика и узкий круг знатоков. Социум становится активным участником художественной жизни, а зритель закрепляет за собой право судить об искусстве.

Постепенно критика становится все разнообразнее и полифоничнее. Появляются произведения, написанные от лица различных персонажей, сочинители адаптируют к себе давно известные литературные жанры: эпистолярный, дневниковый, пьесы, стихи, диалоги. На долгие годы критика становится действующим каналом коммуникации, связывающим всех участников художественной жизни.

Ключевые слова: искусство XVIII в., искусство Франции, Парижская академия живописи и скульптуры, художественная критика

Для цитирования: Агрatina Е.Е. Истоки художественной критики во Франции второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 146–164. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-146-164

The emergence of art criticism in France in the second half of the 17th and the first half of the 18th century

Elena E. Agratina

Moscow State Academy of Choreography, Moscow, Russia

agratina_elen@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9842-0967

Abstract. The topic of the emergence of art criticism in France in the second half of the 17th and the first half of the 18th century, being rather widely covered in foreign academic literature, is still underdeveloped in Russian art history. Nevertheless, that issue is extremely important for understanding the processes that took place in the French and more widely in the European artistic milieu.

The article aims to highlight the process of the criticism formation not only as a literary genre but primarily as a phenomenon of cultural life. Based on original written sources and foreign academic literature, the author traces how the appearance of fine art in the light of publicity was prepared in the Parisian artistic milieu.

The author addresses the important questions that arose during the formative and legitimizing phase of criticism, such as its distinction from pre-existing art theory, as well as the distinction between the critic and the theorist or fine art historian. The artwork must now satisfy not only the master and the customer and a small circle of connoisseurs, society also becomes an active participant in artistic life, and the viewer enshrines the right to judge the art.

The author shows how criticism is gradually becoming more diverse and polyphonic. Works written on behalf of a wide variety of characters are appearing, writers are adapting various literary genres that already exist: epistolary, diary, plays, poems, dialogues. For many years, criticism becomes an active channel of communication linking all participants in artistic life.

Keywords: 18th-century art, French art, Paris Academy of Painting and Sculpture, art criticism

For citation: Agratina, E.E. (2022), "The emergence of art criticism in France in the second half of the 17th and the first half of the 18th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 146-164, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-146-164

XVIII столетие во Франции стало веком художественной критики. Традиционно принято связывать официальное рождение жанра с именем Лафона де Сан-Иена и опубликованным им отзывом на Королевский академический салон 1746 г. Действительно, это сочинение, вызвавшее целую бурю негодования со стороны Академии живописи и скульптуры и шквал подражаний со стороны сочинителей, весьма значимо для формирования жанра. Однако для сочинений Лафона, разумеется, существовали предпосылки, а само оно появилось в определенном, благоприятном для этого культурном контексте. Поэтому в данной статье нам хотелось бы осветить ряд существенных вопросов:

проследить, каким образом возникла критика и чем она отличалась от сложившейся ранее теории искусства; как развитие критики связано с выставочной активностью в Париже XVIII в. и процессом демократизации искусства; кто и на каком основании мог считать себя критиком; чем критик отличался от любителя и знатока; как складывались отношения критиков с художниками; как среагировала на появление критики Академия живописи и скульптуры; какие последствия для искусства Франции имело развитие этого жанра в дальнейшем.

Вполне закономерен вопрос, насколько актуально наше исследование? Зарубежная историография по теме зарождения художественной критики весьма солидна. Достаточно упомянуть хотя бы некоторые, наиболее важные публикации. В последние десятилетия франкоязычными исследователями осуществлялись научные издания оригинальных текстов. Р. Демори и Ф. Ферран опубликовали сочинения Ла Фона де Сан-Йенна с приложением своих предисловий к каждому тексту¹. Сочинения Ла Фона с комментариями издал также Э. Жолле². Проводились конференции и круглые столы, посвященные возникновению художественной критики [L'invention de la critique 2002]. Классическим трудом считается книга А. Фонтена, изданная еще в начале XX в. [Fontaine 2009]. Чуть позже появился основательный немецкий труд о зарождении критики [Dresdner 1915]. Во многом связано с вопросом развития художественной критики исследование А. Бек [Becq 1984], а также написанная на английском языке книга Р. Ригли [Wrigley 1993]. Внимательного изучения заслуживают труды К. Мерво [Mervaud 1974], К. Барта-Ковач [Bartha-Kovacs 2009, Bartha-Kovacs 2012, Bartha-Kovacs 2017], Ф. Ферран [Ferran 2005a; Ferran 2005b], Е. Лавецци [Lavezzi 2011], Э. Змиевской [Zmijewska 1970], Д. Клюге [Kluge 2009] и многих других. Этот массив разнообразной, но труднодоступной для отечественного читателя литературы, в целом содержит ответы на поставленные нами вопросы. Что, впрочем, не отменяет необходимости для каждого исследователя самостоятельного осмысления проблемы и постоянной сверки с источниками изучаемого периода. Тем не менее мы не решились бы предпринять данное исследование, если бы не весьма малое количество русскоязычной литературы, посвященной означенной теме. Отечественные исследователи практически не занимались этим вопросом. Истокам критики отведена часть главы в книге В.С. Турчина [Турчин 1987]. Однако широкий охват материала не позволил автору углубиться в тему, актуальность которой подкрепляется еще и тем, что анализ процессов, происходив-

---

¹ La Peinture en procès, l'invention de la critique d'art au siècle des Lumières (Démoris René et Ferran Florence (éds)), Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2001. 420 p.

² La Font de Saint-Yenne Étienne, Œuvre critique, Étienne Jollet (éd.). Paris: Éditions de l'École Nationale Supérieure des Beaux-Arts (ENSBA), 2001. 418 p.

ших в культурной среде Франции первой половины XVIII столетия, без сомнения, будет полезен и для понимания аналогичных процессов в отечественной культуре более позднего времени, а также для осмысления путей развития всего европейского и находящегося в зоне его влияния искусства.

* * *

Когда же начинается процесс зарождения феномена художественной критики? Как справедливо отмечает Клюге, о праве судить об искусстве и статусе критика задумывались задолго до Лафона [Kluge 2009, p. 13]. Еще в 1662 г. Фреар де Шамбрай в сочинении «Размышления о совершенстве в живописи» утверждал, что право судить об искусстве принадлежит всем, и упрекал современных художников в гордости.

Мастера древности были достаточно смиренны, чтобы выслушивать критику своих произведений не только от философов и ученых, но и от обычных людей и ремесленников разных специальностей, которые вносили иногда весьма ценные поправки³.

В 1667 г. Дюфрена в сочинении «Об искусстве рисования» разъясняет, что

...гордость чрезвычайно вредит художникам. Извлекайте выгоду из суждений образованных людей, и не отвергайте с презрением возможность узнать мнение любого человека о ваших произведениях [Lavezzi 2011, p. 275].

Разумеется, не все подходили к вопросам художественной критики столь демократично. Критик может не уметь держать кисть в руках, однако он должен иметь определенную подготовку глаза. У одного из самых известных теоретиков искусства XVII века Роже де Пиль можно встретить пассажи, где объясняются особенности и свойства хорошего критика. Во-первых, – считает де Пиль, – совершенно необходимо внимательно изучать вещи и воспитать в себе привычку выносить суждение лишь глубоко вникнув в предмет изучения, ведь

...истинное знание живописи, состоит в том, чтобы отличать хорошее от плохого и понимать, какие части одного и того же произведения хороши, а какие дурны, и уметь объяснить свое суждение [Fontaine 1909, p. 133].

Для критика, считал де Пиль, полезно видеть и изучать живопись разного качества, не только самую лучшую, ведь иначе не научишься

---

³ *Freart de Chambray R. Idee de la perfection de la peinture... Mans, l'imprimerie de Jacques Ysambart, 1662. S.P.*

отличать хорошее от плохого. Нужно наблюдать, рассуждать, накапливать опыт.

Чтобы хорошо судить о живописи нужно иметь развитый ум, потому что тот, у кого он ограничен, и кто не может овладеть теорией об основных составляющих живописи, тот обо всем искусстве будет судить только на основе той части, которая ему известна [Bartha-Kovacz 2012, p. 80].

Что важно, критик не должен считать свое суждение либо суждение кого-либо другого единственно верным, поскольку критик – не оракул, а человек, способный ошибаться. Т. е., как можно видеть, уже в конце XVII в. основные качества хорошего критика были сформулированы человеком, оказавшим серьезное влияние на развитие теории искусства во Франции. Директор Академии и исторический живописец Антуан Куапель, оставивший после себя значимые теоретические сочинения по педагогике в области искусства, также задавался вопросом о сущности хорошего критика, желал найти в нем широту взглядов, способность судить трезво и не поддаваться преходящей моде на того или иного мастера, поскольку главное для критика – способность мыслить самостоятельно [Fontaine 1909, p. 170].

Аббат Дюбо, выпустивший в 1719 г. «Критическое размышление о поэзии и живописи» также защищал право просвещенного человека, не являющегося художником, судить об искусстве. Автор объясняет способность воспринимать прекрасное наличием у человека особого эстетического чувства, которое никак не связано с умением держать кисть в руках и прочими техническими навыками, которыми может обладать и ремесленник⁴.

Разумеется, де Пиль, Куапель, Дюбо и другие процитированные авторы имели в виду под «критиком» знатока, любителя или коллекционера, вращающегося в художественных кругах. О размахе критики как литературного жанра, который развернется в 1740-е гг., они не подозревали. До этого времени критика остается устной, существует на уровне ученой беседы, обсуждения произведений. Долгое время главными участниками этих бесед оставались сами художники, а обсуждения проходили в залах Академии и мастерских. Кроме того, как пишет А. Бек, развитию устной критики способствовали кабинеты коллекционеров, наполненные произведениями искусства [Весц 1984, p. 10]. Знатоков, не практикующих изящные искусства, было совсем немного, а до активного возобновления Салонов в 1730-е гг. широкой публике было просто негде массово знакомиться с произведениями современных художников. Живопись обычные люди могли видеть в основном только в культовых сооружениях, поскольку частные кол-

---

⁴ Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о живописи и поэзии. М.: Искусство, 1976.

лекции были открыты лишь для небольшого круга избранных. Можно сказать, художники ощущали себя в безопасности от строгих судей со стороны, однако их посещали сомнения: если все обсуждения происходят только внутри корпорации, нет ли здесь ловушки? Не грозит ли это возвращением к ремесленничеству? Выход на «широкую арену» был необходим, это понимала сама Академия, организуя Салоны и делая их посещение доступным для всех. Даже в каталогах к академическим выставкам высказывалось желание узнать «мнение просвещенной публики» [Fontaine 1909, p. 172], ведь искусства, как утверждал тогдашний директор Академии Ш.-А. Куапель «созданы для всех людей, одаренных разумом и чувствами» [Fontaine 1909, p. 173]. В одном из номеров «Французского Меркурия» за 1738 г. был помещен следующий текст:

Академия желала бы время от времени получать определенный отклик от публики на свои работы. Она будет являть прогресс в искусствах, которыми занимается, выставляя на всеобщее обозрение произведения своих уважаемых членов, чтобы каждое могло быть подвергнуто суждению просвещенных людей, собравшихся в большом числе, и получило бы свою дань похвал и порицаний, каких оно заслуживает. Требуется поощрять истинные таланты и лишать ложной славы тех, кто еще не достиг совершенства⁵.

И хотя автор призывает потенциальных критиков к умеренности, говоря, что «чрезмерная снисходительность, как и чрезмерная суровость одинаково вредят развитию искусств»⁶, ящик Пандоры был открыт.

В номере «Французского Меркурия» за октябрь 1746 г. Р. де Бонневаль в свою очередь высказал пожелание, чтобы после каждого Салона появлялся «разумный анализ произведений, в котором дана была бы возможность почувствовать характер каждого художника, и были бы отмечены его сильные стороны»⁷. Бонневаль также называет два важнейших качества критика: он должен быть глубоким знатоком живописи и уметь так излагать свои соображения, чтобы не задеть чьи чувства. Бонневаль убежден, что «упражнение» в анализе произведений искусства воспитает и самого критика, незаметно приведет его к совершенству.

На любезное приглашение делиться своими впечатлениями откликнулся знаток и любитель искусства Лафон де Сан-Йенн. Он был

---

⁵ Explication des peintures, sculptures, et autres ouvrages de messieurs les peintres, les sculpteurs et les graveurs de l'Académie royale établie à Paris sous la protection du roi // *Mercure de France*. № 10, 1738. P. 2181.

⁶ Ibid.

⁷ Lettre à M. de la Tour par M. De Bonneval, du 21 Septembre 1746. *Mercure de France*. № 10, 1746. P. 137.

членом Академии изящных искусств в Лионе, много путешествовал, сам занимался рисунком. Известно, что в среде знатоков Лафон был вполне своим человеком, поддерживал отношения с автором «Секретных мемуаров» Л. Башомоном, гравером, знатоком и теоретиком П.-Ж. Мариэттом.

В 1747 г. Лафон выпустил «Размышления о причинах современного состояния живописи во Франции. С рассмотрением основных произведений, выставленных в Лувре в августе 1746 года»⁸. Сам автор определяет свое сочинение как «критические, но скромные размышления, написанные без сильных эмоций и какого-либо корыстного интереса», а целью своей полагает «указать авторам на их недостатки и подтолкнуть к еще большему совершенству»⁹.

В самом начале своего сочинения Лафон сразу заявляет о праве любого зрителя на критику. «Картина, – пишет он, – это книга, вышедшая из печати. Это пьеса, поставленная в театре. Каждый имеет право высказать о ней свое суждение»¹⁰. Кроме того, Лафон дает определение критику как лучшему другу и помощнику художника. Такой критик, «бескорыстный и просвещенный, который, не умея пользоваться кистью, судит [о живописи] пользуясь природным вкусом и без рабского следования правилам» способен «с первого взгляда оценить диссонанс или гармонию в произведении»¹¹. Лафон полагает, что «разумная и умеренная критика, тесно заключенная в рамки вежливости... далека от того, чтобы повредить любому таланту»¹². По сути, Лафон любое произведение искусства объявляет достоянием публики, общественности. Художник, сделав все возможное для успеха своего творения, оказывается не властен над ним с момента предъявления его зрителям. Лафон покушается, еще более решительно, чем это делалось до него, на преимущественное, обусловленное профессиональной подготовкой право художника самому судить о своем искусстве. Художник, полагает Лафон, слишком привязан к технике, слишком хорошо знает, как достичь того или иного эффекта, а потому не имеет чистого и незамутненного восприятия, свежего взгляда, которым обладает человек, технически неподкованный, но наделенный от природы тонким вкусом.

Заметим, что по мере прочтения текста Лафона становится понятно, что он вовсе не считает все суждения одинаково значимыми. Зрителей много, но по большей части их мнения и суждения не имеют никакой ценности. Настоящий критик от природы обладает исключительным вкусом и восприятием, он «от природы» любит «высокие»

---

⁸ La Peinture en procès, 2001.

⁹ Ibid. P. 88.

¹⁰ Ibid. P. 89.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 154.

жанры и презирает «низкие». Проверить, кто достоин судить об искусстве, достаточно просто: нужно выяснить, предпочитает ли критик исторический жанр всем прочим. Ведь тот, кто «мыслит, как простолюдин, будет питать склонность к тем жанрам, которые ему ближе»¹³.

Исторических живописцев Лафон судит особенно сурово, и придирчив он именно потому, что в духе академизма XVII столетия считает историческую живопись вершиной изобразительного искусства. «Один лишь исторический живописец, – отмечает Лафон, – изображает душу, остальные пишут лишь то, что может увидеть глаз»¹⁴. Заметим, что склонность мастеров повторять одни и те же исторические сюжеты вызывает у Лафона досаду. Он сожалеет, что художники «мало учатся и редко читают»¹⁵, тогда как живописец должен много работать над своим образованием, разбираться в сюжетах и архитектуре, костюмах и обычаях разных эпох, иметь представление о флоре и фауне всех частей света.

Портрет Лафон презирает, считая его «зеркалом женского тщеславия» и допуская портретирование лишь тех лиц, которые заслужили остаться в истории. Бытовой жанр для Лафона и вовсе является самым презренным. Так, Лафон называет Шардена правдивым и «наивным» художником, но осуждает его выбор сюжетов. По мнению критика, это «моменты из жизни, не представляющие никакого интереса и которые сами по себе не заслуживают никакого внимания»¹⁶. Бытовая живопись и все еще более низкие жанры, по мнению Лафона, развлекают зрителя, но не просвещают и не воспитывают его. «Человеческие действия, самые простые и самые обыденные, производящиеся в городе или деревне, пасторальные сцены, деревенские праздники, ярмарки и сельские свадьбы, наконец, все вплоть до кухонь, кабаков и конюшен», а тем более «цветы, фрукты, животные, насекомые, вазы, ткани, дворцы, деревья, пейзажи и марины» годятся только для развлечения¹⁷. Лафон не удивляется, что такими вещами увлекались голландцы и фламандцы с их «грубым вкусом», но осуждает современных художников, преданных столь низменным жанрам. Вспоминает Лафон недавно почивших мастеров, таких как Ватто, в творчестве которого не находит «ни жизни, ни правдоподобия»¹⁸. От Буше Лафон требует большего благородства и естественности, Натюара находит манерным.

Довольно много Лафон распространяется о живописных техниках и обстоятельно ругает пастель за недолговечность. Можно без труда заметить, что Лафону свойственны антирокайльные настроения, он

---

¹³ Ibid. P. 76.

¹⁴ Ibid. P. 73.

¹⁵ Ibid. P. 122.

¹⁶ Ibid. P. 134.

¹⁷ Ibid. P. 167.

¹⁸ Ibid. P. 130.

является приверженцем классицизма и его суровой риторики. Даже среди исторических сюжетов Лафон отдает предпочтение тем, что связаны с преданностью, самопожертвованием и патриотическим долгом. Лучшие источники таких сюжетов – Одиссея, Илиада, Энеида, Священное Писание, а также сочинения Тассо и Мильтона. Кроме того, Лафон полагает, что было бы полезно, чтобы каждое историческое полотно сопровождалось развернутыми подписями, объясняющими сюжет, поскольку это сделало бы осмотр картин еще более интересным и поучительным.

Можно заметить, что взгляды Лафона слишком традиционны для своего времени, даже в чем-то ретроградны. Эпоха «большого стиля» времен Людовика XIV миновала. Классицизм уступает свои позиции рокайльным идеалам. И хотя официальная доктрина по-прежнему ставит историческую живопись на вершину жанровой иерархии, это все меньше отвечает реальному положению вещей. Академия, как мы знаем, приняла в свое лоно А. Ватто. Академическое сообщество чрезвычайно ценило Ж.-Б.-С. Шардена. Фактически проповедуя уже отжившие идеалы, Лафон плыл против течения. Он допустил грубую ошибку и в подаче своего мнения. Забывая намерение держаться в рамках вежливости, Лафон довольно резко высказывается о мастерах современности. В лексике Лафона мелькают такие выражения, как «сухо», «небрежно», «посредственный замысел», «диссонанс», «тривиальность» и т. п. Лафон даже позволяет себе заметить, что современные художники «подобны лишенным разума животным, которые не смеют сделать шаг в сторону и все идут в одном направлении»¹⁹.

На протяжении всего текста Лафон неоднократно повторяет, что является лишь рупором общественного мнения, что высказывает не столько свои собственные соображения, сколько передает впечатление всех просвещенных зрителей – прием, который должен был помочь ему избежать упреков в предвзятости.

Собственное сочинение Лафон оценивает положительно и с очевидностью ожидает теплого приема со стороны художников, поскольку, как он еще раз подчеркивает в конце своего текста, единственной его целью было поддержание талантов художественной школы Франции. В своих ожиданиях Лафон, однако, ошибся самым радикальным образом.

Прав был П.-Ж. Мариэтт, признанный Академией знаток и историк искусства, когда отговаривал Лафона печатать свое сочинение, указывая на то, что «лишить живого художника его репутации – все равно, что отнять у него состояние и саму жизнь» [Mergaud 1974, p. 123]. Художники не желали отдавать все это без борьбы. Сочинение вызвало целую волну возмущения, даже негодования и ярости в академической среде. Желая ответить Лафону, Ш.-А. Куапель соста-

---

¹⁹ Ibid. P. 122.

вил «Диалог по поводу следующей выставки...», где один из собеседников просвещает другого относительно искусства живописи и будущего Салона. Здесь постоянно встречаются пассажи, полемизирующие с текстом Лафона. «Я не из тех, – заявляет ведущий участник беседы, – кто под прекрасным предлогом оказания людям услуги предупредить их о присущих им недостатках великодушно публикует свою критику, которую человек скромный и действительно стремящийся помочь должен сообщать лишь в частном порядке»²⁰. Далее Куапель возмущается, что в этом критическом сочинении «автор, с лицемерным смирением прикрываясь именем публики, смеет возвысить себя до роли верховного судьи»²¹. В Салоне, говорит Куапель, «публика меняется двадцать раз на дню. То, чем она восхищается в десять часов утра, к полудню подвергается порицанию»²². Поэтому совершенно невозможно понять мнение публики в целом, есть лишь множество частных суждений. Куапель также замечает, что «есть много судей, но мало знатоков»²³ и тот, кто не посвящен в тайны мастерства, может высказывать свои «впечатления» (“sentiments”) от произведений искусства, но не «суждения» (“jugements”). «Обнажите публично недостатки произведения, – пишет Куапель, – приняв вид компетентного знатока. Такая манера окажется весьма далекой от того, чтобы принести пользу тому, кого мы пытаемся исправить. Она будет лишь раздражать и обескураживать»²⁴. Вред от дурной и некомпетентной критики велик еще и потому, что

...он часто проявляется некоторое время спустя, когда публика уже не имеет возможности увидеть критикуемое произведение [...] Брошюры отправляются в провинцию и за границу, где распространяют предубеждения, которыми наполнен их автор²⁵.

Куапель полагает, что гражданский долг – поддерживать авторитет Франции в Европе и не распространять текстов, способных подорвать доверие к французским мастерам – учителям всех европейских художников. Критикуемую книгу всегда можно прочитать и решить, справедлива ли критика, но картины остаются у владельцев и заказчиков, поэтому читатель критических сочинений не может проверить свои впечатления. Таким образом, Куапель опровергает выдвинутый Лафоном тезис о том, что выставленная картина – то же самое, что изданная книга. Вопрос о том, как художникам понять свои недостатки, решает-

---

²⁰ Dialogue de M. Coypel, Premier Peintre du Roi. Sur l'Exposition des Tableaux dans le Sallon du Louvre, en 1747 // Mercure de France № 11. 1751. P. 63.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 65.

²⁴ Ibid. P. 67.

²⁵ Ibid. P. 68.

ся Куапелем довольно просто. Мастер выставляет свои произведения в Салоне, где они соседствуют с произведениями его соперников. Простое сравнение поможет художнику понять, находится ли он в первых рядах или отстает от общего уровня. Также Куапель предлагает старый и испытанный пример самосовершенствования: чтение книг, общение с поэтами и писателями, историками и антикварами.

Итак, на практике Академия оказалась не готова к выходу на открытую арену. Забыв о желании «получать отклик от публики», Куапель пытается оставить право судить об искусстве исключительно за художниками, за академической средой, что было уже невозможно хотя бы потому, что выставки начали входить в обиход, а вокруг них сформировалась весьма многочисленная и заинтересованная публика. Дело, разумеется, не в том, что Лафон во всем прав и верно судит об искусстве. Мы знаем, что его пренебрежительное отношение ко всем жанрам, кроме исторического, было явным анахронизмом. Р. Демори и Ф. Ферран отмечают, что после окончания знаменитого «спора о колорите», в академических кругах заговорили о важности подражания натуре и о равноправии жанров²⁶. Именно после публикации критики Лафона появилось особенно много сочинений и речей на эту тему. В 1748 г. К.-А. Ватле произносит речь в защиту «низших» жанров. Их суть, объясняет он, «состоит не в том, чтобы подняться над природой, как это свойственно героическим жанрам, но в том, чтобы следовать ей во всем» [Lesur 2019, p. 74]. Ю.-Ф. Гравело в брошюре 1749 г. также защищает второстепенные жанры, которые, как он резонно отмечает, нужны хотя бы потому, что могут стать частью масштабных исторических полотен [Lesur 2019, p. 74]. В апреле 1750 г. Ж.-Б. Массе зачитывает на академической ассамблее свое сочинение, где выдвигает тезис о том, что все жанры хороши, плоха лишь посредственность.

Некоторые стремятся к историческому жанру из ложного чувства стыда показаться менее талантливыми, чем их товарищи, и не думая о том, что, уступая им в этом жанре, они, быть может, намного превосходят их в другом²⁷.

По мнению Массе, задачей Академии должно стать привлечение внимания учеников к великим мастерам прошлого, которые прославились в жанрах иных, чем исторический, ибо «лучше хорошо изобразить букет цветов, чем изготовить безвкусное произведение в историческом жанре»²⁸. И даже сам директор Королевской академии Куапель

²⁶ La Peinture en procès, 2001. P. 10.

²⁷ Conférences de l'Académie Royale de Peinture et de Sculpture. Tome V, vol. 2 (1747–1752) Édition établie en partenariat avec le Centre allemand d'histoire de l'art. Paris: Beaux-arts de Paris les éditions, 2012. P. 469.

²⁸ Ibid.

заявляет, что «ничто не представляется нам столь важным для молодых людей, посвятивших себя живописи, как сделать верный выбор между различными жанрами, которые она в себе заключает...»²⁹, поскольку великого художника делает не жанр, но соответствие таланта избранному жанру.

Лафон был, очевидно, смущен и обескуражен реакцией академического сообщества. Следующее сочинение критика появится только в 1754 г., т. е. через семь лет после первого. Однако пример Лафона оказался весьма заразительным: из типографий хлынул целый поток критических сочинений.

Академии не осталось ничего иного, как адаптироваться к стремительно меняющейся ситуации. Академическое начальство приняло срочные и, нужно признать, грамотные меры. Во-первых, уже в 1748 г. была учреждена комиссия по отбору произведений в Салон. Здесь критика сделала свое дело, поскольку отношение к качеству выставляемых вещей стало более строгим. Известно, что в Салонах 1750 и 1751 гг. многие мастера отказались участвовать по собственной воле. Затопившая Салоны критика пугала недостаточно сильных или просто чувствительных мастеров, которые не хотели становиться мишенью для острых языков сочинителей.

Во-вторых, Академия предприняла еще один шаг для повышения общего уровня мастерства. В 1747 г. была учреждена Школа избранных учеников, где студенты, завоевавшие Римскую премию, могли совершенствовать свои навыки перед трехлетним пребыванием в Италии. Разумеется, предпосылкой для создания этой школы стала не только активность критиков, однако совпадение дат представляется нам весьма показательным. В-третьих, были приняты кое-какие меры и против самих критиков. Поскольку Академия носила титул королевской, а ее делами занимался директор королевских строений, ей удалось «потребовать и получить средство усмирения пасквилей», в изобилии появляющихся к каждому Салону. Письмо Кошена от 17 сентября 1765 г. сообщает нам, что уже много лет назад Академия потребовала от сочинителей,

...чтобы их манускрипты перед отправлением в печать передавались директору королевских строений. Разрешение на печать будет выдаваться только согласно суждению этой персоны. Кошен, кроме того, просил, чтобы каждый сочинитель обязался подписывать свои брошюры и не мог бы укрывать свое недоброжелательство или невежество под покровом анонимности³⁰.

---

²⁹ Procès-verbaux de l'Académie royale de peinture et de sculpture / par A. De Montaiglon. V. 1–9. 1875–1889. V. 6. Paris, Charavay Frères Libraires de la Société, 1885. P. 205.

³⁰ *Guiffrey J.* Table générale des artistes ayant exposé aux salons du XVIIIe siècle. Paris: J. Baur, 1873. P. XLV.

Сочинители, в свою очередь, искали способы отстаивать свободу слова. Так, в 1783 г. один из авторов избежал цензуры, поскольку его брошюра была не напечатана в издательстве, а гравирована. Некоторые критики, в частности, Дидро и Башомон, и вовсе оставляли свои отзывы в рукописном виде. Иногда можно встретить такое мнение, что ненапечатанная критика не могла иметь серьезного влияния. Однако, на наш взгляд, это неверно. Круг, в котором вращались художники и критики, был не настолько велик, чтобы понадобились огромные тиражи, дабы быть замеченным. А то, что переписывалось и передавалось друг другу в некоторой тайне от академического начальства, могло привлекать даже больше внимания, нежели изданный и, как все знали, прошедший цензуру текст.

Итак, жанр зародился. До середины 1750-х гг. критика проходила период становления и легитимизации. Формировались ее законы и принципы, отличающие ее от академической теории искусства. Нам представляется необходимым обозначить здесь наиболее существенные моменты. Во-первых, критика всегда создается по случаю, она является ответной реакцией на выставки современных, живых мастеров, с которыми можно вести диалог, полемизировать в настоящем времени. Во-вторых, критика не ставит себе целью выработку новой доктрины, единых правил искусства или обучения ему. Каждый сочинитель высказывает свое мнение, к которому художник волен не прислушиваться. Поскольку разнообразие мнений было весьма велико, между критиками возникала полемика, они отвечали друг другу, защищали любимых мастеров, отстаивали свою правоту, иногда весьма запальчиво. Это была коллективная рефлексия небывалого ранее масштаба. За несколько лет сформировалась привычка размышлять о сути и значении искусства, что определило климат в художественной жизни Франции XVIII в. Зритель, т. е. человек, не имеющий отношения к художественной практике, начинает осознавать свою новую роль в творческом процессе. Ведь с появлением выставок становится ясно, что искусство создается именно для него, чтобы он увидел созданное и оценил его. Это был взгляд извне, со стороны, которого не могло быть в среде художников.

Критика принципиально отличалась от сложившейся ранее теории искусства. Теория формировалась фактически в недрах Академии, предназначалась художникам, должна была служить делу образования молодых мастеров, помогала овладеть техническими навыками и специальными знаниями. Теоретические сочинения, зачитываемые на академических ассамблеях, имеют в большинстве своем дидактический характер. Теоретики не всегда были согласны друг с другом, но целью своей Академия ставила создание стройной и практически полезной системы. Критика имела иную природу. Она обладает спонтанным характером первой реакции на увиденное. И хотя критики все как один заявляли, что желают помочь мастерам усовершенствоваться в своем искусстве, за этим не стоит видеть нечто большее, нежели риторическую фигуру.

Заметим, что критике был нужен и особый язык, словарь, и заимствовать его было неоткуда, кроме как из теоретических сочинений об искусстве. Однако то, что пишется художниками и для художников, не подходит для обычного читателя, поэтому критики начинают менять и объяснять термины, желая сделать их понятными более широкому кругу читателей. Составляются новые словари. Так, словарь де Марси относится к 1746 г.³¹, словарь Лакомба – к 1756-му³². В сочинениях критиков технические термины отходят на второй план, а слова, выражающие эмоции начинают преобладать. Э. Змиевска отмечает, что язык зачастую заимствовался и из литературной критики [Zmijewska 1970, p. 123].

Разумеется, начинаются споры, кто может считаться хорошим критиком и на чем он должен основывать свои суждения. Позицию Лафона об интеллектуальной элите разделяли далеко не все. Приобретает все большую популярность термин «le sentiment», что можно перевести как «эстетическое чувство», которое позволяет сразу и непосредственно воспринять, и оценить произведение искусства. К. Барта-Ковач отмечает, что концепция «эстетического чувства» была предложена еще в 1719 г. Дюбо, пишет, что согласно идеям этого автора «эстетическое чувство... принадлежит невидимым органам, оно позволяет судить о произведениях искусства и чувствовать их» [Bartha-Kovacs 2017, p. 223]. Исследовательница также отмечает, что критики ценили это понятие за то, что его трудно было сковать догмами, привязать к определенной доктрине, а это обеспечивало полную свободу сочинителям, опирающимся на свое «эстетическое чувство» как основной критерий суждения [Bartha-Kovacs 2017, p. 223]. Е. Лавецци также пишет о Дюбо, что «он уже не слишком интересуется работой художника, ни его идеями, он почти целиком сосредотачивается на опыте зрителя» [Ferran 2005b, p. 276]. Зритель больше не обязан покорно воспринимать то, что ему «показывают», теперь он берет на себя активную роль того, кто смотрит и судит. И здесь он опирается на свое чувство, не обусловленное технической «подкованностью». Другой сочинитель – аббат Леблан – пишет:

Мало кто из людей имеет острый разум, но почти все имеют верное чувство. Если есть такие, кто заблуждается по поводу живописи, то это те, кто, не имея знаний, судят о ней посредством разума, который предлагает им ложные идеи, вместо того, чтобы придерживаться чувства, которые дает верные подсказки³³.

---

³¹ *Marcy F.-M., de. Dictionnaire abrégé de peinture et d'architecture 2 vol. Paris: Nyon, Barrois, 1746.*

³² *Lacombe de Prézel H. Dictionnaire iconologique: ou, Introduction à la connoissance des peintures, sculptures, medailles, estampes ect. Paris: Chez Theodore de Hansy, 1756.*

³³ *Leblanc J.-B. Lettre sur l'exposition des ouvrages de peinture, sculpture, etc. de l'Année 1747. Et en général sur l'utilité de ces sortes d'Expositions. A Monsieur R. D. R. Amsterdam, L. Guillaume Baillet de Saint Julien, 1749. P. 11.*

Заметим, что именно свои чувства, а не суждения предлагал выражать критикам Куапель в уже цитированном выше сочинении.

Таким образом, критика утверждала свои демократические позиции. Если Лафон в своем первом сочинении требовал от критика утонченности и образованности, то гораздо популярнее оказалась идея того, что у каждого человека есть верная интуиция, чувство, ведущее его по пути познания искусства. Эту идею поддержит позже и Дидро:

Я хвалю и порицаю, следуя личному своему впечатлению, не являющемуся законом. Сам Господь Бог не потребовал бы от нас ничего иного, как быть искренним с самим собою. Пусть художники соблаговолят не быть требовательнее его³⁴.

Критик, таким образом, отличается от знатока. Последние имели гораздо более профессиональное отношение к искусству, были коллекционерами, авторами серьезных трактатов. Зачастую Академия принимала их в свое лоно в качестве свободных и почетных членов. Среди них могли быть богатые и влиятельные люди,

...которые, не практикуя искусства, как это делают академики, выделяют свои знания в области теории искусств, заинтересованностью в их развитии, а также тонким деловым чутьем, которое может принести пользу в поддержании и сохранении прав Академии³⁵.

Критики были намного многочисленнее, а их положение в художественном сообществе было значительно менее официальным (подробнее см. [Bartha-Kovacs, 2009]).

Итак, в первые два десятилетия своего существования критика работала и утвердила свою специфику, опирающуюся на доступность искусства широким массам и заключающуюся в отсутствии общей доктрины, опоре на чувства, а не на профессиональные знания, готовности вести живой диалог с творцами и идейными оппонентами, понимании искусства как важной части современной жизни. Эти принципы давали зрителям, желающим выразить свое мнение об увиденных произведениях, широкие возможности. Теперь любое мнение считается ценным. Критики вступают в игру, показываясь под различными масками. Во второй половине XVIII столетия появляются сочинения, написанные от лица юной провинциалки, аббата, английского лорда, восточного путешественника, художников минувших эпох, даже крестьянина, нищего или слепца. Кроме того, критика адаптирует к себе различные жанры: эпистолярный, дневниковый, пьесы, стихи, диало-

³⁴ Дидро Д. Салоны. Т. 2. М.: Искусство, 1989. С. 15.

³⁵ Procès-verbaux de l'Académie royale de peinture et de sculpture / par A. De Montaignon. V. 1–9. 1875–1889. V.8. Paris, Charavay Frères Libraires de la Société, 1888. P. 290-291.

ги. Постепенно в критических сочинениях возрастает роль иронического начала, появляются «Салоны-пародии», где юмор выступает инструментом анализа произведений. Каждый Салон сопровождается изданием массы журналов и брошюр, приобрести их может любой желающий прямо на улице перед входом на академическую выставку.

Критика оказывает влияние и на развитие собственно искусства. Художник оказался лицом к лицу со зрителем, теперь уже не безмолвным и внимающим, но заинтересованным, рассуждающим, зачастую резким и ироничным. Качество создаваемых и выставляемых произведений теперь не просто дело чести художника и удовлетворения заказчика. Новым участником художественного процесса становится социум в самом широком смысле слова. Гласность и публичность стали действенными инструментами, побуждающими мастеров к самосовершенствованию. Выставляя на суд публики законченное произведение, художник последовательно представляет себя, как творца, Академию, членом которой он является, и саму Францию.

Это тем более справедливо, что, как и полагал Ш.-А. Куапель, критические сочинения распространяются далеко за пределы Франции. Так, подписчиками «Литературной корреспонденции» Гримма, где выходили «Салоны» Дидро, были Екатерина II и шведский король Густав III. На протяжении XVIII столетия культурное влияние Франции в Европе последовательно возрастает, а французский язык становится интернациональным. Рассказать, что нового может предложить Париж в области искусств, способны, разумеется, приезжие и путешественники, приглашенные художники различных специализаций. Но XVIII столетие не может обойтись без письменной информации. Отзывы на Салоны, дополненные по возможности гравюрами, становятся источником знаний о новейших тенденциях во французском искусстве и, в свою очередь, подтверждают статус Франции как лидера современной художественной жизни.

Источники

Дидро Д. Салоны. Т. 2. М.: Искусство, 1989. 399 с.

Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о живописи и поэзии. М.: Искусство, 1976. 767 с.

Conférences de l'Académie Royale de Peinture et de Sculpture. Tome V, vol. 2 (1747–1752) Édition établie en partenariat avec le Centre allemand d'histoire de l'art. Paris: Beaux-arts de Paris les éditions, 2012. 776 p.

Dialogue de M. Coypel, Premier Peintre du Roi. Sur l'Exposition des Tableaux dans le Sallon du Louvre, en 1747 // *Mercure de France* № 11. 1751. P. 59–73.

Explication des peintures, sculptures, et autres ouvrages de messieurs les peintres, les sculpteurs et les graveurs de l'Académie royale établie à Paris sous la protection du roi // *Mercure de France*. 1738. № 10. P. 2178–2192.

- Freart de Chambray R. *Idee de la perfection de la peinture...* Mans, l'imprimerie de Jacques Ysambart, 1662. 175 p.
- Guiffrey J. *Table générale des artistes ayant exposé aux salons du XVIIIe siècle.* Paris: J. Baur, 1873. 182 p.
- La Font de Saint-Yenne Étienne, *Œuvre critique*, Étienne Jollet (éd.). Paris: Éditions de l'École Nationale Supérieure des Beaux-Arts (ENSBA), 2001. 418 p.
- La Peinture en procès, l'invention de la critique d'art au siècle des Lumières (Démoris René et Ferran Florence (éds.)), Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2001. 420 p.
- Lacombe de Prézel H. *Dictionnaire iconologique: ou, Introduction à la connoissance des peintures, sculptures, medailles, estampes ect.* Paris: Chez Theodore de Hansy, 1756. 354 p.
- Leblanc J.-B. *Lettre sur l'exposition des ouvrages de peinture, sculpture, etc. de l'Année 1747. Et en général sur l'utilité de ces sortes d'Expositions.* A Monsieur R. D. R. Amsterdam: L. Guillaume Baillet de Saint Jullien, 1749. 214 p.
- Lettre à M. de la Tour par M. De Bonneval, du 21 Septembre 1746.* Mercure de France. 1746. № 10. P. 137–140.
- Marcy F.-M. De, *Dictionnaire abrégé de peinture et d'architecture* 2 vol. Paris: Nyon, Barrois, 1746. Vol. I. 431 p. Vol. II. 396 p.
- Procès-verbaux de l'Académie royale de peinture et de sculpture / par A. De Montaignon.* V. 1–9. 1875–1889. V. 6. Paris: Charavay Frères Libraires de la Société, 1885. 440 p.

Литература

- Турчин 1987 – *Турчин В.С.* Из истории западноевропейской художественной критики XVIII–XIX веков. М: Изд-во Московского ун-та, 1987. 367 с.
- Bartha-Kovacs 2017 – *Bartha-Kovacs K.* « Système des sentiments » et « langage du cœur » dans le discours sur l'art français du XVIIIe siècle // *L'esprit de système au XVIIIe siècle / éd. Sophie Marchand et Élise Pavy-Guilbert.* Paris, Hermann: "Les collections de la République des lettres", 2017. P. 215–227.
- Bartha-Kovacs 2009 – *Bartha-Kovacs K.* La figure de l'amateur au XVIIIe siècle : l'amateur et la critique d'art // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae: Acta Romanica, French Department University of Szeged,* 2009. XXV. P. 81–91.
- Bartha-Kovacs 2012 – *Bartha-Kovacs K.* « Les critiques d'art, "mauvais spectateurs" des tableaux au XVIIIe siècle ? » // *Iudicium Indoctum. Études sur la réception des œuvres du point de vue de leur appréciation, éd. P. Hummel.* Paris: Editions Philologicum (Coll. "Philologicum"), 2012. P. 77–93.
- Becq 1994 – *Becq A.* Genèse de l'esthétique française moderne. De la Raison classique à l'imagination créatrice 1680–1814, [Pise, Pacini Editore, 1984]. Paris: Albin Michel, 1994. 956 p.
- Dresdner 1915 – *Dresdner A.* Entstehung der Kunstkritik im Zusammenhang der Geschichte des europäischen Kunstlebens. T. 1. München: F. Bruckmann, 1915. 359 p.
- Ferran 2005 (1) – *Ferran F.* « De quelques expérimentations littéraires de la critique d'art à sa naissance ou comment arranger le Salon selon des liaisons au goût du siècle » // *L'Écrit sur l'art : un genre littéraire?, D. Vaugeois (dir.), Figures de l'art, n°9,* Presses Universitaires de Pau, 2005. P. 67–83.

- Ferran 2005 (2) – *Ferran F.* Littérateurs et critique d'art (1747–1791): invention et appropriations d'un genre en France au XVIIIe siècle, thèse soutenue à l'Université Sorbonne Nouvelle-Paris 3, sous la dir. de R. Démoris. Paris, 2005.
- Fontaine 1909 – *Fontaine A.* Les doctrines d'art en France. Peintres, amateurs, critiques de Poussin à Diderot. Paris: Librairie Renouard – H. Laurens, éditeur, 1909. 316 p.
- Kluge 2009 – *Kluge D.* Kritik als Spiegel der Kunst: die Kunstreflexionen des La Font de Saint-Yenne im Kontext der Entstehung der Kunstkritik im 18. Jahrhundert. Kunst- und kulturwissenschaftliche Forschungen 7. Weimar: VDG, 2009. 419 p.
- L'invention de la critique 2002 – L'invention de la critique. Actes du colloque international de juin 1999, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, octobre 2002. 236 p.
- Lavezzi 2011 – *Lavezzi E.* Remarques sur la critique d'art au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire littéraire de la France* 2011/2 (Vol. 111). P. 269–282.
- Lezur 2019 – *Lezur N.* Les academiciens face à la naissance de la critique // *Diderot Studies*, vol. XXXVI, actes du colloque « Publier sur l'art, l'architecture et la ville : La Font de Saint-Yenne (1688–1771) et l'ambition d'une œuvre », Paris, musée du Louvre, 24–25 novembre 2016, Genève, Droz, 2019. P. 67–85.
- Mervaud 1974 – *Mervaud Ch.* « Un pionnier de la critique d'art du XVIIIe siècle : La Font de Saint-Yenne » // *Motifs et figures*, Centre d'art, esthétique et littérature, préface de M. Pierre Clarac. Paris: Presses universitaires de France, 1974. P. 123–139.
- Wrigley 1993 – *Wrigley R.* The Origins of French Art Criticism from the Ancient Regime to the Restoration 1699–1827. Oxford: Clarendon Press, 1993. 427 p.
- Zmijewska 1970 – *Zmijewska H.* La critique des Salons en France avant Diderot // *Gazette des Beaux-Arts*, fondée en 1859 par Charles Blanc. Paris: PUF, VIe période, tome 76, juillet-août 1970. P. 1–144.

References

- Bartha-Kovacs, K. (2009), “La figure de l'amateur au XVIIIe siècle : l'amateur et la critique d'art”, *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae : Acta Romanica*, French Department University of Szeged, XXVI, pp. 81-91.
- Bartha-Kovacz, K. (2012), « Les critiques d'art, “mauvais spectateurs” des tableaux au XVIIIe siècle ? », in *Iudicium Indoctum. Études sur la réception des œuvres du point de vue de leur appréciation*, éd. P. Humme, Editions Philologicum (Coll. “Philologicum”), Paris, pp. 77-93.
- Bartha-Kovacs, K. (2017), “‘Système des sentiments’ et ‘langage du cœur’ dans le discours sur l'art français du XVIIIe siècle”, *L'esprit de système au XVIIIe siècle*, éd. Sophie Marchand et Élise Pavy-Guilbert, “Les collections de la République des lettres”, Paris, Hermann, pp. 215-227.
- Beccq, A. (1994), *Genèse de l'esthétique française moderne. De la Raison classique à l'imagination créatrice 1680–1814*, [Pise, Pacini Editore, 1984], Albin Michel, France.
- Dresdner, A. (1915), *Entstehung der Kunstkritik im Zusammenhang der Geschichte des europäischen Kunstlebens*. T. 1, F. Bruckmann, München.
- Ferran, F. (2005a), « De quelques expérimentations littéraires de la critique d'art à sa naissance ou comment arranger le Salon selon des liaisons au goût du siècle », *L'Écrit sur l'art : un genre littéraire ?*, D. Vaugeois (dir.), *Figures de l'art*, n°9, Presses Universitaires de Pau, 2005, p. 67-83.

- Ferran, F. (2005b), *Littérateurs et critique d'art (1747–1791): invention et appropriations d'un genre en France au XVIIIe siècle*, thèse soutenue à l'Université Sorbonne Nouvelle-Paris 3, sous la dir. de R. Démoris. Paris, 2005.
- Fontaine, A. (1909), *Les doctrines d'art en France. Peintres, amateurs, critiques de Poussin à Diderot*, Librairie Renouard – H. Laurens, éditeur, Paris, France.
- Kluge, D. (2009), *Kritik als Spiegel der Kunst: die Kunstreflexionen des La Font de Saint-Yenne im Kontext der Entstehung der Kunstkritik im 18. Jahrhundert*. Kunst- und kulturwissenschaftliche Forschungen 7, VDG, Weimar.
- L'invention de la critique. Actes du colloque international de juin 1999*, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, octobre.
- Lavezzi, E. (2011), *Remarques sur la critique d'art au XVIIIe siècle*, *Revue d'histoire littéraire de la France*, no. 2 (Vol. 111), pp. 269-282.
- Lesur, N. (2019), "Les academiciens face à la naissance de la critique", *Diderot Studies*, vol. 36, actes du colloque « Publier sur l'art, l'architecture et la ville : La Font de Saint-Yenne (1688–1771) et l'ambition d'une œuvre », Paris, musée du Louvre, 24–25 novembre 2016, Droz, Genève, pp. 67-85.
- Mervaud, Ch. (1974), « Un pionnier de la critique d'art du XVIIIe siècle : La Font de Saint-Yenne », *Motifs et figures, Centre d'art, esthétique et littérature, préface de M. Pierre Clarac*, Presses universitaires de France, Paris, pp. 123-139.
- Tourchin, V.S. (1987), *Iz istorii zapadnoevropeiskoi khudozhestvennoi kritiki XVIII–XIX vekov* [From the history of Western European art criticism of the 18th – 19th centuries], Moscow University Press, Moscow, Russia.
- Wrigley, R. (1993), *The Origins of French Art Criticism from the Ancient Regime to the Restoration 1699–1827*, Clarendon Press, Oxford.
- Zmijewska, H. (1970), « La critique des Salons en France avant Diderot », *Gazette des Beaux-Arts, fondée en 1859 par Charles Blanc*, Paris, PUF, VIe période, tome 76, juillet-août 1970. P. 1-144.

Информация об авторе

Елена Е. Агратина, кандидат искусствоведения, доцент, Московская государственная академия хореографии, Москва, Россия; 119146, Россия, Москва, 2-я Фрунзенская ул., д. 5, agratina_elena@mail.ru

Information about the author

Elena E. Agratina, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Moscow State Academy of Choreography (The Bolshoi Ballet Academy), Moscow, Russia; bld. 5, 2nd Frunzenskaya Street, Moscow, Russia, 119146; agratina_elena@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 25.09.2022.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1609

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggiu.ru